Дмитрий Жуков

COTROP\$HH6 A368KH

Художественно-документальный роман

> Москва Издательство «Восточный экспресс» 2024

УДК 82 ББК 84 Ж 11

Ж 11 Д. Жуков. Сотворение азбуки. *Художественно-документальный роман.* М., Издательство «Восточный экспресс», 2024 – 232 с.

Художественно-документальным романом «Сотворение Азбуки» Дмитрий Жуков продолжает начатую ранее им тему полиграфии (повесть «Планета Гутенберга», роман «Планида?..»)

Что легло в основу Азбуки Ивана Фёдорова? У кого он учился, какие книги использовал? Ответы на эти и другие вопросы можно найти в книге.

Несмотря на то, роман Дмитрия Жукова относится к историческому жанру, он весьма актуален. В нём автор проводит незримые параллели между притеснением русского языка и православной веры в Украине в шестнадцатом веке и аналогичными событиями в этой стране в наши дни.

Насыщенная интересными фактами о полиграфии и становлении русского языка, книга будет интересна не только студентам и специалистам печатного дела, филологам, а всем, кто интересуется значимыми историческими событиями.

УДК 82 ББК 84

© Жуков Д., 2024 © Издательство «Восточный экспресс», 2024 «...Аз есмь Икан Чёдоров»

любовь к свету

О Иване Фёдорове, основателе печатного дела на Руси, да и не только на своей родине, написано немало книг, статей, снято фильмов. Казалось бы, сложно ещё что-то добавить, найти новые повороты темы. И всё же Дмитрию Жукову, писателю из провинции, на мой взгляд, удалось существенно расширить образ Ивана Фёдорова. В своём художественно-документальном романе «Сотворение Азбуки» он сосредоточил внимание на создании им Азбуки, «книги для младенческого наученья».

Название романа невольно вызывает ассоциацию с «Сотворением Мира». И это не просто находка автора. Иван Фёдоров своей Азбукой заложил такой прочный фундамент изучения славянской грамоты, что это стало своего рода сотворением нового мира с осознанием в ней роли русского языка и православной веры. Как отметил известный историк Е. Л. Немировский, «это труд не просто типографа, он позволяет нам с полным правом говорить о педагогической деятельности Ивана Фёдорова – высокообразованного человека, который под стать титанам западноевропейского Возрождения». Его скромная Азбука явилась родоначальником всех последующих учебных книг первоначального обучения не только на Руси, но и для славян многих стран.

Не буду останавливаться на отдельных эпизодах романа. В нём представлено немало интересных исторических фактов, особенностей, связанных с полиграфическим делом. Книга читается легко, увлечённо, так и хочется узнать: «а что же дальше?» Я отмечу другую её особенность. Полностью согласна с редактором книги, членом Союза писателей России А. Д. Балашовым, который пишет: «...и хотя здесь нет любовной линии, это – роман о ЛЮБВИ. О любви к родному языку, к Родине, Руси и России. О вечной любви к свету, которое несёт ученье, книги. О любви к своему делу,

беззаветной и бескорыстной большой любви. О любви к людям, детям, будущим гражданам страны, которые должны быть умны, грамотны и добры.

Это ещё и острый политический роман, поднимающий тему борьбы католиков (иезуитов) с православной верой.

Убей язык русский, принизь его, обвини в неспособности передать научную или художественную мысль – это равносильно, что убить сам народ.

Это чрезвычайно актуально звучит сегодня, в XXI век, век вечной борьбы Запада с православной Россией.»

Иван Фёдоров, внесший своей Азбукой существенный вклад в борьбу за сохранение русского языка и православной веры, из далёкого прошлого словно напоминает нам: друзья, нельзя сидеть сложа руки, иначе можно потерять очень много. Печальный опыт Украины, в которой идёт всяческое притеснение русского языка и Украинской Православной Церкви, тому подтверждение.

Я не сомневаюсь, что книга «Сотворение Азбуки» будет весьма востребована прежде всего среди студентов нашего университета. Будущим полиграфистам, издателям полезно ознакомиться с подходом новатора Ивана Фёдорова к своему делу, умению преодолевать трудности и добиваться намеченной цели. Да и другим, независимо от профессии, это нелишне знать.

В нашем музее мы регулярно проводим экскурсии для школьников, рассказываем им не только об истории развития полиграфического дела, но и прививаем любовь к родному языку, к своей Родине. И роман Дмитрия Жукова «Сотворение Азбуки», который станет в музее одним из интересных экспонатов, будет в этом плане существенным подспорьем.

С. В. Морозова, кандидат исторических наук, доцент, заведующая Музеем истории полиграфии, книгоиздания и МГУП имени Ивана Фёдорова Мосполитеха

ГЛАВА І ЛІУКИ ОТ «АЗ» И «БУКИ»

Стыло и зябко в начале зимы в московском Зарядье. На забелённой снегом, с проглядью черноты земле, все припорошенные избы похожи друг на друга. Они тянутся неровными рядами, пыхтя косматыми дымами. Морозы – крепкие, ядрёные, ещё не жахнули во всю мочь, они только подбираются, присматриваются, а непогодь, их предвестница, нет, нет, да и ударит на всю катушку. Набегающий резкими порывами ветер громко хлопает ставнями, рвёт с крыш солому, заставляя глубже забиваться в застрехах воробьёв, протяжно и угрюмо, навевая тоску, воет в дымоходах.

Ввечеру редкий прохожий, подняв воротник и уткнув посинелый нос в овчину тулупа, со скоростью ветра несёт свои ноги в жилище, к огню. Ну, а потом для простого люда картина во многом одна и та же. Неспешно похлебав похлёбку, подобрав со стола остатние крошки хлеба, покрестившись на образа, зевая и охая, постепенно отходит народ ко сну. Ещё некоторое время пожужжит прялка, повопит усердно укачиваемый в люльке дитёнок, притушится лучина, да и возвестится длинная тёмная ночь - сопением на печи умаявшихся за день мал мала меньше ребятишек и ожесточённым, до вздрагивания, всхрапыванием на полатях старого люда. Из экономии, дабы лучины поменьше сжечь и лампадного масла спалить, а ещё, чтобы набраться побольше сил для новой многотрудной работы, мастеровой люд укладывается спать пораньше.

А вот в избе печатника Ивана Фёдорова тусклый свет пробивается сквозь затянутые бычьим пузырём

небольшие оконца до поздней ночи. Догорающие в печи угольки легонько потрескивают, шуршат, словно переговариваются друг с другом. Мерно горит закреплённая в металлические кованые светцы лучина. Хозяин избы, молодой мужичок с длинными, схваченными тёмной тесьмой русыми волнистыми волосами, сосредоточенно склонился над столом. Пыхтя от усилия, острым ножом режет доску.

Плотное грушевое дерево не хочет поддаться, принять нужный рисунок. Но что Ивану сопротивление дерева, когда он с металлом управляется и как заправный литейщик, и как искусный гравёр. Но сейчас в первую очередь следует резать гравюры, заставки, красоту наводить для книг новых, доселе невиданных.

Времени на Печатном дворе, возведённом по воле батюшки царя Ивана Васильевича на Никитской улице возле Кремля, ему не хватает. Оттого-то вечерами допоздна, пока не начинают слипаться глаза и неметь от длительного напряжения руки, корпит он дома за дощатым столом.

В очередной раз прицелившись, Иван вонзает нож в дерево. Затаив дыхание, с натугой, не спеша, с выверенным наклоном тянет на себя острое лезвие. Сворачиваясь в лёгкий завиток, на стол стекает короткая тёмная стружка. Выдохнув, Иван отставляет доску в сторону, пристально всматривается в вырисовывающиеся контуры. Нигде не сплоховал, нигде не дал промашку? А то, не дай Бог, дрогнет в какой-то момент рука, вильнёт нож в сторону, и два, а то и три месяца неустанной работы коту под хвост, всё придётся начинать сызнова. Мало того, что грушевое дерево в великой цене, нужное, – сухое, ровное, широкое, поди ещё раздобудь. Нет, нет, промаху он позволить себе никак не может. Царь наказал: книги должны выходить немедля! Спасибо ему, крестится про себя Иван, столько

денег – и на штанбу выделил, и на иноземную бумагу, и дорогущее олово, только работай!

Да, время не ждёт. Русь и так отстала в книгопечатании от западных стран аж на сто лет. Немец Иоганн Гутенберг ещё в прошлом веке изобрёл печатный станок, словолитню, технологию изготовления букв. После этого печатни стали расти там как грибы. А мы вот только запрягаем.

Западные мастера свои секреты не выдают. Литеры они льют особым способом из сурьмы, свинца и олова. Знать бы, сколько каких частей... Впрочем, олово в чистом виде, выяснил он, тоже подходит, литеры получаются цельные, ровные.

Да...Во многом приходится своим умом доходить. Но ничего, мы, русские, не лыком шиты, сильнее вонзает нож в доску Иван. Познаем, сумеем, ещё к нам приедете учиться.

Стоп, отложил он работу в сторону, а где же Ванюшка? Неужто опять напроказничал, да и затихарился? Ужо я ему задам!

Иван привстал с лавки.

- Ванятка! Ванятка! Сынок!

Пошарив глазами в полутёмной избе, заметил белый комочек под красным углом.

– А-а-а, вот ты куда забрался. Что тут вытворяешь? Ванятка, светлоголовый мальчуган с тонкими чертами лица, весь в мамку, и ухом не ведёт. Он где-то далеко-далеко...

Хлоп, хлоп, удовлетворённо летают пушистые, с загнутыми кончиками реснички. Маленький лобик то напряженно морщится, образуя, как у старичка, складки, то вновь разглаживается, губки безмолвно шевелятся:

- Ж-ж-ж...

Ванютка, путаясь в длиннополой домотканой рубахе, поворачиваясь вправо, влево, то, делая крутой

разворот, склонив вбок голову, что-то увлечённо возит перед собой по полу.

- Ж-ж-ж-ж...

На мальчонку обиженно взирает вырезанная отцом из дерева разноцветная коняшка на колёсиках. Совсем недавно Ванятку было не оторвать от этой игрушки. Оседлав боевого коня, он готов был с гиканьем и улюлюканьем скакать во весь опор по воображаемым лугам и степям. Надо было не раз и не два крикнуть, чтобы усадить мальчонку за стол обедать. Но вот эта забава уступила место чему-то, более интересному. Чему же?

В руке Ванюшки – необыкновенный, прилетевший из заморских краев жук, жучок. Он маленький, но такой сильный, такой смелый, что никакая вражеская сила его не берёт. О чём там Ванятка с жуком лопочет, никому не понять. Главное – они друзья, они – вместе!

- Марфа, да ты глянь, что деется! Глянь!

Подбежавшая с раскинутыми руками кормилица Ванюшки полнотелая Марфа, с недавних пор житейская подруга Ивана, не сразу уразумела, в чём дело.

- Где? Что?
- Ванюшку-то на грамоту потянуло!

Наконец Марфа разглядела, что малыш играется не с какой-то заурядной игрушкой, а с буквицей.

– Представляешь, он сам назвал её! Сам!

Марфа ударила руками по бёдрам:

- Батюшки! Скажешь тоже! Тебе уже и здесь буквы мерещатся. Совсем заработался, бедолага, в своей печатне. Да и где он взял-то эту буквицу?
- Наверное, стащил у меня из короба. Ну, да ладно... Главное к грамоте сынок тяняется! Без чьих-нибудь наущений!

Иван хлопнул себя по колену.

- Всё! Буду грамоте его обучать!
- Че-во-о-о-? Какой ещё грамоте? Да ему всего пять годков-то. Рановато будет!
- Какой, какой... Нашей, русской! И ничего не рано, пора! Каждый русский человек должен быть грамоте обучен, а мой сын тем паче.
- Да где это видано, чтобы все грамоте были обучены? Если все станут учиться, кто же тогда работать будет?
- Цыц! Глупа ты, баба, насчёт грамоты рассуждать. Не учась, в люди не выйдешь. Не сразу, постепенно, но грамота на Руси пойдёт. Книги рукописные тоже, казалось, монахи будут вечно по одной в год сотворять, а вон как всё повернулось! Сейчас такую красоту печатаем, да как скоро! И с грамотой поворот выйдет!

Боясь навлечь на себя новый гнев, Марфа подалась в свой закуток. В «бабьем углу», в стороне от царства горшков, плошек, мисок и ухватов, склонилась над прялкой. Зажужжало веретено, засучилась потихоньку пряжа, потянулась на свет готовая добротная нить. Перебирает её Марфа, сматывает в клубок, сама же из-за прялки тихонько зыркает: что-то оно дальше будет?

А Иван, схватив сына в охапку, несмотря на его трепыханье и пищанье, поволок к столу. Усадив на колени, взял из зажатой ладони мальца буквицу.

- Это называется «живете». Понятно?

Мальчонка ужом закрутился на коленях, пытаясь сползти.

- Куда? Сидеть!
- У Ванюшки брызнули слёзы.
- Ну... Повтори. «Жи-ве-ете»
- Жи-и-и... всхлипывая, пробормотал Ванят-ка, живе-е-е-те...
 - Вот! обрадовался отец. Точно!

Тыльной стороной руки он вытер сынишке слёзы.

– А знаешь ли, что «ж» – уникальная буква? Она есть только в славянских языках, в других её нет. Эта буква и вправду похожа на жучка. Но смысл её совсем другой. «Живете» – это жизнь, начало всех начал! Это – великий дар, которым обладает человек, и этот дар должен быть направлен на совершение добрых поступков. Такую буквицу святой Кирилл придумал, как и весь алфавит. А ещё есть «аз», «буки», «веди», много разных букв. Вот сейчас мы с тобой и приступим к их изучению. А что? Чего тянуть кота за хвост?

Покопавшись, он достал из сундучка изрядно потрепанную рукописную книжку.

- Это, Ванюшка, «Евангелие от Матфея». Уразумел? Мальчонка молчал.
- Да, брат, это тебе мало что говорит. Подрастешь поймёшь. Ну, а пока перейдём к буквицам.

Он открыл первую страницу.

- Вот давай найдём твоего «жучка», «живете», значит...

Он заскользил крепким пальцем по листу.

- Ага, вот она самая. Видишь?
- М-м-м, промычал Ванюшка.
- Да что ж такое? Неужели не видишь? Вот же она, твоя буквица, сердито ткнул отец в книгу.

Мальчонка водил глазами из стороны в сторону, ничего не смысля. У него в руках буква была похожая на настоящего жучка, с которым он играл, разговаривал. А тут что-то непонятное.

– A-a-a-a...– обратился Ванюшка, как всегда в трудных случаях, к спасительному рёву.

Но батю провести на мякине не получилось. Наоборот, нарочитое нытьё сына его только раззадорило.

– Ты что, на горох хочешь? Давно не стоял?

Воспоминания о злом горохе, который жалом впивается в коленки, когда долго стоишь на его россы-

пи, быстро привели Ванютку в порядок, слёзы мигом высохли.

– Вот так-то. Да, грамоту одолеть непросто. Намучишься – научишься. А без учёбы и труда не придёт на стол еда.

Посчитав, что буквой «ж» покончено, отец выискал в тексте «А», подвёл пальчик сына к букве.

- Скажи: «а-а-аз».
- Ac-c-c-c...
- Хорошо, молодец! обрадовался первому успеху отец. А теперь найди ещё такую же букву.

Усиленно таращась в страницу, Ванюшка только хлопал ресницами.

– Да вот же «аз», бестолочь! – не выдержал учитель. – Ещё, и ещё. Как можно не видеть? Или ты придуряешься?

Ванюшка вновь ударился в слёзы. Теперь уже ревел по-настоящему, басовито и протяжно, так что Марфа не выдержала, выскочила на помощь.

– Да на черта сдалась такая учёба! Чтоб ей пусто было! Голову ребёнку сломаешь своей грамматикой! Жили без «азов» да «беков», и ничего, слава Богу.

Марфа выдернула перепуганного Ванюшку из рук истязателя, прижала к себе.

– Не дам! Хоть режь на куски – не дам!

Поняв, что с наученьем он явно перемудрил, Иван пошёл на попятную.

– Да будя тебе... Будя!

Он провёл рукой по голове сына.

- Всё хорошо, Ванюшка. А хочешь, я тебе саблю вырежу? Настоящую! Сядешь на коняшку, пришпоришь его, и вперёд, на врага, замахал он рукой. А?
 - Хоч-у-у-у... затихая, протянул Ванюшка.
- Вот и договорились. Да, с грамматикой у нас, брат, что-то не пошло. Не знаешь, в чём дело?

- He-e-e-e... Ванюшка замотал головой, обрадовавшись, что его больше не будут донимать неведомыми буквами.
- Вот и я не знаю... вздохнул незадачливый учитель. Впрочем...

Голова садовая, еловая, кленовая...

Пожалуй, сообразил Иван, мальцу сложно выбрать нужную букву из текста, для него все они сливаются воедино. Нужно выделить каждую букву, чтобы она была крупной, яркой, запоминающейся. Но таких книжек раз, два, и обчёлся, они только у учителей, что ведут обучение при церкви или монастыре. Да и то сложно всё запомнить. Надо, чтобы ребёнку было понятно, доходчиво, тогда «корень учения» не будет горек.

- Иди ко мне, Ванятка. Иди, дорогой!

Отец прижал к себе вздрагивавшее от частого всхлипывания худенькое тельце, ощутил прерывистое горячее дыхание родного существа.

– Саблю я тебе, сынок, непременно выстругаю. Лучше всех, ни у кого такой не будет. А ещё – книжицу о грамматике сочиню.

Схватив Ванюшку подмышки, Иван Фёдоров подбросил сына до потолка так, что пламя лучины заходило из стороны в сторону

- С которой ты всех врагов победишь!

На какой-то миг в избе воцарилась тишина. Слышно было, как тихонько потрескивает догорающая лучина да в печке шелестят остывающие угли.

Сколько ни бился Иван Фёдоров, обучая сына грамоте – то объясняя со всеми подробностями, разжёвывая, так, что, казалось, осталось только раскрыть рот и проглотить готовое, то, потрясая рукой, грозя непременно выпороть розгами, а то – упрашивая, умоляя

вникнуть в самую суть – ничего не помогало. Обучение складам шло из рук вон плохо.

Иван Фёдоров был в отчаянии. Сам он в такое время уже читал, пусть не бегло, потихоньку, всё-таки соединял слова, они сливались в предложения, рождали разные образы. Может, потому, что ему было интересно: а что же несут в себе эти махонькие буковки? Как из них вырастают настоящие картины мира – говорят на человеческом языке, раскрывается всеми красками природа, познается столько нового, неизведанного, что дух захватывает?

Не раз и не два пытался он втолковать это своему сыну, но всё без толку. Ванятка вроде бы прислушивался, замирал, но через некоторое время начинал ёрзать, невольно сопеть и всё норовил свильнуть в сторону.

Не хочет или не может понять? – никак не мог уразуметь отец. Ему хотелось, чтобы сын пошёл по его стопам, проявил себя пусть не в печатном, в каком-нибудь другом учёном деле. Но нет у Ванятки особого желания овладевать знаниями. Как же пробудить, расшевелить его?

Думал, думал Иван Фёдоров, и вот однажды...

- Ванюшка... потеребил как-то утром за плечо сына, вставай, вставай, малыш.
- Заче-е-еем?.. потёр кулачками, натягивая посильнее на себя одеяло и переворачиваясь на другой бок, мальчик. Спать хочу-у-уу....
 - Пойдём, что я тебе покажу!
 - Hy...

Любопытство взяло верх, и Ванюшка нехотя, продирая глаза, сполз с полатей.

- Марфа, а дай-ка нам морковок штук несколько.
- Это зачем ещё? Нищим, что ли? Так им не морковка нужна, а хлебушек, пирожок ли.
- Давай, давай, заторопил её Иван. Потом узнаешь.

Они шли с сыном по устланной брёвнами, обшитой досками мостовой. Иван Фёдоров ступал твёрдо, размашисто, крепко ставя сапог каждый раз, словно припечатывал. Ваняткины шажочки были дробные, лёгкие, будто он не шёл, а летел поверх мостовой. Его тонкая ручонка тонула в жёсткой и шершавой руке отца.

- Батя, а куда мы идём, куда? подпрыгивая, заглядывал в отцовские глаза мальчонка.
- На кудыкину гору, улыбнулся тот в густую бороду.
 - А что будем делать?
 - Кормить чудо чудное...
- Какое, какое? сильнее подпрыгнул на ходу Ванятка, и ладошка чуть ни выскользнула из просторной отцовской руки.
- Чудное, говорю тебе, чуд-но-е! Ох ты, горе моё луковое...
 - Но почему горе? Почему луковое?
 - Потому что кончается на «у». Смотри!
 - Ой...

Ванятка обеими руками вцепился за полу отцовского кафтана, глаза расширились от удивления.

Перед ним выросла самая настоящая живая гора! О четырёх толстенных столбах, с развесистыми лопухами ушей, с угрожающе торчащими у рта клыками – того и гляди, подденут и закинут на небеса. Самое настоящее «чудо чудное»!

- Что это? - прижался мальчонка к отцу

Диковинно было Ванятке, что нос у чудища не простой, а вытянутый, изгибистый, раскачивающийся из стороны в сторону, словно ищущий чего-то. А на самом кончике – тёмный и круглый, как у хрюшки, пятачок.

Вот чудище, изогнув нос, подняло «пятачок» кверху, словно прислушиваясь, покачало из стороны

в сторону, просительно потянулось в Ваняткину сторону.

- Дай ему, сунул в руку сынишки отец морковку, – дай!
- Кто? Я? нырнул за широкую отцовскую спину Ванятка. Да он же меня сьест!
- Что ты, что ты! залучился в улыбке отец. Слон людей не ест, он мясо не любит. Вот морковку с удовольствием. Смотри!

Морковка скрылась в раскрытой пасти как в провалье. Нос тут же взвился кверху и закачался вверхвиз, словно радуясь чему-то.

- Это он нас благодарит, обернулся к сыну отец.– Вишь, понравилось, ещё просит. Дай ему!
- He-e-e, пролепетал жавшийся к нему малыш.– Лучше ты...
 - Ну, ладно. Угощайся!

Ещё одна морковка отправилась по назначению.

Оправившийся от первоначального испуга, Ванятка оторвался от отца, сделал несколько шагов в сторону чудища. Ему тоже хотелось скормить морковку, но – страшно! Такая громадина... Такие клыки... Кажется, разорвёт в клочья любого, кто хоть даже плохо подумает о нём.

Подпиравшая со всех сторон к невиданному зверю толпа вела себя по-разному. Бабы с расширенными глазами неистово крестились, некоторые даже отмахивались рукой, словно всё это им привиделось: «Господи, страсть-то какая!» Из мужиков кто озадаченно чесал голову, кто стоял столбом, не веря своим глазам. Были и такие, кто подходил ближе и совал слону репули, клок сена, кусок хлеба. Слон, потряхивая развесистыми ушами, прицеливался хоботом, принюхивался, и, если не было никакого обмана, отправлял сьестное

в рот. Каждый раз при этом толпа восторженно ахала: «Надо же! Сьел! Сьел...»

Шли домой – Ванятка ужом вертелся вокруг отца – то возбужденно скакал рядом, то, забегая вперёд. И всё сыпал вопросами: «А что это за зверь? А где он живёт? А как он здесь оказался?»

Отец, хитро улыбаясь в бороду, – задел-таки Ванятку за живое! – с ответом не спешил.

- A вот подрастёшь, остановившись, нравоучительно поднял палец, узнаешь!
- Да как же я узнаю? взмолился чуть ни плача Ванятка. Когда? И кто мне скажет?
 - Книги, дружок, всё скажут.
 - Книги?
- Да, книги. Учись читать, овладевай грамотой. В книгах столько всего написано!
 - Про всё-всё?
 - Про всё-всё!
 - И про слона тоже? А что про него написано?
- A то, сынок, что живут слоны в дальних жарких странах. Где никогда не бывает зимы, всегда одно лето.
- Да ну-у-ууу... Скажешь тоже одно лето! прыснул Ванятка. – Прямо как в сказке... Разве такое бывает?
- И не такое бывает. Много чудес есть на свете, много стран разных, зверей невиданных, птиц и рыб диковинных. Например, есть чудо-юдо-рыба размером со слона будет! Во какая!
 - Да ну-у-у-у...

Вот тебе и ну... Будешь книги читать – о многом узнаешь.

- А ты, батяня, много книг прочитал?
- Да уж достаточно...
- А какие? О чём?

- О разном, Ванюшка. Вот был такой путешественник купец Козьма Индикоплов, что означает «плававший в далекую страну Индию». Ту самую, где живут слоны.
 - Такие, как наш?
- Да, как, наш, улыбнулся Иван Фёдоров. Так вот. Козьма совершил немало путешествий на Восток. Он даже написал книгу «Христианская топография». По его разумению, земля наша плоская и со всех сторон омывается океаном.
- A с неё не свалишься в этот самый океан? опасливо посмотрел на отца Ванятка.
 - Не бойся, не свалишься...
 - А что там, дальше? расширил глаза сынишка.
- За океаном лежит прекрасная райская земля с закруглёнными краями, солнцем, луной и звёздами. И всем этим управляют ангелы. Знаешь, почему идёт дождь?
 - He-e-e...
- Это ангелы собирают в трубы воду из океана и льют её на землю.
 - Ух ты...

Перестав скакать вокруг отца, Ванятка молча шёл рядом.

- Батя, а какие ты ещё книги читал?

Ага, возрадовался Иван Фёдоров, расшевелил я – таки Ванюшку. Глядишь, охотка к чтению у него и появится.

А книг-то и немало, самых разных, он прочитал. Много взял от Вассиана Косого, умнейшего человека своего времени, прошедшего путь от «великого временного человека» при царе Василии до обличения в «смутнотворстве» за резкое осуждение монастырского стяжательства. Брошенный за это в темницу и закончивший там свои дни. У него он учился стойкости, несгибаемости ради правого дела.

Читая мудрого Филофея, деятеля с широким кругозором, проникался его идеями создания могущественного Русского государства, превращения его благодаря сохранению православной веры в «третий Рим»: «Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Ивану нравилась выразительность, точность Посланий, на коих Филофей изрядно руку набил. Впоследствии, когда печатник будет писать предисловия и послесловия к своим книгам, это ему весьма пригодится.

Вчитываясь в сочинения Ивана Пересветова, Иван Фёдоров мотал на ус иносказательность так называемых «Челобитных» и «Сказаний». Ему по душе был язык этого сочинителя – выбором метких слов и выражений, приближённости к разговорной речи. Учел он и высказывание Ивана Пересветова насчёт книг «неправильных», тех, которыми пользуются противники православной веры. Нельзя недооценивать их силу, понял он, относиться к этому снисходительно. Позже это тоже найдёт отражение в творениях печатника.

Мог было бы рассказать Ванятке и о том, какое сильное влияние на него оказали книги, личное знакомство с Максимом Греком, его Святейшеством митрополитом Макарием, другим учёными мужами. Но мал ещё паря, пусть подрастёт.

Что же касаемо слона, то таков во время правления Ивана Грозного действительно был! Вот что пишет живший в то время в Москве немец Генрих Штаден: «Никольские ворота ведут из Кремля в город... У этих ворот стоял слон, прибывший из Аравии. Дальше общий судный или Земский двор и цейгауз, за ним друкарня или Печатный двор».

То есть, Иван Фёдоров, отправляясь каждый раз на работу в Печатню, мог видеть аравийского слона.

Кстати, по версии Генриха Штадена, этого слона постигла печальная участь. Причиной тому стал конфликт ухаживавшего за слоном араба с «русскими бражниками», «которые в корчмах пьют и [зернью] играют». Позавидовав большому жалованью чужеземца, эти разбойники и пропойцы убили жену араба, а про него самого пустили лживый слух, будто араб со своим слоном занесли в Москву эпидемию чумы.

«Тогда араба и его слона сослали в опале в посад Городецкой. Араб умер там, и великий князь послал дворянина с наказом умертвить слона при помощи [крестьян] окрестных и посадских», – сообщает Генрих фон Штаден в сочинении «О Москве Ивана Грозного».

Прежде чем палачи исполнили своё грязное дело, осиротевшему слону удалось разломать круглый сарай, в котором его держали. Убийцы обнаружили его лежащим на располагавшейся неподалеку могиле своего погонщика. Как пишет немец-опричник, там аравийского гиганта и добили, после чего отрезали у него клыки и доставили их Ивану Грозному в качестве доказательства, что слон «действительно околел».

глава н «Розга ум вострит»

Ломко, с лёгким звоном рушатся под ногами Ивана Фёдорова затянутые прозрачным ледком лужицы. Спешит он к друзьям в Печатню, а мысли так и крутятся, так и крутятся.

Как бился он вечерами с Ваняткой над «аз» да «буки»», как расхныкался, непонимающе смотря в страницу, сынок... Стыдно стало Ивану за своё приставанье до такой степени, что хоть плачь. И на Марфу зря напустился, начал учить её уму-разуму.

Проходя мимо приземистой, ничем не примечательной деревянной избы, из которой неслась детская разноголосица, он невольно замедлил шаг.

- Аз-з-з... нараспев тянули одни голоса.
- Бу-уки-и... вторили им другие.
- Ве-ее-ди-и., орали третьи.

Сколько раз Иван Фёдоров слышал эту разнобойную музыку! Знал, что там, в избе, ребятишки учатся грамоте. «Азбуку учат – во всю избу кричат!». Ну, учатся и учатся, пропускал всегда мимо ушей доносящиеся из избы крики, ему-то какое дело? Но на этот раз не смог пройти мимо.

А загляну-ка, узнаю, как и по каким книгам сейчас учат. Заодно священника Онуфрия, своего старого приятеля проведаю...

Открыв дверь, отчего в помещение ворвались клубы морозного воздуха, Иван Фёдоров шагнул внутрь. Разом повернувшиеся в его сторону детишки смолкли было, но строгий голос поставил их на место: «Продолжать! Дальше, дальше!»

И полетели ещё громче «аз» да «буки», у Ивана Фёдорова аж уши заложило. Несколько попривыкнув, с интересом вгляделся в детские лица.

Вот собрались они здесь, за длинным столом, самого разного возраста и сословия, думалось, не для того, чтобы баклуши бить, а – учиться. Учиться! Не сами, конечно, пришли, родители их привели. Правильные родители, что своих чад на ум наставляют, не каждый на это сподобится. Многим грамота и даром не нужна, им бы вырастить дитятю, к ремеслу приучить, чтобы отцу в деле помогал, и вся недолга.

И когда же народ поймёт, что во тьме живёт, аки дикий зверь в лесу, ничего, кроме дерев, не видит. А ведь вокруг столько света, столько нового, непознанного. И кому, как ни детишкам, пока голова разной дрянью не забита, сызмальства познавать науку. Глядишь, и выявятся из них учёные мужи, такие, что иноземцев во многом перещеголяют да нашу многомученицу матушку Русь вперёд двинут.

Детишки уже не так пялили на него глаза, каждый тянул своё. Хотя Иван Фёдоров давно прошёл школу, эти «азы» да «буки» так вьелись ему в печёнку, что, разбуди ночью, вспомнит всё до самой малости. Да и как забыть, когда день ото дня долбили эти «буки». Сначала – по порядку, потом – вразбивку. Целый год буквы учили! Это, в общем-то, не так сложно. А вот когда к складам переходили, тут некоторым была мука. Иные не могли уразуметь, как это, если сложить буквы «люди» и «есть», получается «ле». Или из «покой» и «он» – «по». А когда после двузначных шли склады в три буквы, некоторые совсем терялись. Бьётся, бьётся иной ученик, да так и не осилит.

Он вспомнил, как по учившемуся вместе с ним Охриму, который был не в ладах с этими самими складами, стоящая за дверью мать, утирая слёзы, причитала, как

по покойнику: «Ой, да что же это за ученье-мученье... Ой, да зачем это всё нужно... Загубят моего ребятёнка, загубят...Ой, Боже...»

В конце концов забрала мать из школы своего бедного Охрима, спасла от «верной смерти».

Хотя что тут сложного, недоумевал Иван. Подставляй выученные буквы, да и тяни на здоровье. И «титлы» не такой уж страшный зверь. Надо только схватить, что некоторые, наиболее часто употребляемые слова, такие, как «бог», «царь», «святой», «дух», «сын», пишутся не полностью, а сокращённо. Для отличия над ними ставится надстрочный знак «титло»: бг, црь, стый, fix, Ен. Выучи их, и вся недолга. После этого, попервой весьма медленно, водя пальцем по буквам да вспоминая их предназначенье, всё же можно читать предлагаемый учителем Часослов.

Ученье – свет! Никто не заставлял его, Ивана Фёдорова, изучить греческий, а потом ещё и невероятно трудный латинский языки. Но ему хотелось многое познать, многому научиться. А как быть, если своих учёных книг раз, два, и обчелся? Византийцы, греки и римляне уже в давнюю пору великие труды писали, и поучиться у них не только не грех, а насущная необходимость. Зато какой свет засиял, когда он стал напрямую книги на иноземных языках читать, сколько познал нового, неизведанного!

Интересно, а как мыслят теперешние ученики, к чему тянутся? Выйдет ли из кого, скажем, новый Константин Философ, Мефодий, Грек, али нудная зубрежка, стояние «на горохе», порка розгами, обращение за помощью к святому Науму – всё ни к чему, учёба пойдёт прахом?

Он внимательно вгляделся в детские лица. То, что каждая группа тянет своё – кто хором буквы учит, кто склады, а кто уже и молитвы читает, да каждый стара-

ется перекричать другого, чтобы учитель заметил его прилежание, оттого-то в избе и стоит невообразимый ор, ему понятно. А вот кто более способный, кто больше тянется к знаниям?

Сидящего ближе к нему рыжего, в конопушках, с вялым взором ученика он сразу отмёл: рот раскрывает еле-еле, будто каши мало ел, зевает, того и гляди, заснёт. И другому, сидящему напротив, великовозрастному мальчугану, учёба явно не по нутру. Вроде бы ест глазами учителя, тянет правильно, а сам в это время потихоньку товарища в бок кулаком шпыняет. Нашёл занятие, проказник, до учёбы ли ему? Сосед отсовывается от него подальше, а тот не унимается, посильнее норовит ему заехать. Да, от этих учеников трудно ждать успехов в учебе, у них голова другим забита. Также, как от пухленького розовощекого мальца, который, старательно прячась за спинами товарищей, совсем рта не раскрывает. Наверное, ничегошеньки не знает, оттого и норовит скрыться с глаз учителя. Ну, да рано или поздно всё выявится и каждому будет воздано по заслугам.

Может быть, вот этот, с виду тщедушный – бледненький, тоненький как ниточка, с тёмным окаёмом глаз – то ли от болезни, то ли от утомленья, с аккуратно прилизанными волосами проявит себя в чём-то, выйдет на прямую дорогу? Как тянется он к учителю, как старательно, без запинки, выводит «б-р-р-а-а-а», как блестят его расширенные глазки – сразу видно, что учёба ему не безразлична. Прямо-таки «молодец!» хочется крикнуть за старание и прилежание.

Заметив, что за ним пристально наблюдают, мальчонка часто-часто заморгал ресничками. Но не бросил тянуть слоги, старательно продолжал выполнять задание учителя. Молодчинка, отметил Иван Фёдоров, задатки есть. А вот разовьются или зачахнут

в самом начале – это зависит от многого. И от самого мальчонки, и от его учителей, а ещё больше – от родителей, которые должны, обязаны направить способности своего ребёнка на обретение знаний.

Переводя взгляд с одного на другого, Иван Фёдоров из двух десятков выбрал всего несколько, наиболее прилежных, на его взгляд, учеников.

Негусто. Да и непонятно ещё. Иной, например, тот самый малый, что сейчас шпыняет в бок своего товарища, может статься, добьётся больше других. Нередко яркими личностями становятся не тихие и смирные, а такие вот непоседы. Может быть, ученик давно уже освоил азы грамматики, оттого-то и проказничает. Послушание - ещё не признак ума. Чтобы значимое совершить, нередко приходится идти наперекор устоявшемуся мнению, не боясь авторитетов, доказывать свою истину. Кому-кому, а ему, начинающему печатное дело на Руси, это хорошо известно. Как косятся в его сторону переписчики рукописных книг, как упрекают его за то, что богоугодное дело он доверил бездушному деревянному станку. Это - отступление от давно установленных на Руси правил, твердят они, самая что ни на есть ересь! Не учитывают того, что сотни, тысячи печатных книг, которые пойдут по Руси, принесут немало пользы просвещению. Нет, это их не касается, только о своём, сутяжном, думают. Сами они вредители...

Иван Фёдоров, посматривая на учеников, думал своё, а ребята, не прекращая тянуть буквы и склады, с нескрываемым любопытством смотрели в его сторону: «Кто ты таков, дядя, зачем к нам пожаловал?»

«Учиться!» – хотелось ответить Ивану Фёдорову. Хотя и овладел он многими науками, столько всего познал, что иным на три жизни хватит, но вот поди ж ты – снова и снова приходится до чего-то допытываться. Учиться приходится всю жизнь.

– Иван! – прервал его рассуждения знакомый голос отца Онуфрия. – Ты? Проходи, я сейчас. Вот только управлюсь...

Учитель – раскрасневшийся, с расстегнутой верхней пуговицей на кафтане, с пучком розог стоял возле лавки, на которой со спущенными портками вытянулся мальчуган лет десяти. Услышав шум, ученик, искоса поглядывая на учителя, попытался потихоньку сползти на пол. Но не тут-то было.

- Ты думал, уже всё, дружок? схватил ребёнка за ухо учитель. Погоди-и-и! Тебе сколько причитается розог?
- Четы-ыы-ре-е-е... запинаясь, сквозь слёзы, протянул мальчик.
- А ты только две получил. Значит, ещё две осталось. Всего то… усмехнулся учитель, а ты уже скис. Слабоват! Вон Ерёма вчерась восемь заработал, и ничего. Да, Ерёма? повернулся он к ребятам.
- Ничего-о-о... растянул улыбку растрепанный, с торчащими вихрами во все стороны мальчуган.
- Так что терпи! В следующий раз будешь как следует Азбуку учить!

Всхлипнув пару раз, мальчик покорно вжался в лавку.

Размахнувшись, Онуфрий с хеканьем хлестанул розгами оголенную спину так, что на вздрогнувшем белом тельце выскочили жгуче-красные полосы.

Мальчик, кусая засунутый в рот кулак и ужом извиваясь на лавке, застонал.

– Бо-о-ольно-о-о-? Неужели? Будешь знать, как на уроке ворон считать!

Учитель погладил розги, подмигнул ребятам:

- А вот и последний! Подарочный!

- Ха-ха-ха! - грохнул класс.

Видно было, что «подарочная розга» здесь гуляет не внове, и в какой-то степени даже ей рады. Да и как иначе? Это же – пос-лед-ня-я, «остатняя» розга! И какой же у них шутник учитель, что не просто сечёт, а с шутками-прибаутками, с которыми терпеть наказание не так больно.

Но учителю было не до смеха.

– Так, Федот! – вперил он суровый взор в поднимающегося с лавки ученика с мокрым красным лицом. Скажи дома, чтобы позвали священника отслужить за тебя, балбеса, молебен Спасителю, Божьей матери и святым, покровителям в учении Косме и Дамиану. Да ещё – непременно! – пророку Науму. Понял? Проси его: «Пророк Наум, наставь на ум!» Хорошенько проси!

Заметив шушуканье и пересмеиванье в классе, учитель насупил брови.

– Тихо! Это всех касаемо! А то бъёмся, бъёмся, а некоторые склады так и не читают. Давайте хором попросим у Бога вразумление молитвой.

Он взмахнул руками:

- Преблагий Господи-и-и!.. затянул низким ровным голосом.
- Спосшли нам благодать Духа твоего Свято-о-ого... понеслось в классе. Укрепляющего душевные силы на-а-аши-и-и...
- Дабы, внимая учению, потряс указующим перстом учитель.
- Возрастали мы Тебе, нашему Создателю, во слаа-а-ав-у-у-у... – подхватили ученики. – Родителям же нашим в утеш-е-е-ени-и-е-е-е...

После этих слов учитель, взмахнув рукой, вместе со всеми с особым воодушевлением завершил:

– Церкви и Отечеству на по-о-о-льзу-у-у...

Покончив с неотложными делами, отец Онуфрий шагнул к Ивану Фёдорову.

- Нас когда-то тоже пороли, нарочито громко, чтобы все ребята слышали, сказал он. Помнишь?
 - Да уж помню, помню... вздохнул Иван Фёдоров.
- Розга ум вострит! продолжил нравоучительно Онуфрий. Да ведь и толк выходит! Вот этот дядя, указал на Ивана Фёдорова, большим человеком стал, сейчас книги делает.

Все уставились на Ивана Фёдорова словно на диковинку. Как это: делать книги? Кажется, что их творят Боги – там, на небесах. А если бы ребятам сказали, что Иван Фёдоров собирается печатать эти самые книги на каком-то мудрёном станке, то они вовсе бы приняли его за чудотворца. Но учитель не стал вдаваться в премудрости. Монотонно, по несколько раз повторяя одно и то же, он ещё долго вбалбливал в головы ученикам о пользе розог, так что Иван Фёдоров тоже невольно об этом задумался.

В детские годы его также секли розгами, и не раз. За что? Во время учёбы иногда проказничал, мать да отца ослушничал, мало ли грехов и грешков у человека набирается, особенно маленького, непоседливого да пронырливого. Вот и ему доставалось на орехи, чем он хуже других?

Все же один случай врезался в память.

Как-то, ему было годков пять-шесть, забежал он в соседнюю избу позвать дружка своего Егорку в салочки поиграть, по двору побегать. Егорку не нашёл, зато видит: лежит на столе горка свежеиспеченных пирожков. Ах, какие красавцы! Румяные, обсыпанные соблазнительным маком, пышущие ароматом, прямо-таки с ног сбивают. И словно просят: скушай нас на здоровье! Бери смелее, сделай одолжение!

Оторопел от такого призыва Ваня, остановился как вкопанный. И хочется, и колется. А пироги знай своё наяривают: «Бери, бери!»

Это потом отец растолковал, что вовсе не пирожки ему песню пели, а сам чёрт соблазнял, докрасна распалял. И хотя мелькнула было тогда у Ванюшки мыслишка, что брать нельзя, грешно это, сатана взял верх.

Схватил Ванечка пирожок с самого края, да деру из избы. Забившись в дальний угол двора, проглотил его в один присест. Животу – праздник, а на душе стало неспокойно. Знал ведь, что брать чужое нельзя, отец с матерью сколько раз наказывали, да вот не утерпел, – схватил. Украл!

И так нехорошо стало Ванюше, что готов был он броситься назад в избу да возвернуть ворованный пирожок на место. Но из живота уже не вынешь, уютно лёг там пирожок, пригрелся, сытой приятностью обволакивает и что-то нашептывает... То хитрый бесёнок твердил: ему «Не боись! Эка делов! Всё обойдется...» И добавлял, сверкая лисьими глазками: «Тебе ведь хорошо? Хорошо! Это самое главное. А на остальное не обращай никакого внимания. Плюнь на всех!»

Странное дело: когда отец полосовал его розгами, вымоченными в солёной воде для пущей острастки, он, корчась на лавке от боли, в душе испытывал некое облегчение. Его порют, он страдает, значит, очищается от скверны, что взялась неведомо откуда.

А отец, хлеща от души, всё приговаривал:

– Не будешь брать чужое! Не будешь чужое брать! Перед тем, как снова обрушиться жгучими хворостинами, наклоняясь к самому уху, дышал жарко, горячо:

- Не будешь?

- Не буу-у-у-у!..

С тех пор как бабки отшептали. Брать чужое? – Ни-ни...

Хотя задницу ему потом неимоверно жгло и сидеть было невмоготу, отцу, – царствие ему небесное, – мысленно перекрестился Иван Фёдоров, на всю жизнь остался благодарен. Знатный урок получил! Уж в каком бедственном положении потом за свою жизнь ни оказывался, – никогда, ни при каких обстоятельствах не зарился на чужое. Своё отдать, рубашку последнюю отдать страждущему – пожалуйста, а чтобы слямзить что плохо лежит – Боже упаси!

Да, польза от наказания, если оно по делу, несомненно, есть, мыслил Иван Фёдоров. Библия на этот счёт так говорит: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его». И в Домострое о наказании юных чад говорится немало. Примечательно, что это слово далеко не всегда означает битьё палками или розгами. Наказание должно быть как крайнее средство воспитания: «Если жена, или сын, или дочь слову или наставлению не внимает, и не слушает, и не боится, и не делает того, чему муж, или отец, или мать учат.»

Вообще-то эта тема весьма сложная. В том же Домострое говорится, что наказывать детей лучше в субботу дома, в стороне от чужого глаза. И даже – как это понять? – если ребёнок не заслуживает наказания, а для острастки, на будущее. Правильно ли это?

Жить в вечном страхе и слепом повиновении – что из этого хорошего выйдет? Как могут дети свободно мыслить, принимать смелые решения, если за малейшую провинность, а то даже без оного, следет наказание? Иной горе-учитель до того усердствует, что ученикам уж никакая наука на ум нейдет. Сожмется иной

бедолага на уроке в кучку, да и сидит целый день в отупении, лишь бы не заполучить розог.

«Нет, нет, надо смягчить наказания. Будь моя воля, я бы ...»

Все эти размышления Ивана Фёдорова на важнейшие темы обучения, воспитания и наказания детей вылились затем в его Азбуке в такие строки:

«Не сотвори насилия убогому», «Не дотыкайся межей чужих и на поле сироты не вступай». «Послушая отца твоего, иже тя родил», – обратился он к учителям и родителям.

В то же время не отрицает и наказания:

«Отцы, не раздражайте чад своих, но воспитайте их в наказании... в милости, в благоразумии, в смиреномудрии, в кротости, в долготерпении, приемлюще друг друга и прощение дарующе».

«Аще ли накажеши его жезлом, не умрёт от того. Ты бо жезлом биеши его, душу же его от ада избавиши».

«Аще ты в юности накажеши его, а он успокоит тебе на старость твою».

Детям же Иван Фёдоров адресовал слова апостола Павла из « Послания к ефесианам»:

«Чада, послушайте своих родителей... да благо будет вам и будете долголетны на земли».

Вошедшие в Азбуку отдельным разделом, эти слова Ивана Фёдорова, характеризующие его как великого просветителя и воспитателя, стали наказом не только родителям, учителям, но и всему обществу.

Многое из этого не потеряло своего значения и в наши дни.

ГЛАВА НІ НА ВЄЛИКОМ ТОРГУ

🕻 базарный день, в пятницу, Иван Фёдоров засобирался на Торжище, что у Кремля. Вообще-то не ходок он по таким местам, вся эта толкотня, бесконечный ор, когда сходятся два дурака - один продает, другой покупает, ему не по нутру. Вот с книгами да бумагами возиться - что-то умное вычитывать, выписывать... Или пилить, строгать, резать дерево ли, металл – это любо. Но он не книжный червь, что живёт в заточении, надобно знать, и что вокруг творится. А направился на Великий Торг ради книг - глянуть, что на рядах продают да почём. Ведь сам царь покупать святые книги на Торгу указал: «И тако благоверный и великий князь Иван Васильевичи всея Росии повеле святая книги на торжищах куповати и в святых церквах полагати псалтыри, и евангелии, апостолы, и прочая святыя книги...»

Особеннно Ивану Фёдорову хотелось узнать: в ходу ли Азбука?

Взошедшее солнце играло блеском на маковках церквей, переливчато искрило свежим снежком, бодрило, подгоняло вперёд.

Впереди показалась раскатанная, темнеющая средь снега ледяная дорожка. Оглянувшись по сторонам – не видит ли кто из благочестивых, его знакомых, Иван, придерживая одной рукой колпак, а другой полы раздувавшегося кожуха, во всю мочь покатил по скользкой глади.

Обжигаемый морозом, нёсся он, как озорной мальчишка, которому неведомы ни страхи, ни тревоги.

Да и не стар, ведь ему всего лишь тридцать с небольшим, возраст Христа. Сколько ещё можно сделать, сотворить полезного!

В самом конце Ивана крутнуло так, что он на какое-то время потерял равновесие. Затрепало, замотало из стороны в сторону, что казалось, вот-вот грохнется об лёд, растянется во всю длину. Отчаянно замахав руками, Иван затрепыхался на ветру, собирая себя в кучку – «лишь бы не упасть, не свалиться кулем!» И – устоял на ногах.

Дальше пошёл уже спокойным шагом, поглядывая по сторонам. А мысли то и дело возвращались к вчерашнему посещению школы.

Когда учитель оставил наконец забившее всем голову нравоучение о пользе розог, Иван Фёдоров, тихонько кашлянув в кулачок, спросил:

- Онуфрий, а по каким книгам ты детей учишь?
- Как по каким? Вот Азбука, указал он на замусоленную рукописную книжицу. Вот Часослов, Псалтырь. Хорошие книги.
- Сто лет назад по таким книгам учились... И с тех пор ничегошеньки не изменилось. Э-э-х... подасадовал Иван Фёдоров. И сколько их у тебя?
- Вот эта Азбука, бережно погладил Онуфрий ветхую книжонку всего одна. Берегу её как зеницу ока, никому не даю. А то, не дай Бог, расшалятся ребятки, изорвут, по чём я тогда учить буду? Я её, перешёл почти на шепот Онуфрий, подальше в шкаф прячу, так она целей будет.
- Ну, а если каждому ребёнку по Азбуке дать, ладней обучение пойдёт?
- Каждому-у-у? прыснул Онуфрий.– Да мыслимо ли? Одна есть, и то хорошо. У других учителей и такой нет.

Иван Фёдоров взял в руки Часовник, начал листать его. Первые листы были до того захватаны, затерты, что буквы еле читались.

- A когда переходите к чтению, чем больше пользуетесь Часовником или Псалтырём?
- Часовником. Дети ходят в церковь, многие молитвы назубок знают, оттого читать им легче. К тому же заглавные буквы здесь крупные, красивые, картинки интересные, детишкам это нравится
 - И сколько у тебя Часовников?
 - Три! с гордостью поведал Онуфрий.
 - Ну, а Псалтырей сколько?
 - Два.
- Ну, а скажи, Онуфрий, вдруг пришло в голову Ивану Фёдорову, если бы у тебя была возможность взять побольше книг, какие бы ты выбрал?
- Ну... Азбуку, ведомо. И Часовник тоже. Да и Псалтырь...

- А всё же?

Иван пристально смотрел на Онуфрия. Не ради красного словца спросил он его. Вот напечатают они «Апостол», а дальше за что браться? Какая книга важнее?

– Азбука в первую очередь нужна! – нисколько не раздумывая, сказал учитель. – Азбука!

Вспомнив об этом, Иван Фёдоров, энергично шагая, сильнее нахлобучил на голову шапку. Его уже не веселили ни взыгравшее, наполнявшее светом солнце, ни искрящийся снежок.

Азбука! Теперь все его мысли были о ней.

Чем ближе Иван Фёдоров подходил к Торжищу, тем запруженнее, теснее становилась улица. Толпами валили люди. Натужно скрипя полозьями, обметенные густой снежной бахромой, сплошным потоком

шли сани. В горячий базарный день до семисот в Москву наезжало!

По хлябам и морозам, в сыпучий дождь и обжигающую жару, днём и ночью безостановочно тянутся в первопрестольную обозы с угличским и вологодским маслом, поморской солью, калужским медом, курскими яблоками, другим товаром. А из новых, недавно присоединённых земель, из Астрахани да Казани, диковинка пошла – рыба с острыми шипами, что стерлядью да осетром называется, белужинка с икоркой крупинчатой – красной ли, чёрной. Весьма знатное угощение!

Где, как ни в стольном граде, можно деньгу хорошую зашибить? Народ здесь, идёт молва по всей Руси, богатый, деньжищ – уйма. А живут-то в палатах белокаменных да теремах островерхих, и забиты они под завязку. Ни много ни мало – сто тыщ народу будет! Куда там англицкому Лондону со всеми его предместьями, чешскому городу Праге или Риму, по численности только Парижу да Неаполю Москва уступает. А уж по прожорливости наверняка на первом месте будет. Русич не то, что тощий швед или скупердяйный немец, что над каждой крошкой дрожат – наш брат плотен телом и широк, любит питать себя вволю, чтобы крепко потом работалось да гулялось всласть.

Москва – что ненасытная утроба: сколь ни дай, всё ей мало, мало. Всё потребит, всё проглотит, да ещё добавки попросит, – во какая Москва! Что ж, пожалуйста, бери на здоровье! А мы, окраинные люди, тебе подвезём, всем снабдим, будьте в том уверены, слышен незримый говор. Оттого-то как скаженный и прет сюда торговый люд со всех мест: угощайся, дорогая Москва, гони золотую копеечку!

И как при таком нашествии ни случиться сцепу, сваре, выливающейся в такой переполох, что спеша-

щий на толкучий рынок добропорядочный люд затыкает уши и спешит убраться от греха подальше.

На глазах Ивана Фёдорова сани, стремясь обогнать других, так лихо ломанулись вперёд, что затрещали оглобли, перепутались постромки. Вздыбились, забив копытами, гривастые кони, улица огласилась бурными «приветствиями» возниц:

- Куда преёшь, холера? Чай, не один тут...
- А ты зенки не вылупляй! Хор рош гусь!
- А ну, поворачивай оглобли!
- Сам раздирай, дубина стоеросовая!

После такого обмена любезностями, отсоединив сцепленные сани, нетерпеливо цокнув на взбудораженных коней, полетели купцы по своим делам дальше. Немудрено, что потом могут оказаться на Торгу рядом. Расторговавшись, обмягченные хорошим барышом, будут потом вместе дуть чай да дружески, как старые приятели, толкать друг друга в бока: «А чаво ты меня гусём...» «Да будя ужо, будя...»

Не так давно был Иван Фёдоров на Великом Торгу, но столько уже нового – и товара, и продавцов предстало его взору, что, кажется, выросло Торжище, раскинулось во все стороны своими крылами. Да, в который раз отметил он, место для торговли возле Кремля выбрано весьма удачно. Когда-то, при Иване III, случился в Москве очередной пожар, массу деревянных построек огнем как языком слизало. Дабы обезопасить Кремль от огня, Великий Князь велел располагать новые постройки от него не менее ста девяти сажен¹. «Пожар» – так назвали это место, ставшее излюбленным пристанищем торговцев и переименованное народом в Великий Торг.

Идёт Иван по рядам, крутит головой по сторонам. Вот вытянулся извилистый, как кишка, Сапожный ряд –

¹ Сажень – 1,53 метра

выбирай, что по карману. Для «чёрного» люда развешаны – аж в глазах рябит! – неприхотливые лапти из лыка липы ли, берёзы, длинные оборы – завязки для обматывания вокруг ноги. Тем, кто побогаче, предлагается обувь из кожи – низкие, похожие на лапти, «поршни», самого разного фасона туфли, башмаки, сапоги и полусапожки.

В сторонке красуются красные «червлёные» сапоги и чоботы— полусапожки с загнутыми остроконечными носами со множеством серебряных гвоздей по всей подошве. Это привилегия князей и бояр, черни же остается только глазеть на эту красоту. Что ж, за погляд денег не берут.

А что это там густо народу, будто мёдом намазано? Эге, да это в Скобяном ряду очередь за топорами, косами, вилами, серпами, другим нужным в хозяйстве «струментом» выстроилась. Проводят мужики ногтем по лезвию топора, проверяя остроту, ладят в руке топорище, цокают языками: «Хорош, хорош...»

Если интересуешься седлом для коня, или глянешь – просто глянешь, потому что стоит на виду, словно стережёт тебя, остро пахнущим сыромятной кожей хомут на Седельном ряду – пройдохи торгаши столько наговорят, столько дыму напустят, что поневоле наденешь на шею хомут, да и пойдешь с ним по Торжищу. И только отойдя несколько шагов, ударит в голову: «И зачем мне хомут, у меня-то и лошади нет...»

Обманули дурака на четыре кулака!

На Железном ряду – стук, звон стоит весёлый, солнце наяривает на саблях вострых, палицах увесистых, пищалях огневых, шеломах чешуйчатых. Много, много всякого военного железа куётся в московских кузнях, потребность ведь велика как никогда. То тут, то там шумит война, воинов надо снабдить оружьем добрым да припасом справным. И тут – выбирай, что

тебе по душе, не жалей деньгу, тряси, служивый народ, мошной.

Только Иван Фёдоров отошёл от Железного ряда – над ухом ударило задорное:

Есть хорошие товары, Тары, бары, растобары, Не товар, а сущий клад, Разбирайте нарасхват! Иголки не ломки, Нитки, тесёмки, Румяна, помада, Кому что надо?

Не успел отмахнуться, как от мухи, от назойливого продавца, тут же новое насело:

– А вот пирожки! Бублики вот! Свежие, вкусные, Сами просятся в рот!

Как тут удержаться? Дымятся паром на морозе вынимаемые из укрытого тряпьем плетенчатого короба пирожки, хочешь, не хочешь, а сьешь.

Сунул Иван Фёдоров деньгу в руку продавцу: «Давай, чего уж там...»

Идёт по рядам дальше, жуёт со смаком пирожок с маком. На шее связка баранок болтается. А продавцы со всех сторон налегают, голову забивают, так что гудит она уже от неумолчного шума, суеты, визгов да вскриков.

– Лапшица, лапшица!

Студень свежий, коровий!

А чего это ребятки, как воробушки, сбились в кучку, прыгают да заливаются от души? Ага, вон оно что...

Невысокий, с надетой набекрень шапкой старичок, – мохнатый, борода светлыми куделями завивается, с лукошком через руку наперевес – ни дать ни взять, настоящий лесовичок, – хватает за полу ребятишек, суёт им под нос свой товар. И наяривает призывную песенку:

Володимирская клюква приходила издалека, Просить меди пятака, А вы, детушки, поплакайте, У матушек денежек попрашайте, Ах, по ягоду, по клюкву! Кр-р-рупная володимирская клюква!!!»

И клюют, клюют на «володимирскую клюкву», покупатели. А разрумяненый от мороза и пения старичок, накладывая в холщёвые мешочки ягоды и сдабривая каждую порцию мёдом, не устает повторять: «Хор-рррошая клюква! Вологодская, отборная. Самая лучшая!»

Кружится на Торгу водоворотом народ – кто тянет шею, высматривая нужное в рядах, кто торгуется, бьётся насмерть за каждый грош. А кто, отяжеленный покупкой, уже неспешно направляет свои ноги на выход. Но не так-то просто уйти домой, здесь поджидает другая засада. Чуть ли ни навстречу каждому, раскидывая в сторону народ, мчится на подстегиваемой лошадёнке с очумелыми глазами возчик:

– Ги-и-ис! Гиссс! – отчаянно маша рукой, орёт во всё горло. – Берегись!

За несчастный грош такой возчик готов придавить кого, лишь бы наездника заполучить. А и то: до двухсот его собратьев на Торгу собирается, чего уж тут церемониться. В других странах такого не увидишь. Ну, а чтобы торговали все подряд, кого ни возьми, – бояре, служивые люди, духовенство, – тем более. И что за странный народ эти русские? – дивят-

ся чужеземцы: медом не корми, дай поторговать да поторговаться.

В стороне от торговых рядов – без места, чтобы пошлину не платить, похлопывая рукавицами, похаживая взад-вперёд, негромко приговаривает кто-то в длинном, до самых пят, чёрном одеянии.

Ба! Да это же святой отец, подойдя поближе, понял Иван Фёдоров. И что за нужда его сюда привела?

Поворачиваясь из стороны в сторону, поп, как кадилом, помахивает сдобным калачом:

- Смотри, закушу! Ox...

Это он нанимается обедню служить...

– Смотри! – демонстрируя очередному прохожему целый пока ещё калач, знай, ладит своё поп, – Закушу!

Знамо: дай мне, сколь прошу, не то отведаю калач и тогда обедню служить будет некому. Ведь перед богослужением надо обязательно поститься, с набитым желудком обедню не служат.

Ну, а где же на Торжище книги, никак не мог уразуметь Иван Фёдоров. Где?

Это когда печатные книги пойдут на Руси большими тиражами – и свои, и завозные, – возле Печатного двора откроется особый Печатный ряд. Тут будут продавать книги не только для богослужения, но и касающиеся разных ремёсел. Ну, а тогда в Москве такого ещё не было.

Ходит Иван Фёдоров по Торгу, рыскает по рядам как охотник, принюхивается. В Котельном ряду высмотрел медные чернильницы и железные песочницы для промокания исписанной бумаги. Хороший, нужный товар, может, когда и потребуется, но не на этот раз. В Овощном ряду – и с какого рожна? – на полке стоят деревянные фляжки для чернил. Тут же чернила на разлив продают.

Всё не то, не то...

Наконец в Иконном ряду среди множества икон – и дорогих, с золотом, и попроще, выписанных на деревянных досках, увидел несколько книг. На полке на самом видном месте – рукописное Священное Писание. В кожаном, с металлическими буквами, переплёте, с витиеватыми медными застёжками, инкрустированное дорогими каменьями.

Ах, как это значимо: Икона и Книга – стоят рядом!

Что Икона отожествляется с Богом, что Книга, – источник разума и силы, словно с небес сошедшая. Недаром в начале каждого занятия ученики крестятся, низко кланяются Господу да читают молитву...

– Тебе что, человече? – вывел Ивана Фёдорова из раздумий негромкий голос.

Монах в чёрной, до самой земли, сутане, клобуке и с крестом на груди – худощавый, с жиденькой, заостренной книзу рыжеватой бородкой, смотрел ласково, словно родную душу признал.

- Да мне бы...
- Книгами интересуешься? прочитал мысли монах. Добро, добро...Только, скользнул взглядом по потертому кожуху печатника, больно дорогие они, тебе не по карману
 - А всё же?
- Про Священное Писание, указал рукой продавец, я и не говорю. Да и другие на вес золота. Вот эта, снял с полки увесистую книгу в добротном кожаном переплёте, четыре рубля. А эта пять.

Иван Фёдоров прикинул: за лошадь запрашивают рубль, пуд ржи – пять копеек. Выходит, одна книга на пять лошадей тянет! А ржи аж сто пудов надобно отвесить!

- 0-го-го...

- A что? развёл руками черноризец, знаешь, сколь времени надобно, чтобы книгу переписать?
 - Знаю, знаю...
- Откель? Тоже доброписец? вскинул брови монах.
 - Писал когда-то... Знаю, почём фунт лиха.
- Во-во, воодушевился продавец книг. Водишь, водишь целый день пером, аж руку сводит, а всего-то пару листов и выйдет, не боле. Оттого и книг мало, недоступны они простому люду.
- Ничего, скоро это дело поправим, сдвинул шапку Иван Фёдоров.– Много книг пойдёт, и стоить они будут намного дешевле! Так что любой человек сможет купить.
- Да как же это? всплеснул руками монах. С какого перепуга?
- А с такого… Не пером книги уже пишутся, а печатаются на станке в Печатне, что царь Иван Васильевич устроил, а митрополит Макарий благословил. Знамо?
- Знамо-то знамо... опустив книзу взор, беспокойно затеребил бородку монах, – да не ересь ли это? Где видано, чтобы бездушный станок богоугодные книги сотворял? Без души – то грех, истинно грех. Наши деды, отцы с молитвой книги писали...

Поняв, что спорить бесполезно, Иван Фёдоров свернул в сторону.

- А скажи, отче, книги для младенческого наученья у тебя есть? «Азбука» имеется?
 - Было как-то пару штук...
 - А что же, спрашивают Азбуку?
- Редко... У народа другим голова забита: что поесть, как день прожить. Чтобы торговать, сапоги тачать, али кафтан сшить, грамота не потребна. Все так рассуждают.

- Все, да не все! рубанул рукой Иван Фёдоров. Есть и такие, которые к знаниям тянутся. Да и немало ребятишек со светлыми головами. А как их сыскать? Чем больше детей будет учиться, тем больше талантов выявится.
- Истину глаголишь, сын мой! Ты, я вижу, в этом деле дока.

Подошли другие покупатели. Рассматривая выставленные иконы, заговорили с монахом.

- А сколько вон та стоит?
- Покажи-ка Николая Угодника!

Продавец не спешил отвечать на вопросы, ему не хотелось расставаться с необыкновенным собеседником. Всё же пришлось оторваться для дел насущных.

- Бог тебе в помощь, человече! размашисто осенил он напоследок крестом Ивана Фёдорова.
- Спасибо, отче, почтительно склонился в поклоне печатник. – Дело наше – богоугодное...

ГЛАВА IV МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ

По весне 1553 года, как только подсохла на дорогах грязь, осела паровавшая землица да пробилась поверху зелёная трава, недалеко от Кремля на Никитской улице, в вырытом по периметру неглубоком рву был заложен первый камень государевой Печатни. Митрополит Макарий – высокий, осанистый, неспешно похаживая, кропил нетронутую ещё пустошь, свежевывороченные комья земли, склонившихся с обнаженными головами мастеровых, священников, дьяков из Печатного и Посольского приказов.

– Во веки и присно... Во имя Отца и Сына и Святаго духа... Аминь!..

Утирались просветлённые лица, крестились беспрестанно:

- Господи, слава тебе... Прости и помоги...

Курился, распространяясь по ветру, сладкий дым ладана, трепетало пламя свечек, лились читаемые мерным голосом молитвы. Рядом протяжно, разносимый далеко окрест, бомкнул колокол церкви святых жен Мироносиц.

Почти десять жарких лет минуло с тех пор, как застучали возле Кремля топоры, завизжали пилы, заскрипели множественные телеги, доверху гружёные тёсом, каменьями, а потом мебелями нехитрыми да устройствами разными. Почти десять выюжистых, со снегом засыпным и морозом свирепым зим прошло, когда и птица на лету падала, всё окаменевало, когда уже казалось, что не сдвинется более работа с места. Но поворачивалось солнце, отступал лютый холод, и

на душе у Ивана Фёдорова веселело. Печатня обустраивалась, росла ввысь и вширь.

Он потом нередко возвращался к тому памятному дню, когда был заложен первый камень. И – как отца родного, с особой теплотой и благодарностью вспоминал митрополита Макария. Да, без решения царя Ивана Васильевича, выделившего «Приказом о Печатном дворе» на сие, сколь надобно, средств, не было бы подвижки. Он «повеле сустроити дом от своей царской казны, иде же печатному делу строитися ...»

Но и без благословления Церкви в лице митрополита Макария не обошлось. Мало кто знал, на что он шёл, противоборствуя роптанию седовласых старцев и замшелых монахов. По наущению злых языков его могли и сана лишить, и в монастырь, надев на руки-ноги вериги тяжёлые, заточить. Но отец Макарий – где противоборствуя, а где – с виду потворствуя прихотям неугодных, не распаляя страсти, устроил так, что всё повернулось в полезную для книжного дела сторону. Оттого-то Иван Фёдоров особенно ценил благословление и поддержку митрополита.

Отец Макарий заприметил его, блиставшего книжностью и учёностью, в чине дьякона храма Гостунского. Приблизив, нередко вызывал к себе, чтобы сверить с ним свои мысли, а то и совет добрый поиметь. А уж как Иван Фёдоров был рад таким беседам! Одна из таких встреч произошла с митрополитом Макарием незадолго до его ухода.

Низко склонившись, Иван Фёдоров припал к руке Владыки. Рука, сухая и дряблая, показалась ему такой невесомой и немощной, что он понял: счёт идёт уже на дни, если не на часы.

Подняв взор, печатник увидел перед собой иссохшееся, без живой кровинки вытянутое лицо митро-

полита. Но сурово сведенные брови, плотно сжатые губы, всё та же горделивая осанка говорили о несгибаемости, прочно сидевшем в святом отце особенном стержне.

А сколь выразительны глаза...

Один, острый и пронзительный, смотрел на печатника в упор, просвечивая его насквозь, выворачивая наизнанку душу и мысли. Казалось, как можно врать перед такой взыскательностью, пристало говорить только честно и свято, как на исповеди.

Другой же, правый глаз его Преосвященства, хотя и направлен на собеседника, был настолько затуманен и далек, что, взор, представлялось, восходит далеко-далеко – на небеса...

Митрополит Макарий потерял глаз при весьма необычных обстоятельствах. Как-то в Успенском храме, где он вёл службу, вспыхнул пожар. Пламя быстро распространилось вокруг, возникла неимоверная толчея и паника. В страхе каждый спасался как мог. И лишь митрополит Макарий явил пример выдержки и собранности. Он схватил самое ценное, что было в храме – икону с образом Богородицы, написанную чудотворцем Пётром, и только после этого, прижимая её к груди, направился к выходу. Многие сопровождавшие его лица погибли от ожогов и удушья, митрополит же чудесным образом остался жив. Видать, проведение хранило его для высоких богоугодных дел.

Святой... Истинно святой, в который уже раз отметил Иван Фёдоров.

При своей мягкости и сострадании к ближним митрополит Макарий не гнулся в три погибели перед царственными особами. Когда Иван Васильевич попросил дать почитать ему какую-нибудь «душеполезную»

книгу, тот прислал... «Чин погребения». Вспылив, царь разгневался на святителя: «Прислал еси ко мне погребален, а в наши царьские чертоги такие книги не вносятца». Но Макарий, ничтоже сумняшеся, образумил его: «Аз, богомолец твой, послал спроста по твоему приказу, что еси велел прислати книгу душеполезную, и та всех полезней: аще кто ея со внимание[м] почитает, и тот во веки не согрешит».

Приняв с почтением преклонение печатника, митрополит Макарий заговорил слабеющим, с немощной хрипотцой, голосом:

- Поведай, сын мой, о своих помыслах... Ведай, как на духу...
- 0 грамоте на Руси, свято, думы мои, яко о хлебе насущном...

Единственный видящий глаз митрополита озарился радостным светом:

– Верно зришь, сын, и я об этом помышляю, Бога в помощь призываю.

Он поднял обескровленную руку, медленно, с трудом, осенил себя:

- Святый Боже, святый Крепкий, святый Бессмертный...

Помолчав некоторое время, продолжил:

– Бог то Бог, да и сам не будь плох. На Стоглавом соборе о распространении грамоты на Руси речь особливо шла. Худо у нас с учителями: неуч на неуче сидит и неучем погоняет.

Преподобный говорил тихо, словно прислушивался к себе, своим мыслям, тому, что лежало у него на душе. Иногда останавливался, собираясь с силами, снова говорил о наболевшем.

Ещё пятьдесят лет назад новгородский архиепископ Геннадий в своем послании митрополиту Симону «печаловался» перед государем, чтобы «училища учинити», прямо-таки в колокола бил из-за невежества учителей.

Грамоте тогда учили все, кому ни попадя. Кто чуток знаком с буквами, худо-бедно читать мог, тот уже и так называемым «мастером грамоты» считался. С виду всё казалось чинно и складно: между родителями и новоиспечённым учителем заключался договор, в котором при одном-двух свидетелях оговаривались все условия, в том числе плата за обучение. В знаменательный день отрок вместе со своими родителями и всей многочисленной родней – бабушками, дедушками, братьями и сестрами торжественно шли в церковь. После обедни били многочисленные поклоны, получая благословение на учебу.

Учителя встречали в доме как великого гостя, раскланивались ему, сажали в красный угол. Отец подводил к нему сына с просьбой научить уму-разуму да строго взыскивать за леность и провинность. «Обязанностью» матери было стоять в отдалении у дверей и проливать горькие слёзы. Три раза поклонившись учителю, ученик получал от него как напоминание троекратное похлестывание по спине плёткой. И только после этого за столом постигал первую букву «аз», этого для начала было достаточно.

Новгородский архиепископ Геннадий жаловался на таких учителей, что они не учат, «а только портят». «Сперва он (учитель) научит его вчерне, и за то они приносят мастеру каши да гривну денег. То же полагается и за заутреню, а за часы – плата особая... А отойди от мастера, ничего не умеет, только бредёт по книге».

Со времени послания архиепископа Геннадия мало что изменилось. Кто как может, так и учит на своё усмотрение. Какой-нибудь портной, кузнец, иной

ремесленник берёт себе в дом ученика, обязуясь обучить его «чему и сам горазд», да ещё читать и писать. Ремеслу учат пять лет, да пять лет надо отработать «за «учение», потом ещё пять лет освоивший дело должен отработать по найму.

Что толку от такого учения? Если тачать сапоги или орудовать в кузне у горна ученик худо-бедно научится, то о какой грамоте можно говорить?

Одной из причин того, что «поисшатались обычае и самовластие учинилось», стали безграмотность и невежество священнослужителей.

А ведь, напомнил издалека Геннадий, «прежде сего училища бывали в Российском царствии на Москве и великом Новеграде, и по иным градам многие грамоте, писать и пети, и чести учили. Потому тогда и грамоте гораздых было много, но писцы и певцы и чтецы славны были по всей земли и до днесь».

Стоглавый собор во главе с митрополитом Макарием для исправления дел порешил учредить «в царствующем граде Москве и по всем градам» училища, которые должны создаваться в домах священников и дьячков»: «избрати добрых духовных священников и дьяконов и дьяков, женатых и благочестивых, имущих в сердцы страх божий, могущих иных пользовати, и грамоте и чести, и писати горазди.» С тем, чтобы «все православные християне в коемждо граде предавали им своих детей на учение грамоте, и на учение книжнаго писма, и церковного пения псалтырного, и чтения налойного... Наипаче же всего учеников бы своих брегли и хранили во всякой чистоте и блюли их от всякого растления.»

– Добрые училища нужны, яко свет Божий...

Митрополит Макарий умолк. Тяжко вздохнув – эти слова, видать, немало сил у него отняли, – опустив

веки, некоторое время сидел, не шевелясь. Иван Фёдоров тоже молчал.

Наконец Его Преосвященство негромко, с сипотцой в голосе промолвил:

– Благое дело творишь, сын мой. Книги твои пойдут по всей Руси великой аки семена добрые. Что бросишь в землю, то и пожнёшь. Богом предназначено тебе творить дела книжные, так что не изменяй себе. Не ты, так твои дети, новое поколение будет вкушать плоды сии. Да и возвеличится от трудов лиц, тебе подобных, земля наша русская.

Он снова остановился, задышал натужно, с сипением, грудь его неуспокоенно вздымалась.

- Я вот Азбуку хочу сотворить, Отче...

Иван Фёдоров зачастил – боялся, что разговор вот-вот может закончиться, и он не услышит ответа.

- Ещё архиепископ Геннадий в своём послании говорил: «А мой совет, что учити во училище: первое Азбука граница истолкована совсем, да и подтительные слова, да псалтыря со следованием накрепко; и коли то изучат, может после этого проучивая иконархати и чести всякыя книги…»
- Верно мыслишь, сын мой. Верно... Только вот тебе мой совет: аки «Апостола», каждое слово просеивая, мы славно выправили, так и к «Азбуке» подойди с разумением и неспешностью.

Благочинный смежил очи, желтые костлявые руки лежали как плети. Ивану Фёдорову показалось, что митрополит даже задремал.

Ему стало совестно, что потревожил старца. Но с кем он ещё может поговорить о сокровенном, о важном, чтобы его поняли, да совет добрый дали?

Тихонько, чтобы ни скрипом, ни вздохом не отвлечь митрополита от отдохновения, печатник направился к выходу.

Дай Бог, крестился он на ходу, крепости телу и духу Его Преосвященству, дабы пожил он поболе да порадовал ещё нас своими деяниями славными.

Совсем немного не дожил митрополит Макарий до того благословенного дня, когда на Руси появилось книгопечатание. Угас, как истончившая свечечка, всё своё тепло и свет отдавший людям.

Все, кто видел его при выносе тела, поразились лицу Макария: «яко свет сияя, за его чистое, и непорочное, и духовное, и милостивое житие и за прочая добродетели, не яко мертвецу, но яко спяща видети».

глава V Часовник

Пван Фёдоров как потерянный бродил по обезлюдевшей Печатне. Работа над «Апостолом» - напряжённая, непростая из-за новизны, подчас с криками, спорами, всё же до того увлекательная, захватывающая, что он чувствовал себя на седьмом небе, както неожиданно - рраз!- и закончилась. Замер печатный стан - не ходит вверх-вниз по винтовой нарезке прас - фигурный металлический стержень, молчит поворотная кука, бездвижимой остается нажимная плита. Никто не выхватывает с тимпана - затянутой кожей рамы свежеотпечатанные, ещё влажноватые листы, не всматривается в появившиеся на них, как по волшебству, множественные строчки, не развешиваются на просушку готовые оттиски. Всё разом исчезло куда-то, сникло. Как он теперь без всего этого будет жить?

Рассуждая так, Иван Фёдоров сильно преувеличивал. Никто его не гонит, работа ещё будет, много работы намечается. А что случился перерыв, так это временно. Наступит час – и вновь Печатня наполнится бодрыми, подгоняющими друг друга голосами, стуком, грюком, всем тем деловым шумом, которое сопровождает живое рабочее дело. Ну, а пока так.

Задержавшись возле наборной кассы, Иван Фёдоров стал вынимать из ящичков лежащие по порядку то одну, то другую литеры. Поднося ближе к глазам, рассматривал каждую пристально, тщательно, будто видел в первый раз.

Сколько времени провёл он, вырисовывая буковки сначала на бумаге, добиваясь, чтобы они были красивые, выразительные. Потом делал пунсоны, «слова стальные» на бруске в зеркальном изображении. Не абы какая годилась для этого сталь, а специальная, хорошо закалённая, – «уклад». На «Апостол» пошло ни много ни мало – более трёх пудов стали свиского немецкого железа, да около 100 батогов укладу. А какое тонкое дело – наметить на торце пунсона иглой крохотную буковку, чтобы в точь-повторить ту, что на рисунке. Потом неспешно резал резцом. Чтобы изготовить пунсоны на всю гарнитуру, ему пришлось потратить несколько месяцев.

И сделать матрицы – медные бруски с углублённым изображением шрифтовых знаков – дело нешуточное. Надобно так ударять по пунсонам молотком, чтобы углубление в разных матрицах, а, значит, и высота литер была одинаковой. Только убедившись, что так оно и есть, приступал затем к литью.

Вроде бы ничего мудрёного – бери словолитную форму, – ту самую, что Петер Шеффер, ученик изобретателя печатного станка Иоганна Гутенберга, придумал, да и лей не спеша. Но всё просто, когда знаешь и умеешь. Поначалу никому не доверял Иван Фёдоров, сам лил расплавленное олово, пилой брусковой отрезал от литер приливы. Полученными литерами остался весьма доволен: как задумал, так и получилось. Буковки в «Апостоле» вышли тонкие, изящным полууставом, с наклоном влево, не хуже рукописных.

Когда Иван Фёдоров, до земли кланяясь, собственноручно преподнёс царю первый экземпляр «Апостола» – увесистую, с золотым тиснением, с обтянутыми сафьяном досками, узорчатыми латунными застежками, с замираньем ждал: какова же будет реакция? Не насупит ли брови Иван Васильевич, не прогневается, не напустится за что либо?²

Отставив в сторону посох, царь не спешил сказать своё веское слово. Сосредоточенно сдвинув брови, долго всматривался в напечатанное, покряхтывая, прореживая пальцами заострённую бородёнку, о чёмто напряженно думал. Наконец, просветлев, вскинул на застывшего в ожиданье печатника очи:

- Порадовал ты меня, Иван, ох, как порадовал. Не то, что... сверкнул взглядом в сторону насупленных, неодобрительно зыркающих из-под густых бровей бояр. Сия печатная книга, аки свет на небе, славно послужит во имя Руси нашей. Добро!
- ...Любуешься? отвлёк Ивана Фёдорова от воспоминаний лёгкий толчок в бок.
- A-а-а... Ты, Петя? заметил он своего помощника. – Малый из славного града Мстиславца?
- Он самый, из Мстиславца, расплылся тот в улыбке. Гы-ы-ы...

И что тянет Петра Тимофеева, хмыкнул про себя Иван Фёдоров, каждый раз, когда спрашивают его имя, непременно добавлять: «Из Мстиславца!» Так и стали его все звать – величать: Пётр Мстиславец.

Городишко, откуда он родом, небось, с рукавичку, а с какой гордостью человек о нём ведает! Прямо-таки хочется взглянуть, что это за местечко в Литве, которое производит на свет таких добрых малых – хватких, смекалистых. Вроде ничем не примечателен Пётр – ни ростом, ни статью – невысокий, кряжистый, широкоскулый, с густой порослью на мускулистых руках – мужичонка,

² Изготовленный Иваном Фёдоровым для печатания богослужебной книги «Апостол» ровный, по красоте отличительный шрифт на долгие годы стал ориентиром не только для печатников Руси, но и многих западных стран.

каких среди мастерового люда полным-полно. Но вот поди ж ты, не захотел обычным ремеслом пробавляться, на новенькое, неизведанное потянуло. В разных Печатнях успел уже поработать Пётр, и пунсоны умеет резать, и заставки из дерева, на все руки мастер.

Добрый, весёлый народ собрался в Печатне. Работа – работой, но и без доброй шутки не обходится. Все молодые, языкастые, палец в рот не клади – враз откусят. Подкузьмить кого-нибудь, – не насмехнуться над человеком, не обидеть его, а просто пошутковать – это запросто!

Андроник Тимофеев, ученик Ивана Фёдорова, любит присказку, что он, де, пока не ведает, как литеры лить, как заставки резать, много чего не ведает. Мол, это вы с Мстиславцем учёные мужи, а мне ещё многое неведомо.

– Да ты у нас настоящий невежда! – хохотнул както Иван Фёдоров.

И пошло – поехало! Чуть что: «Невежда», подай то, «Невежда», сделай это. А потом одна буковка незаметно отвалилась, и к Андронику прилипло прозвище совсем другого толка – «Невежа». Хотя невежественного, грубого, ничего такого в нём и близко нет. Наоборот, весьма покладист, зря-позря в спор не вступит, полная противоположность своему новому имени.

Андроник нисколько не обижался на обидное, казалось, прозвище, только ухмылялся в густющую рыжеватую бороду. И в этой доброй ухмылке слышалось: вы меня, братцы, хоть горшком обзовите, дайте только научиться печатному делу. Тихой сапой приглядывался, присматривался он к работе Ивана Фёдорова и Петра Мстиславца, брался за любое дело. А что до смешного, до конфуза, прозвища, то мастеровой настолько уже привык к нему, что стал везде подпи-

сываться: «Андроник Невежа». И даже когда вышел в знатного типографа, не открестился от своей фамилии, прожил с ней до конца своих дней.

Иван Фёдоров больше сошёлся с Пётром Мстиславцем. Ему были по нраву его спокойная уверенность, неторопливость, основательность – то, что и в нём самом сидело. А ещё подкупала неунывность Петра даже в самых трудных ситуациях. Хотя порой это и раздражало.

- ...Чего лыбишься, Петя? не выдержал Иван. Чего ржешь?
- А чего тосковать? Уныние, Ваня, это большой грех, растянул в улыбке рот Пётр.
- Так-то оно так, хмыкнул Иван, да вот стало всё в Печатне. А когда железо кипит, тогда бы его и ковать.
- Ничего, накуем ещё, Ваня, накуём за милую душу!

Сказанные бесхитростно, от души, эти слова друга подействовали на Ивана Фёдорова отрезвляюще. А Пётр, зная Ивана задумки, тронул его «струнку»:

- Ты говорил, Азбуку будем печатать? Иван досадно звыкнул сквозь зуб:
- Говорил... Да ведь не всё так просто, Петя...
- А что? Литеры есть, это самое главное. Заставок нарежем, и вперёд!
- Так-то оно так... Да уж больно много мудрёностей в рукописной «Азбуке». Надо бы поправить маленько. А, может, и не маленько.
- Hy...Так ты будешь до мархуткиных дней с «Азбукой» ковыряться.
- А что делать? Ведь это не простая книга, а «для младенческого наученья». «Аз-бу-ка»! Разумеешь, голова?

- Разумею, старшой! Это ты у нас голова, далеко глядишь. А мы твои слуги верные, подмастерья.
- Ладно, ладно, не юродствуй, не умаляй свои заслуги. Ты уже в настоящего мастера вырос, всё умеешь, самостоятельно можешь работать.
- Ну, спасибочки за добрые слова, Ваня, деланно отвесил поклон Мстиславец. Только я от тебя никуда. Нам ещё столько книг надо сделать!
- Сделаем! хлопнул друга по плечу приободрившийся Иван Фёдоров. И Азбуку напечатаем. Непременно!

ГЛАВА VI ОТ ИОАННА ДАМАСКИНА ДО МАКСИМА ГРЕКА

Долог летний день. Разгоряченное солнце не торопится скрыться за дальней кромкой, всё смотрит и смотрит своим жарким глазом на земную суету: что вы творите там, люди добрые?

Ивану Фёдорову всё также не хватает времени. Всё также, зачастую далеко за полночь, слабый свет от лучины высвечивает его резко очерченное в полутенях лицо: уткнутый в ворохи бумаг, словно заостренный. нос, сосредоточенный, со сдвинутыми бровями взгляд, откинутые назад, стянутые по привычке тесьмой длинные волнистые волосы.

Поглаживая густую окладистую бороду, он вчитывается в строки старинных книг. Одно занимает его сейчас: Азбука. Как засела с неких пор в голове, так и не выходит, заставляет думать о ней денно и нощно.

Попервой ему было непонятно: с чего начать, за что взяться? К разным умным книгам обращался Иван Фёдоров, так что голова начинала трещать и ум за разум заходил, пока не узрел главное. Как солнце вращается вокруг земли, так и грамматика русская зиждется на положениях преподобного Иоанна Дамаскина из Сирии, написавшего в далекой древности трактат « О осьми частях слова». И так ему сразу стало покойно, радостно на душе, будто открыл для себя звезду дальнюю.

На столе – раскрытая «осмочастная» книга. Склоняясь, Иван Фёдоров, как ученик, водит по ней

пальцем.То и дело останавливаясь, поправляя волосы, задумываясь над каждой строчкой.

«Самое важное место в системе частей речи занимает имя...»

Почему Дамаскин так написал? Чем он руководствовался?

... Поскольку оно обозначает участника действия «страждущего или действующаго» и выступает в роли «основания».

А ведь действительно, что ни возьми, начинается с имени: Бог, Земля, Небо... А вокруг имени, как звёзды вокруг Солнца, «крутится» всё остальное.

Дамаскин разделил имена на «собные» (собственные) и «общие» (нарицательные). А ещё на три рода (мужской, средний и женский), три числа – единственное, двойственное и множественное. Да ещё на пять падежей: «правый» (именительный), «родный» (родительный), «виновный», «дательный» и «звательный».

0-x0-x0-x0...

Голова идёт кругом у Ивана Фёдорова от таких премудростей. Как же это всё можно было придумать, разложить по полочкам, дать всему название и предназначение? Нет, это невозможно...Умозрение Дамаскина, несомненно, опирается на знания других людей, идущее из самой глубины веков. Всё же роль его в составлении грамматики весьма велика!

Размышляя, Иван Фёдоров то и дело шуршит бумагой. Макая перо в чернила, записывает для себя то, что может пригодиться для Азбуки.

«Остальные части речи следуют за именем, т. к. они являются лишь его «оглаголаниями»...»

«Основным же «оглаголанием» имени является «речь», сиречь глагол, выражающий активность или пассивность действия...» И – снова остановка, снова погружение в глубокие раздумья насчёт изложения (наклонения), залога, числа, лица, времени, «супружества» (спряжения) глаголов.

Беря передышку, Иван отрывается от стола, идёт к кадке с водой. Зачерпнув ковшом, пьет, остужая себя, не спеша, тягучими глотками.

А в голове так и крутится, так и крутится: «имя», «глагол...».

Многих ночей не хватает Ивану Фёдорову, чтобы осилить «осьмь частей слова». Ведь кроме имени и глагола, есть ещё причастие, различие, местоимение, предлог, наречие, союз. И для каждой части речи у Иоанна Дамаскина есть своё толкование.

Ах, как бы хотелось Ивану Фёдорову иметь у себя книги Иоанна Дамаскина, в том числе и трактат «О осьми частях слова». Чтобы в любой день, в любой час, когда захотелось, мог её прочесть. Но что эту, что другие рукописные книги надобно возвращать в монастырь. Вся надежда на записи. Оттого скользит перо так споро, что кляксы нет, нет, да и срываются, замарывая бумагу. А ещё глаза слипаются да голова от наваливавшегося сна клонится непрестанно. В какой-то момент, когда гаснет лучина, и буйная головушка, кажется, вот-вот бессильно рухнет на стол и перо из руки вывалится, вздрогнет, как от испуга, полуночный читатель, посмотрит очумело по сторонам: «Что это? Где я?»

Родные полати. Мерцающая лампадка перед образами. На столе – раскрытый осьмичастный трактат.

Дома он, дома, в родной избе.

Раздирая от зевания рот и издавая непроизвольный стон, почухает себя себя Иван Фёдоров по бокам, попьет водицы, поплещет в лицо, да и снова принимается за познанье древней грамматики.

Много позже, в послесловии к первому изданию своей Азбуки, Иван Фёдоров запишет: «Сия еже писах вам, не от себе, но от божественных апостол и богоносных святых отец учения, и преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина от грамматики мало нечто...». Подчеркивая, что в основе Азбуки лежит именно трактат Иоанна Дамаскина «О осьми частях слова».

Перелистнута последняя страница осьмичастной книги, но также дрожит, колеблясь при любом возмущении воздуха, допоздна в избе Ивана Фёдорова лучина, всё также взирают с образов на склонившегося над книгами святые отцы- угодники. На этот раз перед ним сочинения уже не древних толкователей грамматики, а известнейшего богослова, писателя, переводчика Максима Грека – человека, с которым он даже один раз встречался. Сейчас, после ухода старца в мир иной, ему даже не верится: было это или не было? Всё равно, что со святым пообщался.

Со старцем Максимом Греком Иван Фёдоров по наущению митрополита Макария свиделся в Троице-Сергиевом монастыре за несколько лет до печатания книг. Ведал преподобный, что Максим Грек, проживая в своё время в Венеции, со знатным типографом Альдусом Мануцием знался. Оттого-то и отправил к нему будущего печатника, дабы тот из первых уст о необычном печатном деле поведал.

После залитого солнцем просторного двора, где неспешно хаживали в раздувавшихся на ветру объемных сутанах умиротворенные монахи, блеяли гонимые овцы и козы, стучали груженые подводы, келья Максима Грека показалась Ивану Фёдорову настоящим могильным склепом. Свет едва проникал в крошечное, высоко расположенное окошечко, отчего небольшая келья казалась тёмной и мрачной. При-

крытые ветхим одеялом жесткие полати да приткнутый у стены грубо сколоченный стол с короткой скамьей – вот и всё «убранство» помещения известного не только на Руси, но и во всей просвещённой Европе богослова, писателя, переводчика многих книг Максима Грека.

И это называется «поблажка» со стороны государя Ивана Васильевича, ужаснулся Иван Фёдоров. Улучшение условий жизни почтенному, дожившему почти до восьмидесяти лет, старцу? Хороша забота...

Впрочем, жизнь Максима Грека в подмосковном Троице-Сергиевом монастыре ещё можно считать сносной. А предшествующие двадцать лет – Боже, целая жизнь! – заточения в других монастырях ему вообще не было никакого общения. И за что выпало такое наказание? Смелого и честного Максима Грека дважды на церковных Соборах обвиняли во множестве надуманных смертных грехах – ереси, колдовстве, неверном переводе книг. Даже турецким лазутчиком удумали назвать! Тем самым противники стремились отстранить его – принципиального, осуждающего монастырское землевладение, ростовщичество и сребролюбие, от борьбы, заставить его замолчать. Но сломить Максима Грека не удалось.

Здесь, в Троицко-Сергиевском монастыре, к Максиму Греку едут за советом, поддержкой со всех концов страждущие и жаждущие. У него есть доступ к книгам церковным, в бумаге и чернилах отказа нет. Пиши, твори вволю, что старцу в первую очередь и надобно.

Спасибо игумену Артемию, который принял сан только при том условии, что в его монастырь «на покой» переведут Максима Грека. Как и старец, был он поборником книг и верой в великую пользу просвещения: «от учения бо разум прилагается, якоже в святых

людях глаголется, еже и до смерти учитися подобает». Оттого Максиму Греку и некое послабление вышло. Всё же заточение есть заточение.

Не раз и не два слал старец челобитную царю с просьбой снизойти к его бедственному положению, но Иван Васильевич, как и его отец, царь Василий, оставлял жалобу без ответа. При всём всемогущии и влиянии на государя митрополит Макарий был бессилен. «Узы твои целуем, якого единого от святых, пособити же тебе не можем» – таков был его ответ.

Иван Фёдоров смотрел на низко склоненного за столом над бумагами изможденного, с редкими, так что кожа просвечивалась на голове, белесыми волосами и седовласой длинной бородой, в старом рубище согбенного челове... нет, не человека... – скорее, то, что от него осталось, и не мог найти нужных слов. Тень? Призрак? Одно воспоминание? А где же сила старца, о которой так много говорят, что при жизни в святые записывают? Улетучилась с годами, истекла, словно вода в песок?

Пока Иван Фёдоров, теребя в замешательстве шапку, переминался на месте, старец, отложив в сторону перо, закряхтев, повернулся к нему лицом.

И глянули на печатника светлые умные глаза, повеяли такой силой доброты, что застыдился он своих мыслей.

Когда же Максим Грек, проницательно глядя на пришельца, заговорил негромким мягким голосом, то Иван Фёдоров окончательно убедился: правду о мудрости и всепонимании старца люди глаголят.

Узнав, что по указу царя возле Кремля Печатня возводится, Максим Грек вскинулся, испещренное многочисленными морщинами лицо его разгладилось:

- Слава тебе, Господи! воздел кверху взор. Слава тебе! трижды перекрестился истонченной рукой.
- Верил, истинно, верил! Жаждал сего благословенного дня! Наконец-то на Руси, аки в просвещённой Европе, печатные книги свет познания всему люду понесут...

Может, не так долго говорили они, всё-таки слабоват был старец, но поведал Ивану Фёдорову столь много нового и полезного, сколь ни от кого он не слышал.

«Пунсоны», «матрицы», «пиан» – впервые познавая эти и другие слова, стараясь удержать их в голове, печатник не переставал удивляться памяти старца. А Максим Грек, воодушевляясь, перенесясь в то далекое время, когда в теплой Италии он лично общался со знатным в Европе Альдусом Мануцием, делился воспоминаниями.

- Сей типограф много чего доброго придумал. Шрифт красивый, с наклоном вырезал. А ещё мелкий, убористый, первым начал лить. Для того, чтобы больше на листе текста уместилось. Разумеешь?
 - Разумею, отче.
- Используя сие, Альдус Мануций стал печатать книги невеликие, в осьмушку листа. Другие считали это напраслиной, но типограф доказал, что такие книги в пользовании зело удобны. Их можно читать, не кладя на стол, а просто держа в руках. И носить проще, много места не занимают.

Такие бы книжечки в ученичестве весьма сгодились... – заключил, откидывая назад длинные волосы, старец.

До чего же мудрен этот Альдус Мануций, не переставал дивиться Иван Фёдоров. Обычно книги делают большими, увесистыми, дабы значимость подчеркнуть. Итальянец же донельзя упростил: в восьмую

часть листа печатал! Это ж насколько меньше надобно бумаги, других материалов! При тех же затратах можно в несколько раз быстрее и больше книг напечатать. Для Азбуки – в самый раз!

– Весьма искусен в своём деле был Альдус, – словно услышав его мысли, продолжал негромким хрипловатым голосом Максим Грек. – Его книги – «альдины» – недруги перенимать стали, за свои выдавать. И что же придумал Мануций? Пометил «альды» знаком особым: дельфином, обвивающем якорь. И в том особый смысл: рыба дельфин означает душу человеческую, а якорь – незыблемость и твердость веры, удерживающий душу от скверны.

Задумчиво огладив заостренную бороду, старец вперил острый взгляд в Ивана Фёдорова:

– A хватит ли душе твоей твердости, аки Мануций учит, сын мой?

Не ожидавший такого резкого перехода, Иван Фёдоров оторопел.

- Не знаю, отче... Бог ведает...
- На Бога надейся, а сам не плошай! грозно вскинулся, приподнимаясь с места, старец. Коль взялся за дело нужное, полезное для Руси великой, всего народа русского не сворачивай с пути, служи без остатка.

И слышалось в этом назидании: «как я служил, за что и претерпел бед немало...»

Узнав о том, что первой печатной книгой будет «Апостол» – о деяниях святых Петра и Павла, Максим Грек задумался.

- A есть ли список сей книги верный, без искажений?
- Готовим, преподобный, сверяем в Справной палате.
- Добро, добро...Типографы венецианские также переводили книги всех учителей наших греческих на

римскую, по чину и разуму граматическому, не отменяюще ни малейше... А ты, человече, мудрен в грамматике?

- Разумею.

Недоверчиво зыркнув на Ивана Фёдорова из-под седых кустистых бровей, старец назидательно поднял указательный палец:

– Грамматика есть начало и конец всему любомудрию. Тот, кто прилежно её изучает, благоумейшее всё собирает. Тот, кто ею владеет, никогда не погрешит в разуме её глаголаний.

И выкрикнул громогласно, необычно своему хилому виду:

- Грамматикия – есть начало входа в философию! Долго и пространно поучал Максим Грек своего собеседника о грамматике, её роли в этом мире. Иван Фёдоров, не слышавший ничего подобного от других учёных мужей, как губка, впитывал каждое слово старца. А преподобый, перечисляя все достоинства грамматики, отметил:

– Вкупе реку: сие зерцало пресветлейшее всяческим, еже в нас и в наших всех... Велика бо и преславна вещь и дивна ми бывает и слышанием, коль же паче разумением...

Понимая слова о значимости изучения родного русского языка, Иван Фёдоров не до конца разумел сравнение его Максимом Греком с оружием: «Сие – копие и меч на чужеименное еретичество».

Зачем словом аки мечом бороться, не мог тогда уразуметь Иван Фёдоров. Для поля брани воины созданы, пусть они сражаются за дело правое. А наше дело – молитвы богоугодные в книгах воссоздавать да грамоте учить, мирным делом заниматься.

Но придёт время, и он поймет, что слово может быть сильнейшим средством борьбы против притеснителей

славянской веры. Применив все свои знания и умения, печатник использует это в полной мере.

Но это будет позже. А тогда, воротясь от старца, Иван Фёдоров немедля отправился в монастырь за сочинениями Максима Грека «О грамматике и беседовании», «О пользе грамматики». Больно задел его недоверчивый взгляд старца, узревшего, что не силен он в этой науке. А прежде чем создать книгу для научения, надобно самому познать сие в полной мере.

И снова ночные бдения при слабом отсвете свечечки, снова зарывается он в слова учёные, помечает главное.

Взяв за основу древнегреческую грамматику Иоанна Дамаскина, Максим Грек значительно упростил её, сделав понятнее для русских людей. Говоря о спряжении глаголов, он, в соответствии с греческой грамматикой, знающей несколько прошедших времен, пишет, что «прошедшее время («предбывшее») делится на: «протяженое», предельное, предидеемное, предлежимое». Для первых двух форм глаголов он нашёл примеры в русском языке, а последние две формы не принял: «Две же прочие языку неприятны».

Насколько же глубоко «копал» Максим Грек, вчитываясь в строки сочинения, раз за разом поражался Иван Фёдоров. Какими надобно обладать знаниями, а ещё и смелостью – да, да, смелостью! – чтобы опровергнуть старое, отжившее, и утвердить своё, доказать это во всей силе.

Максим Грек дал название частям речи, ввёл новый падеж – сказительный, много других изменений в грамматике. «Поскольку дано уму человеческому рассуждать и языку глаголети, частями сими осмью разводи и родами разбирай, и начертания объявляй, и падежи узнавай, и склонения не забывай, и залоги и

времена рассуждай, и качества расписывай с любомудрым тщанием...»

Читал, перечитывал Иван Фёдоров поучения преподобного, и радовался: это как раз то, что надобно для его Азбуки.

Иногда змеёй ползучей, отвратной, заползали в душу сомнения, жалили: «А сможешь ли ты также отторгнуть устаревшее, ненужное, ввести что-то своё – более удобное, правильное? Не сносить ведь, как знать, головы... Опомнись, остановись, пока не поздно...»

И звучали в ушах, толкали вперёд слова старца: «Коль взялся за дело нужное, полезное, – служи без остатка.»

ГЛАКА VII ОТЪЄЗД ИЗ МОСККИ

Нет, не к добру целыми тучами кружило воронье над обширным двором Печатни, каркало громко, отрывисто, шумно хлопая крыльями, беспорядочно мечась то в одну, то в другую сторону. Это, говорят старые люди, знаменье: кличут, накаркивают вороны беду.

В один из дней на парапети церкви, что напротив Печатни, забилась в припадке странница. Вся в чёрном, с ввалившимися глазами, трепеща лохмотьями, падала она ниц, неистово била поклоны, тут же вскакивала, расширенными – то ли от злобы, то ли от страха глазами вперивала взгляд в сторону Печатни, ожесточенно потрясала клюкой.

– Свят, свят, свят... – обходя неизвестно откуда взявшуюся странницу, испуганно крестились прихожане. С опаской посматривали в ту сторону, куда указывала чёрная пришелица.

Что, там, за высоченным тесовым забором творится? Что за едкий дым оттуда тянется? Почему стрельцы никого и близко не подпускают, гонят всякого прочь?

Ох, нечисто там... Какие-то мутные книги днем и ночью печатают, да по-новому, по- латинянски, самую настоящую ересь учиняют. Ох ты, Бог ты...

Распаляется, крутит головами народ, а монахи да старцы нашептывают: никогда на Руси такого не было, и не надо нам этого наваждения. Испокон веков, помолясь Богу да получив благословение свыше, переписывали в монастырях книги вручную, и получались они настоящие, духовные. По которым и службу вели,

и детишек учили. А сейчас делание книг бездушному станку доверили, знамо ли? Как по таким книгам Богу молиться? Тьфу, тьфу!

Сунулся было возмущенный народ к Печатне разузнать, что там происходит, хоть одним глазком глянуть, да стрельцы в шею всех прогнали, бердышами кололи, посвистывали.

Пуще прежнего стали неистово креститься люди да на всякий случай сторониться проклятого места.

В переплётной мастерской работники подбирали отпечатанные листы, сшивали их, обрезали, доски кожей обтягивали, застежки медные ладили, дел хватало. А вот печатный стан простаивал. Давно надо бы Часовник печатать, да бумаги иноземной – «хранцузкой» – плотной, белой, отмеченной корабликом с парусом, особым знаком, не было. Уж сколько ни ходил Иван Фёдоров в разряд к думному дьяку Ивану Михайловичу Высковатому, который ведал делами Печатни, сколько ни просил его, тот, каждый раз, отводя глаза в сторону, отвечал: «Погоди... Не до бумаги сейчас...»

Все же печатники не сидели без дела. Иван Фёдоров со своими помощниками, «клевретами», резали новые заставки для Часовника, сравнивали, стремясь сделать красивее, интереснее. А то за «чёрную» работу принимались – краску варили. Во дворе Печатни разводили костры, над ними развешивали «отвологи» – увлажненные холсты. Чтобы «отвологи» не загорелись, не вспыхнули огнем, их постоянно поливали водой. Собранную с холстов сажу смешивали с льняным маслом, в которую добавляли «ентарь», специальную смолу, и особую мастику. После такой работы мастера уходили домой прокопченные, чёрные, таинственно поблескивающие белками глаз.

Глядя на них, идущие со службы прихожане поспешно сворачивали в сторону и опасливо оглядывались: «Истинно, черти... Свят, свят, свят...»

Возле печатного стана в «кипсеях», специальных медных сосудах, уже и чёрных чернил запасено вдосталь, и красной киновари, а работа над Часовником всё не начиналась.

- Не нужны мы никому, как-то отчаялся уж на что неунывающий Пётр Мстиславец. Может, мне назад, в Литву, податься?
- Ну да, Петя, усмехнулся Иван Фёдоров. Где нас нет, там по две милостыни дают.

И заверил друга:

- Не может такого быть, чтобы нас забыли. Зря, что ли, столько казенных денег на Печатню ухлопано. Да и нам же никто не отказывает.
- Так-то оно так, тянул своё Мстиславец, только вижу я, не к добру всё это... Надо нам, Ваня, подаваться...
 - Вот ещё чего придумал... И куда?
- Литовский князь Ходкевич, слышал я, давно уже просит нашего царя прислать ему справного типографа, чтобы у себя православные книги печатать.
 - Скажешь тоже...

Убеждал Иван Фёдоров своего верного напарника, что всё образуется, а у самого на душе тоже кошки скребли. Видел, как всё изменилось в последнее время в худшую сторону. Митрополит Макарий, который всячески поддерживал его в печатании книг, скончался за два месяца до того благословенного дня, когда вышел первый «Апостол». Заступивший на его место митрополит Афанасий был равнодушен к печатанию книг. То ли науськали его, то ли сам он придерживался мнения, что печатные книги не нужны церкви, во всяком слу-

чае, Иван Фёдоров сразу ощутил с его стороны холод. Сменивший его вскорости митрополит Филипп вообще косится в сторону печатников, в ереси подозревает. Особенно вменяет в вину Ивану Фёдорову исправление старых рукописных книг. Мол, как можно переиначивать то, что веками писано, к чему привыкли, что утвердилось?

Знал Иван Фёдоров, на что идёт, заменяя в печатных книгах некоторые слова, но иначе не мог. Считал, что книжная речь должна приближаться к разговорному, понятному не только учёным монахам, но и простым людям. По старой русской грамматике только «иного» писалось через «о», остальные слова – через «а». (всякаго, единаго...) Иван Фёдоров заменил «аго» на «ого» (всякого, гостунского, единого...) Ещё он внёс изменение в написание приставок с окончанием на «з»: посчитал, что по произношению уместнее писать «с» («безчиние» – «бесчиние», «безчестие» – «бесчестие»...)³

На свой страх и риск исправил в Часовнике некоторые молитвы, очистив их от неверных выражений и ошибочных слов. Так, в рукописных книгах значилось: «разбойничье покаяние рай окраде». Это же в корне неверно, настоящая бессмыслица, не мог согласиться Иван Фёдоров, ведь «окраде» – значит «обмануло». В греческих первоисточниках стоит «отверзло», «отворило», значит, так и должно быть.

Митрополит Филипп посчитал правку старых рукописных книг богоотступничеством, настоящей ересью. И не просто считал, а внушал это на многочисленных проповедях в церквях своей пастве. И зароптал,

³ Некоторые новвоведения Ивана Фёдорова в орфографии долгое время, вплоть до революции 1917 года, не были приняты. Только спустя долгие годы слова стали использовать так, как мы пишем в наши дни.

Таким образом, Иван Фёдоров намного опередил своё время!

завозмущался повсюду народ печатному делу: «Грех простым чести Апостол и Евангелие!»

Неожиданно благоволивший печатному делу царь Иван IV бежал из Москвы в Коломенское. Народ пребывал в растерянности. Почему? Отчего? Наконец зачитанная на Лобном месте присланная от царя грамота разъяснила, что оставил он государство из-за нежелания некоторых бояр служить своему отечеству, а то и измен, противоборства со стороны духовенства.

«...И положил я гнев свой царский на архиепископов, епископов и всё духовенство, на бояр и окольничьих, на дворецких и казначеев, на конюшего, на дьяконов, на детей боярских и на приказных людей!» А потому, заключил царь, решил поехать он, «куда глаза глядят».

До Печатни ли царю, когда такое творится, мыслил Иван Фёдоров, не зная, что делать. Да и слухов по обвинению их, печатников, в ереси, до государя доходит немало. Сможет ли, захочет он защитить их? Сомнительно, недаром говорят: «Бог любит праведников, а царь – ябедников».

Как изменилось всё, как изменилось...

Прежде шумливая, будоражущая многоголосицей, весёлым гомоном первопрестольная сразу притихла, затаилась. По улицам, размахивая нагайками, атукая, скачут во весь опор, сбивая встрявших на пути прохожих, лихие всадники – верные царевы слуги. Опричнина! Чёрные одежды, чёрные лохматые шапки, к седельного арчаку приторочена собачья голова да метла привязана – знай наших, всю нечисть подноготно подметем!

Завидев издалека опричников, бросается народ врассыпную. Торопливо крестятся: «Спаси, Господи, и сохрани...»

Самое страшное – казни пошли. И несть им числа.

Каждый день приносил вести одна страшней другой. Сожгли усадьбу, побили вместе со слугами князей Ростовских; убили князя Ряполовского, пыткам подвергли Горбатого-Шуйского. А сколько детей боярских побили...

Ну, а детей-то, – за что? – ужасался жестокости царя Иван Фёдоров.

Наконец бумага иноземная в Печатню пришла. Хотя Часовник невелик, «осьмушка» всего, восьмая часть листа, надобно спешить, озабоченно думал Иван Фёдоров. Страсти накаляются, неровен час...

Он всегда любил порядок. Требовал, чтобы в Печатне не случались «ни безчинства, ни позорной матерной лаи, ни укору». А ещё, чтобы в полати не было ни посторонних, ни пьяных, никого лишних из дворовых сюда не приводили. И всё ради того, чтобы книги выходили добротные, красивые.

Однако не всё шло гладко. Сколько ни добивался Иван Фёдоров от батыйшика, рабочего по нанесению краски, «досматривать накрепко, чтоб чернила и киноварь в кисеях и на камени утирали гораздо, и на страницы ставили киноварь и забою не было», оплошности нет, нет, да случались.

...Проходя мимо печатного стана, он заметил брошенный смятый лист. Поднял, разгладил его, долго изучал смазанные расплывшиеся строчки.

Ах, паршивцы, цельный лист испортили! А ведь бумага, из-за границы завезённая, на вес золота! И как же я недосмотрел!

- Ты куда глядел? сунул батыйщику под нос испорченную бумагу. Почему у тебя «забой»?
- Дык...– виновато переступил с ноги на ногу батыйщик, так вышло...
 - Как вышло? рыкнул Иван Фёдоров. Почему?

- Вы же сами говорили: «скорей», «скорей»...
- Но это ж не значит, что надо лить чернил без меры. Срочно переделать!

А ещё из-за «обходов», когда батыйщик не полностью наносил краску на форму, образовывалось непропечатанное место. Снова напускался Иван Фёдоров на работников – и последними словами чехвостил, и по-доброму увещевал, – брак иногда то там, то тут, всё же вылазил.

После печатания «Апостола» что-то нарушилось в слаженной работе Печатни. Не закончив печатать тираж «Часовника» по частному заказу купцов Строгановых, принялись за второй, для царя. И перед богатым заказчиком хотлось не сплоховать, и царю угодить.

Метался Иван Фёдоров между двумя огнями, клял себя на чём свет стоит, но время подпирало, и он в отчаяньи махнул рукой: уж делайте как получается, только бы в срок успеть.

Если на печать «Апостола» ушёл год, то на «Часовник» – всего два месяца.

Иван Фёдоров, листая страницы первого издания, только ахал да охал.

«Руки бы поотбивать! Вот... Что это? Красный набор налез на чёрный...А здесь непропечатано... Вроде бы немного, другой и не заметит. Но как я мог такое напечатать?»

Обстановка в Москве становилась всё хуже. До Печатни никому не было дела. На Ивана Фёдорова и его клевретов уже смотрели не с усмешкой, а с откровенным злорадством. Колючие языки за спиной всё громче нашептывали: доберемся до вас, христопродавцы, ответите и за правку духовных книг, иное «речение и склад», за подражание латинянам, за печать на

бездушном немецком станке, за всё «грознейшим проклинанием» ответите!

Иван Фёдоров в тяжёлых раздумьях, вороша на разные лады мысли, поздним вечером сидел дома за столом.

С одной стороны, книги печатные – и богослужебные, и для младенческого наученья, распространения науки, ремесел – нужны. Ох, как нужны! С другой стороны – неприязнь, наветы, непонятная зависть на каждом шагу вплоть до откровенной злобы и ненависти.

Ну почему? Почему туго, с неприятием идёт на Руси хорошее дело? Почему в нас так сидят косность, дикость лесная, что колом не вышибешь? Доколе будем бородами дремучими трясти, друг друга подначивать да зловредничать? И когда же научимся доброму и полезному у других учиться, свои науки развивать? Сколько всяких завалов, буреломов на пути ... И ведь не вражеская сила напасти строит, не кто-то пришлый, со стороны – сами себя стегаем, с мясом хорошее выдираем, стонем от боли, кричим, жалуемся, но от своего не отступаемся. Доколе?

Сколько хороших, нужных книг хотелось ему напечатать! Как Иоганн Гутенберг в своё время выпустил замечательную, быстро разошедшуюся по храмам и монастырям, прославившую его Библию, так и он задумывал напечатать свою – полную, выверенную, как и полагается, Библию – книгу книг, источник света для всех православных. А ещё – Азбуку для наученья на новый лад – с измененным текстом, с картинками. Яркую, выразительную, чтобы освоение букв и складов стало проще, доходчивее. Да таким тиражом, чтобы не только у каждого ученика в школе своя была Азбука, но и в каждой семье – в городе ли, деревне. Чтобы тянулись детишки к ней как к занятной книжице, любовались картинками, тыкали в неё пальчиками,

мало-помалу грамотой овладевали. И больше бы стало на Руси учёных мужей, пошла бы в гору наука, жизнь бы намного изменилась.

Но так закрутило, такой налетел ветер, что не до жиру, быть бы живу...

Дрогнув, язычок пламени уменьшился в размерах, из углов надвинулась темень.

Пётр Мстиславец говорил, что гетман литовский Ходкевич хочет у себя Печатню наладить, православные книги выпускать. Что ж... Коли так, он, Иван Фёдоров, готов употребить свои знания, умение ради благого дела. Пусть не в Москве, в другом месте, из его рук будут выходить новые книги, нести людям свет.

Спустя несколько дней они с Пётром Мстиславцем грузили в Печатне на сани литеры, заставки, всё, что нужно, для печатного дела. Никто им не препятствовал. Охранная грамота была выправлена без помех, и ранним утром печатники двинулись из Москвы.

Пересекая границу, напоследок остановились. Стянув шапки, перекрестились в сторону русской стороны.

Взгорки с редкими кусточками, пустое белое поле, чёрные отметины птиц в мглистом небе...

Мела поземка. Порывистый ветер раздувал полы кожухов, леденил руки, теребил осыпанные снегом, словно поседевшие, волосы печатников. Рядом хныкал, непонимающе крутя по сторонам головой, Ванятка.

Печатники молчали, думая каждый о своём. Надвинув поглубже треухи, двинулись на санях – с виду по такой же, как и русская земля, но уже – по литовской, прокладывая новый след на заметенной зимней дороге.

глава VIII в заблудово

• Сквозь горячее марево летнего зноя – сначала как тонкое комариное зудение, потом, с каждой ноткой всё отчетливей, надоедливей слышится угрожающее жужжание. Кажется, вот-вот, в этот самый миг, пчела вонзит своё жало в его нос, щеку или другую часть бренного тела, мирно возлежащего в тени беседки.

Он невольно отмахивается рукой, но пчела не унимается, всё жужжит и жужжит, не переставая. В какой-то момент вместе с резким хлопком звук обрывается. По удовлетворенному сопению над ухом становится понятно, что это верный слуга исполнил-таки обязанность охранять своего господина, оградил покой от непрошенной гостьи.

С трудом разлепив тяжёлые веки, он вновь проваливается в дремотное состояние. Беззаботное время бежит быстро, глядь – уже и вечер. И хотя есть не хочется – силушка-то никуда не потрачена, копится и копится вместе с наплывающим жирком на лице да всё увеличивающимся брюшком, так что халат уже трудно запахнуть, для порядка надо бы что-то перекусить.

А снеди – какой хошь: птица битая в вареном ли, жареном виде, а то – поросеночек заливной с хренком, ушица из рыбки свежевыловленной, ешь– не хочу! Стоит только кликнуть, – напитки хладные на любой вкус – взвар ли грушевый, сбитень, медовуху отменную слуги верные мигом на стол доставят.

Что потом? Сунув в рот чубук, можно подымить маленько или неспешно прогуляться по тенистому

саду, цветочки, ягодки обозревая, на ходу что-нибудь сорвать да в рот положить. А то – велеть запрячь дрожки да пропылить просёлочной дорогой по своей деревеньке взад-вперёд, посмотреть, как вверенный ему народ живёт-трудится. И какое удовлетворение видеть, как, завидев его, низко, до самой земли, кланяются пугливые бабы, поспешно скидывая шапки, гнут спины дебелые мужики да шамкающие беззубыми ртами седовласые старики. А он, легонько постёгивая, бегущего трусцой упитанного мерина, снисходительно, и в то же время несколько отстранённо, свысока, как и подобает хозяину, будет кивать головой, мол, всё знаю, всё вижу. Не так уж много душ у него в подчинении, всё же в сытости и довольстве можно до конца своих дней жить поживать, горя не знать.

Все это видится, мнится сквозь дрему Ивану Фёдорову, лежащему на подпрыгивающей на ухабах с подстеленной соломой телеге. Неутомимо крутятся обильно смазанные дёгтем колеса, мотают версту за верстой. Мелькают мимо то редкий осинник с подрагивающими на ветру листочками, то выскочившая из-за поворота речушка коротко блеснёт до слепоты в глазах зеркальной гладью, поманит освежающим духом, да тут же пропадёт с глаз. Словно живые, набегают взгорки, незаметно остаются позади. И поля, поля... – тянутся без конца в убранстве склоняющихся до земли, словно думу о чём-то думающих, набухающих зрелостью колосьев.

Вот была бы житуха! – в который уже раз прокручивает Иван Фёдоров в голове несбывшееся. Не надо ни о чём думать – ни как литеры лить, ни заставки резать, ни тексты править. Ни-че-го! Да... Спроси, кто уже порядком поработал, хотел бы отдохновения от трудов, заслуженного покоя? Любой без раздумья ответит: конечно, а как же, хоть сию минуту! А он – от-

казался. Наотрез! Сказать кому – покрутят пальцем у виска: дурак ты, братец! Дурак!

А ведь была у него возможность заиметь свою деревеньку, жить без печали и забот, была!

Иван Фёдоров смотрел на сидящего в высоком массивном кресле грузного, с приспущенными веками, словно находящегося в спячке, гетмана княжества Литовского Ходкевича, и не узнавал его. Усталый взгляд, замедленная речь, тяжёлые, будто скованные неведомыми силами, движения.

Да, постарел великий гетман, ох, как постарел...

Где тот вызывающий взгляд видного военачальника, что приводил в трепет подчинённых, где горделивая осанка, порывистые движения? Прежде лихо закрученные в разные стороны, а теперь обвислые, словно погрустневшие, усы, редкий чубчик с залысинами... Даже широко расходящаяся веером ухоженная борода и та потеряла свою значимость и выразительность.

Всего два года прошло с тех пор, как Ходкевич пригласил Ивана Фёдорова вместе с Мстиславцем православные книги печатать. Сколько было добрых намерений! Помимо прочих, очень хотелось ему ещё и Азбуку сотворить, свою давнюю задумку осуществить.

Один из богатейших и влиятельнейших вельмож Литвы гетман Ходкевич, как и многие из здешних магнатов, был крайне недоволен усиливавшимся влиянием Польши, грозившим ему потерей земель и влияния в обществе. Русский человек, он был против притеснения православной веры и насаждения католицизма. Противостоять ополячиванию и католицизму Ходкевич решил путем выпуска богослужебных книг, укрепляющих православную веру и русский язык.

Не сразу разобрался Иван Фёдоров в хитросплетениях политики, не сразу вник в её тонкости.

Общаясь с мастеровыми и учёными мужами, набираясь уму-разуму, всё больше понимал, как нелегко живётся в Литве простым людям – и русским, и белорусам, и украинцам.

...В новом, только что отстроенном Ходкевичем храме Успения Богородицы в Заблудове ещё свежи, остры запахи свежеструганного дерева и побелки. Служба давно закончилась, прихожане разошлись по своим будничным делам. Их только двое – Иван Фёдоров, печатник из Москвы, и протопоп Нестор. Как получилось, что они – русский и белорус, стали нужны друг другу? С какого момента началась их дружба, уже никто и не помнит. То ли с того случая, когда священник попросил взаймы у Ивана Фёдорова пятнадцать копеек – литовских грошей, весьма немалую сумму, то ли когда печатник подарил ему отпечатанную в Москве книгу «Апостол», не в том суть.

- Ну, когда же книги начнете печатать, Иван? притушив очередную свечку, повернулся к Ивану Фёдорову Нестор. Уж больно нужны они нам! В Московии хоть рукописные есть, а у нас и те редкость.
 - Вот как станок сделаем, так и начнём.
- Может, помощь какая нужна? Я всегда готов, и прихожане помогут.
- Когда напечатаем, надо будет по церквям развезти. Сможете?
 - Конечно!
 - А люди ваши верные?
 - На своих мы надеемся, не подведут!

Странно было слушать Ивану Фёдорову про «своих» и « чужих». Протопоп Нестор, вздыхая и охая, пояснил, что польские магнаты получили от короля право патроната над церквями и монастырями. Сгоняют с должностей православных служителей, продают доходные церковные места. – Доходит до того, что во главе православных храмов ставят католиков, насильственно обращают прихожан в другую веру. А это значит потерять свой язык, обычаи, культуру.

Иван Фёдоров узнал, что в погоне за обогащением паны увеличили барщину для крепостных крестьян с одного-двух до трёх-четырёх в неделю, стали захватывать крестьянскую землю, луга и леса. Пользуясь безнаказанностью, самовольно чинили суд и расправу над недовольными. В некоторых имениях даже виселицы появились.

- Представляешь, Иван?
- Да уж...
- Нет, нет, мы будем бороться! Оттого-то книги нам ох, как нужны!

Ивану Фёдорову хотелось быстрее включиться в борьбу за православную веру, помочь простым людям.

Первой печатной книгой в Заблудове должно стать Евангелие Учительное. Выбор не случаен. Многие крестьяне поколебались в вере, нужно было убедить их, наставить на путь истинный. Ходкевич поручил Ивану Фёдорову включить в книгу ряд богословных толкований. Фактически ему предстояло вести полемику с неверующими, привести убедительные доводы в пользу православной веры.

Неподалеку в Супральском монастыре была богатая библиотека, где можно почерпнуть необходимые сведения. Иван Фёдоров от корки до корки прочёл старинные рукописные книги «Евангелие толковое великое», «Евангелие учительное старое», «Евангелие учительное жабинское».

В результате в книгу вошли многие извлечения из сочинений Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского и других отцов церкви. И всё же Ивану Фёдорову этого казалось мало. Что ещё использовать для

пущей убедительности неверующих и сомневающихся? Какие найти дополнительные слова?

А что, если включить в книгу написанное ещё в одиннадцатом веке митрополитом Илларионом «Слово о законе и благодати»? Перечитывая его, Иван Фёдоров раз от разу поражался силе слова древнерусского просветителя. Насколько точно, убедительно говорит он о важнейших постулатах, опровергая их своими доводами. Илларион доказывает, что распространяемый только на иудейский народ Закон ограничен. В эпоху Ветхого завета взаимоотношения людей с Богом определялись подчинением этому Закону. С Новым же заветом время избранничества одного народа прошло. Бог не делает различий между эллином, иудеем, либо каким другим народом. Следуя за великими болгарскими просветителями Кириллом и Мефодием, Илларион излагает учение о равноправности всех народов, в том числе русского.

А какие у автора выразительные, красивые сравнения: «книжное учение» – это солнце, свет, тепло или весна, а также источник воды; безбожие, ересь – тьма, холод, зима; жизнь – море; Бог, князь, благие мысли, добродетели – проросшее семя, плоды; учитель, глава церкви – сеятель или пастырь...

Да, у древних мыслителей есть чему поучиться!⁴

...В дыму курившегося ладана и мерных огоньках свеч в храме Успения Богородицы покойно молятся прихожане – морщинистые, со слезящимися глазами старушки, розовощекие молодки с держащимися за подол детишками, сосредоточенные бородатые мужики. Всё вроде как всегда. И всё же что-то новое неулови-

мо витает в церкви. Держа в руках свежеотпечатанное «Евангелие Учительное», протопоп Нестор светится от радости, каждое слово его твердо и вразумительно. Видя, как прихожане тянут свои лица, ловя каждое слово священника, крестятся упоенно, Иван Фёдоров и сам был готов прослезиться. Это ли ни счастье, когда твои печатные книги – сотни, а там и тысячи, – идут в мир, несут православное слово, укрепляют веру людей...

Казалось, работай дальше, печатай на радость себе и на пользу другим благословенные книги. Так нет же...

Заключенная между Польшей и Литвой уния образовала новое государство – Единую Речь Посполитую. Теперь все земли, всё управление переходят под власть поляков...

Иван Фёдоров смотрел на именитого, но уже далеко не всесильного, как раньше, гетмана, и дивился разительной перемене. Сломленный заключенной унией, сдавшийся, Ходкевич, наверное, оттого и подряхлел в одночасье, превратился в больного и немощного, похожего на развалину старика.

Что же теперь будет с печатней? После «Евангелия Учительного» в Заблудове были отпечатаны ещё Псалтырь с Часословом, на этом всё и закончилось. Его друг и напарник Пётр Мстиславец подался к купцам Мамоновичам, которые давно собирались печатать книги и быть в барыше. А ему с сыном куда деваться?

Гетман Ходкевич, словно очнувшись от тяжёлого сна, устало глянул на печатника. Да, этот Москвитин своими трудами немало пользы принёс, скрасил ему на какое-то время надвинувшуюся старость. За то печатнику и добрая награда будет.

Не каждого осыпает великой милостью гетман, но вот Иван Фёдоров – заслужил! Трудился честно,

⁴ Опыт включения в «Евангелие Учительное» проникнутое патриотическим пафосом прославления Руси как равноправной среди всех государств мира «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона Иван Фёдоров использует затем в полемическом споре со своими противниками в издании Азбуки.

книги правил, даже свои тексты вносил – далеко не каждый на это сподобен. Так пусть живёт в достатке всю оставшуюся жизнь.

– Я вот подумал... – изрек, приподнимаясь с кресла гетман, – ты, Иван, уже немолод, шестьдесят лет – возраст почтенный. Потрудился славно, спасибо тебе за книги печатные, за усердие. Дарую тебе деревеньку, чтобы жил ты оставшиеся годы у нас безбедно в тиши и покое.

Вспоминая потом об этом, Иван Фёдоров писал: «Более всего ужаснулся я владыки моего Христа... Грех мне зарывать в землю талант, данный мне от господа...» 5

- ...Услышав отрицательный ответ, Ходкевич бессильно опустился в кресло.
 - Как?.. воздел кверху руки. Отказываешься?

Седые брови вскинулись, затем грозно свелись на переносице. Лицо обрело прежнюю властность и жёсткость. Казалось, он готов был выпороть глупца за оскорбительный для его величества ответ.

- Ты хорошо подумал, дурья твоя башка? Ведь у тебя ни гроша за душой! На что жить будешь?
 - Проживу как нибудь... Книги людям нужны...

Много разных людей видел великий гетман на своём веку. Сколько падало перед ним ниц, угодничало, сколько шло на подлог, преступление, а то и душегубство – и всё ради серебра и злата, сытости и довольства.

Где это видано, чтобы от блага отказывались? Здесь же дают не фунт изюма – целую деревню с крепостными, верным доходом. Самая настоящая манна

с неба падает, бери, пользуйся. А он – «нет, спасибо»... Что за престранная личность этот русский печатник, Москвитиным именуемый?

Ни в его владениях, ни в соседних не найти такого человека, который бы в печати книг мудрён был. Только где выгода от этих книг? – одно мученье. Из Московии из-за зависти и ненависти начальников и других злопыхателей бежал.... В Заблудове под крылом его, гетмана Ходкевича, дело печатное пошло, но вот опять крах...

И дались этому упрямому Ивану книги! Уж если руки чешутся, кузнечным бы делом занялся, телеги ли, кареты ладил, мастер ведь на все руки, истинно они у него золотые. И был бы ни клят ни мят, нос в табаке.

Ладно он, гетман, из-за этих книг много денег потерял, так ведь у него их полным-полно. Ну, а этому дуралею зачем без конца с книгами возиться? Жизнь-то к концу идёт, к концу!

– Да брось ты эти книги! – не выдержал гетман. – Живи, как все.

Иван Фёдоров, уже тронутый признаками прожитых лет – избороздившими лицо морщинами, изрядными проблесками седины в волосах, стоял перед ним прямо, не переминаясь и не теребя в руках шапку, смотрел открыто. Не увидел великий гетман в его глазах ни горя, ни растерянности, ни упадка духа. Только обозначившиеся жесткие складки на лице, плотно сжатые губы да резко очерченные скулы говорили о том, что творится внутри этого человека

- Нет, не могу...
- Hy... бессильно махнул рукой великий гетман, прощай!
- И снова дорога. Снова Иван Фёдоров, сосредоточенно сдвигая брови, всматривается в далекую

⁵ Своё назначение, весь смысл своей жизни печатник определил потом словами, которые вошли в историю: «Не пристало мне в пахании да сеянии семян жизнь свою коротать: вместо сохи ведь у меня ремесло художественное, вместо семян житных-духовные семена надлежит мне по свету рассеивать и всем раздавать духовную эту пищу...»

дымчатую поволоку, словно хочет разглядеть – что же там, за горизонтом, что ждёт его в неведомых краях?

На этот раз судьба несёт его на Западную Украину, во Львов.

Говорят, богатый этот город, вольный, учёностью и трудами разными славится. Дай Бог, и ему место там найдётся, да и откроет он очередную – какую по счёту? – пошевелил губами Иван Фёдоров, – третью уже печатню...

– Но, родимая! – чмокая губами, подстегивает он беспрестанно машущую перед носом хвостом, норовящую то и дело ущипнуть на ходу придорожную травку лошаденку.

Нет-нет, да и тронет рукой, проверяя, укрытые рогожей на телеге короба со шрифтом, заставками и прочими приспособлениями для печатного дела, что милостиво разрешил ему взять с собой гетман Ходкевич.

- Но, милая!

Рядом на соломе колыхаются ещё двое. Один из них – его сын, выросший из несмышленого Ивашки в рослого, крепкого малого, но по учёности, как он ни бился, как ни старался языкам обучить, далеко ему уступает. Переплётное дело освоил, а больше ничего ему и не нужно...

«И куда это снова батю тянет, зачем?» – лежа на боку, уныло поглядывает по сторонам, младший Иван. Жили бы в собственной деревеньке, пироги с маком кушали да молоком запивали, так нет же, несёт нас нелёгкая...

Другому путнику – неказистому, худощавому, с тонкой вытянутой шеей и пронырливым взглядом парубку Грине не лежится и не сидится. Ёрзает, словно шило ему кто в бок шпыняет, крутит чубатой головой по сторонам, дивясь на новые, неведомые места. Вот

также крутился он в заблудовской печатне возле Ивана Фёдорова, совал нос куда ни попадя. Ради забавы дал печатник ему резец, показал, как заставки резать. А рука-то у паренька верная оказалась, глаз что алмаз, для гравера это в самый раз. Прилип Гриня к Ивану Фёдорову как к отцу родному. А когда узнал, что учитель отправляется за сотни верст в далеком Львове новую печатню открывать, загорелся, запросился: возьмите с собой, дяденька, возьмите! Вот уж правду говорят: охота пуще неволи.

Хмыкнув, Иван Фёдоров пошевелил вожжами, вытянул губы:

- Но! Но! Заснула? А ну, пошевеливайся!

До славного города Львова предстояло проехать ни много ни мало пятьсот верст.

ГЛАВА IX ТРИ ЧАСТИ АЗБУКИ «ПОКЛОН ОТ ОНФИЛА ДАНИЛЕ...»

У Ивана Фёдорова есть время в дороге основательно подумать о том, о сем, осмыслить свою прошлую, прикинуть будущую жизнь. Вспоминает, гадает, а мысли то и дело возвращаются к Азбуке. Ни в Москве, ни в Заблудове не удалось ему осуществить свою мечту, издать книгу «для младенческого наученья». Всё потому, что везде были над ним начальники: царь ли Иван четвертый, гетман Ходкевич, которые решали, что печатать. Это и понятно: кто выделяет деньги, имеет на это полное право. Но как же хочется наконец самому быть хозяином положения, ни от кого не зависеть, печатать то, что хочется. Именно так работал в своё время Иоганн Гутенберг. Да, ему было нелегко: сам искал деньги, кланялся богатым не раз и не два, получал отказ, но всё-таки добивался своего, печатал книги.

Получится ли у него, как у Гутенберга? Хватит ли сил, способностей? Это станет ясно потом, пока же есть горячее желание, стремление добиться своего. И одно из важнейших дел, которое он наметил для себя – сотворить Азбуку.

Иван Фёдоров представил, как вместо одной Азбуки, которую учитель бережет как зеницу ока, она появится у каждого ученика. Которую тот возьмет с собой домой, будет разглядывать буквы, картинки, а то и пытаться самостоятельно тянуть: «буки» – аз»– «баа-а..». Как, захныкав, полезут к красочной книжке малые братишки и сестренки большой семьи, станут

рвать её на части, да и разгорится нешуточная ссора из-за Азбуки: «Я тоже хочу-у-у...», «А он не даё-ё-ёт...». Родители, понятное дело, станут утихомиривать, приструнивать. А кто поумнее, позволит «поиграться» с Азбукой малым ребяткам, мол, смотрите, водите пальчиком, только листы не рвите да не запачкайте драгоценную книжицу.

Но как же трудно сейчас дается учёба! Надо упростить обучение, сделать его проще, понятнее, чтобы люди не смотрели на грамоту как на невиданного зверя, которого одолеть чрезвычайно трудно.

В своё время, в двенадцатом веке, в Новгороде грамота воспринималась как обыденность, как повседневность. Письменная жалоба одного из монахов своему начальству – тому подтверждение. Он порицает новгородцев за то, что свои записки, сделанные на берестяной коре, они выбрасывают... в мусор. То есть, настолько привычно им было писать, что грамотность они считали само собой разумеющимся.

Интересно, что новгородцы нередко царапали на бересте послания не только делового, но и чисто житейского характера.

«Поклон от Грикши к Есифу.Прислав Онанья, молви...Яз ему отвечал: на рекл ми Есф варити перевары ни на кого. Он прислал к Федосьи: вари ты пив, седишь на безатьщине, не варишь жито».

Некий Грикша, приказчик землевладельца Есифа, поведал о том, что к зависимой от Есифа крестьянке пришёл некий Онанья с требованием варить для него пиво на том основании, что Федосья сидит «на безатьщине», то есть пользуется землёй, на которой раньше жил человек, варивший пиво в пользу Онаньи.

Подобного рода письменами новгородцы обменивались довольно часто. Это давало им возможность

беседовать друг с другом на удаленном расстоянии или записывать то, что трудно удержать в памяти. Владельцы земли писали своим управляющим, ростовщики отмечали должников, ремесленники слали письма заказчикам, родители – детям, дети – родителям.

«От Микити к Уллианиц. Пойди за мьне. Яз тоби хоцю, а ты мене. А на о послух Игнат Моисеев» – это самое настоящее любовное послание с предложением руки и сердца. «Я хочу тебя, а ты – меня...»

Примечательно, что нередко новгородцы писали просто так, от скуки, лишь бы занять себя. Внутренние стены многих монастырей были прямо-таки испещрены вдоль и поперек надписями, которые сотворяли иные нерадивые молящиеся.

Иван Фёдоров представил, как иной горожанин, устав бить поклоны, оглянувшись по сторонам, достает из кожаного чехла писало и потихоньку царапает на стене надпись «Господи, помози рабу своёму». Или иного, житейского рода. Например, на одном из столбцов церкви Спаса на Нередице значилось: «На Лукин день взяла проскурница пшеницю...»

А ведь как часто от иноземцев приходится слышать, посетовал Иван Фёдоров, что русичи де темны и забиты, дремучи и невежественны. Всё это делается для того, чтобы принизить нашу культуру, посеять неверие в свои силы. Но разве новгородский пример не служит ярким доказательством давнего развития грамоты на Руси? У нас в ту пору тамошние детишки не просто могли писать – баловались грамотой как забавой! Берестяные грамоты семилетнего Онфима из Новгорода – тому подтверждение.

Мальчик из обычной семьи, ещё до конца не овладевший грамотой, Онфим царапает свои послания не только на бересте, а на всём, что попадается под руку. Буквами и складами исписан даже... туесок! А

надпись «Поклон от Онфима Даниле» – это, скорее всего, послание товарищу, который сидел рядом с ним в школе.

О способностях мальчика свидетельствуют и его рисунки. На одном из них, подписанном «Онфиме», всадник на лошади разит копьем поверженного врага. Автор представляет себя воином, готовым сражаться и побеждать. А ведь ему всего семь лет! Он ещё не знает счёта, это видно по разному число пальцев на изображенных им человечках, но Онфим уже читает, пишет как самостоятельный, здраво мыслящий человек.

О чём это говорит? О том, что система обучения грамоте на Руси давно уже сложена, дает свои результаты. Его, Ивана Фёдорова, задача- несколько подправить её, изменить применительно к нынешнему времени. Ломать тут не стоит, ведь нередко новое принимается в штыки.

Он вновь многим рискует. Как знать, не найдутся ли силы, которые воспользуются ропотом недовольных, и всё обернется против него? Ведь было уже такое, было... На этот раз – он без друзей и близких, без всякой поддержки. Один, совсем один. Правда, есть сын Иван, взрослый уже, самостоятельный, родная кровь, есть способный ученик Гриня. Да, это некая опора и надежда, но силы малы, так что нет, нет, да и задумаешься: стоит ли начинать зызнова?

Ребята, привалившись а телеге друг к другу, о чём-то беспечно болтают, заливаясь смехом... Нестерпимо печёт раскалившееся солнце. Ветра почти нет. Растрепанные белые облака недвижимо застыли на просторном, раскинувшемся во всю ширь небе. Кажется, они удивленно взирают на катящуюся внизу одиночную повозку: куда вас несёт, друзья, зачем?

Иван Фёдоров повернулся с бока на бок, вытер обшлагом кафтана выступившую на лице испарину.

Нет! Нельзя поддаваться слабости, иначе можно раскиснуть, и все мечты так и останутся мечтами. Всё у него получится!

Костяк Азбуки у него созрел уже давно. Он решил составить её из трёх частей: первую посвятить изучению букв и слогов, вторую – грамматике, в третью включить советы учителям, родителям и ученикам.

До чего же тупо, монотонно, а потому-то и необычайно долго идёт сейчас заучивание букв и слогов... А что, если заучивать буквы не только в прямом порядке, но и обратном? Не слишком ли это сложно? Может, на первых порах и трудновато будет, зато даст возможность ученику лучше разобраться в буквах. А если ещё представить буквицы в виде столбцов...

Иван Фёдоров, морща лоб, мысленно набрасывает на бумаге столбцы. Нет... Не то... Надо по-иному... А если так? Вроде бы лучше, но до конца ещё не ясно, пусть «отлежится».

Одновременно с прохождением нового для лучшего запоминания ученики должны несколько раз повторять уже пройденные буквы. А почему бы не сделать так и для обучения счёту?

Ломая над этим голову, он в конце концов приходит к мысли последовательно пронумеровать параграфы. Просто и доходчиво!

А ещё надо, чтобы ребёнок постепенно постигал буквы. От простого – к сложному. Это ведь во всём деле так. Столяр сначала учится рубанок в руках держать, мало-мальски строгать, потом уже за что-то серьёзное берется. Почему бы и к Азбуке это не применить?

Может, расположить буквицы в виде треугольников? Сначала с шестью столбцами букв и концевыми четырёх и двухбуквенными строками, затем – в обратном порядке из семи столбцов с тремя буквами на последней строке. Он не ждёт привала, чтобы удобно расположиться, не спеша записать – как что созрело в голове, сразу же хватается за карандаш. Не беда, что дорога тряская, рука пляшет, строчки ложатся вкривь да вкось. Главное – записать, а там разберемся!6

Бежит и бежит телега, вот уже и украинские картины пошли: то спелое ржаное поле под порывом ветра так заходится волнами, словно море дивное вскипает, то облака на небе до того распушатся, растовосятся, что на душе отчего-то становится радостно и легко. И так это врезается в память – кажется, на всю жизнь.

А ведь и буквицы можно подать картинкой... Зримо – оно всегда ярко, памятно.

Вырисовав буквицы, Иван Фёдоров прищурившись, всматривается, чешет затылок, снова берется за карандаш. 7

Слоги... Двухбуквенные, трёхбуквенные... Что придумать, чтобы ученику проще давалась эта наука? Как буквицы, представить их треугольниками? Да, так и надо сделать!

И появляются на бумаге таблицы-треугольники со слогами, пронумерованные для лучшего поиска на странице. Но и этого Ивану Фёдорову кажется недостаточно.

Воображая себя на месте ученика, он, шевеля губами, проговаривает каждую букву: «аз», «буки...». Потом переходит к слогам.

⁶ Как отметили исследователи, своеобразная подача материала, при которой ученики попутно с техникой чтения приобретали практические навыки счёта, повторяли пройденное одновременно с усвоением нового, свидетельствует о гибкости и разнообразии методических приёмов составителя Азбуки.

⁷ Стремление Ивана Фёдорова уже на этапе изучения Азбуки реализовать доступность обучения на основе принципа постепенного повышения сложности и объема учебного материала говорит о гуманистической позиции (цели) методиста – оказать максимальную педагогическую поддержку ученику на первых, самых трудных этапах его обучения.

– ...Батя, ты нам уже все буки забил, – хохочет, глядя на его потуги, сын Иван. – Да, Гриня? – толкает кулаком в бок своего соседа. Тот в отместку валит его на телегу, начинается возня, солома летит во все стороны.

Мерно трусившая лошаденка сторожко ставит уши: что там у вас, друзья, стряслось, что за шум?

А Иван Фёдоров, не обращая никакого внимания, о своём думает.

Это что же получается? С каждой буквой гласного звука сочетаются основные буквы согласных. Для двухбуквенных слогов – «ба», «ва», «га», «да»... Для трёхбуквенных – похоже: «бра-а-а», «вра-а-а», «гра-а-а»...

Если ребёнок ухватит суть, то ему будет проще, понятнее перейти на с простых на сложные слоги. А там и до чтения уже недалеко.⁸

«СИРЕЧЬ ГРАММАТИКИИ...»

Уже немало записано Иваном Фёдоровым для новой Азбуки. Многое почерпнул он из «Книги осьмочастной Иоанна Дамаскина», «Книги Константина

Философа», рукописной книги «Книга глаголемая буквы», кое что перенял из учебных упражнений новгородского мальчика Онфима.

Традиции есть традиции, без опыта предшествующих поколений никак не обойтись. Но и наперед надо заглянуть, как без этого? Любая сделанная вещь должно служить долго и полезно. Азбука же – «товар» особый. Что толку, если через какие нибудь пять лет она уже устареет и никому не будет нужна? И что скажут о нем как о составителе сей книги? Э-э-х, накидал, набросал, лишь бы блеснуть, сверкнуть, а там мама не горюй? Н-е-е-ет... Коль взялся за гуж... Думай, голова, думай!

Он должен, обязан учесть особенности обучения грамоте не только на Руси, но и в Европе. Что у них нового, полезного, которое сгодилось бы для его Азбуки? Немчура, да и англицкие мастеровые не лыком шиты, всё чтой-то выдумывают, мудрят. Взять того же Гутенберга. Аж сто лет тому назад сей учёный муж изобрёл печатный станок, надумал, как литеры лить, многое чего для печатного дела полезного нам оставил. И как же этим не воспользоваться?

Только вот почему церковники за перенимание хорошего и полезного у иноземцов всё время нашему брату не просто в укор ставят, но и в ереси обвиняют? Сколько ему пришлось выслушать упреков за то, что при печати «Апостола» в Москве он для изображения святого Луки использовал декор, похожий на гравюру немецкого мастера Эргарда Шена! И даже то, что значительно переработал оригинал, приблизив его к отечественной традиции, не спасло его от нападок и обвинений в связях с еретиками.

Эх вы, пни замшелые, дубины стоеросовые, так и хотелось бросить этим длиннобородым, подозрительно зыркающих из-под косматых бровей закостенелым

⁸ Подход к обучению Ивана Фёдорова, умение читать трёхбуквенные слоги по принципу двухбуквенных исследователи назовут принципом аналогий.

А ориентировка в слоговой структуре слова с опорой на букву гласного звука будет отмечена как реализация Иваном Фёдоровым особого принципа обучения.

Наличие в структуре Азбуки грамматического материала свидетельствует о понимании автором необходимости обучения основам грамматики языка и правописанию уже в период усвоения первоначального чтения. Такой пропедевтический подход означает осознанную реализацию в методической системе принципа перспективности, или препедевтики обучению языку в букварный период.

монахам. Если будем себе под ноги смотреть, никогда к свету не выберемся. Только обмениваясь чем-то полезным, новым, перенимая друг у друга, можно укрепить государство, значительно улучшить жизнь людям.

Царь Иван Васильевич хорошо это понимал. Он выискивал за границей добрых мастеров, которые могли бы хорошую пользу Руси принести. Почему в тысяча пятьсот тридцать пятом году литовские войска под самым носом у Москвы беспрепятственно взяли город Стародуб? Да потому что использовали «подкоп по подземелию к граду». Узнав об этом, царь дал указание «лукавство подкопывания» перенять. Срочно «выписали» из Дании некого Размусена, «немчина хитра, навычна градскому разорению».

И если раньше неоднократные попытки взять Казань заканчивались неудачей, то с использованием «подкопывания» Размусена крепостная стена взлетела на воздух и долгожданная победа была одержана.

В своё время ещё царь Василий Иоаннович III «не однова» взывал к датскому королю: «которые будут у тебя мастеры горазды каменного дела делать, и литцы, которые умели бы лить пушки и пищали, и ты б тех мастеров к нам прислал». Но датский король, опасаясь усиления русичей, оставил просьбу русского царя без ответа.

А взять «Дело Шлитте»... Заручившись нужными бумагами, некий Ганс Шлитте по поручению царя Ивана IV нанял за границей сто двадцать три человека, в число которых вошли «доктора магистров и других учёных, колокольных, рудокопных и золотых дел мастеров, зодчих, гранильщиков, колодезников, бумажников (parikmaker), лекарей, типографщиков и других подобных художников». Однако в Любеке самого Шлитте арестовали, а мастеров разогнали. По нау-

щению Ганзейского союза не пропустили их в Москву, якобы во избежание тех «страшных бед», которые последуют для Ливонии, для всей немецкой нации, если московиты усвоят себе военное искусство и вообще умение Запада.

Вот так, во все времена, вставляли Руси палки в колеса.

Все же в затворничество нельзя уходить. Надеясь на себя, на свои силы, надо и на иноземцев поглядывать, дабы не отстать, а кое в чём и опередить их. Вот и ему при составлении «Азбуки» полезно знать, чем «дышит» Европа, в какую сторону дует ветер.

Когда он познакомился с латинскими и польскими Алфавитами, трудами сербских и болгарских грамматиков, немецкими печатными Азбуками АВС– Вuch и Abece-darium, то узнал, что в них, как и в русских, используется простой алфавитный ряд. Также предлагается детишкам заучивать буквы, потом слоги. Далее переходят к чтению слов и текстов отдельных, представленных простейшими молитвами. Конечно, это изложено несколько иначе, но принцип тот же. Но что интересно: в Азбуках АВС-Вuch и Abece-darium нет разделов, посвященных грамматике. Молитвы и катехизис для чтения есть, а для познания грамматических премудростей почему-то ничего не предусмотрено.

А ведь мало только буквы знать, худо-бедно читать, надо ещё и грамоте разуметь. В первом разделе «А сия Азбука от книги осмочастныя, сиречь грамматики» он привёл примеры спряжения по одному глаголу на каждую букву в алфавитном порядке. В других познакомил со спряжениями глаголов, с премудрой системой «ударений» и «придыханий»: «любите – любите», «носите – носите»... Не обошёл вниманием и «титлы» – наиболее распространенные слова. И здесь применил свой, особый приём: числа.

«НЕ СОТВОРИ НАСИЛИЯ УБОГОМУ...»

Но вот ребёнок, славу Богу, научился читать и писать. А что у него за душой? На что направлены его помыслы? Ради чего, с какой целью применит он свои знания, чтобы и в семье потом надежной опорой был, и отчизне своей пользу принёс?

Помочь в этом ребёнку, наставить его на путь истинный должна Азбука!

Он вспомнил учителя, который говорил, что легче идёт чтение тех молитв, которые дети знают наизусть с детства. А посему надо их непременно включить в Азбуку. Читая знакомые молитвы, ученик не только впитывает их содержание, но и как бы проговаривает, буквы, слова заново. 9

Много раз перечитаны им заново Ветхий Завет Библии, Апостол, Геннадиевская Библия, «Библия руска» белорусского печатника Скорины, много сделано выписок и зачеркиваний, пока не отобрано, на его взгляд, самое важное, самое главное.

К детям Иван Фёдоров, проповедуя богоугодные истины, обратился выдержками из Книги притчей Соломона и «Посланий Павла Апостола»: «Не сотвори насилия убогому...», «Не дотыкайся межей своих...».

А ещё надо заинтересовать ребёнка учебой. И ложатся на письмо строки: «Сыну мой, преклони ухо твоё и послушай словес мудрых. И приложи сердце твоё к научению моему, понеже украсит тебя...»

Для родителей и учителей Иван Фёдоров, подумав, собственноручно написал: «К вам же отцы и учителя глаголет...» Устами Павла из Книги притчей сове-

тует им сочетать в обучении строгость и ласку: «Отцы, не раздражайте чад своих, но воспитывайте их в наказании... в милости, в благоразумии, в смиренномудрии, в кротости, в долготерпении, приемлющее друг друга прощение дарующее».

Чтобы детишки лучше понимали сказанное, он впервые в разделе для чтения ввёл тексты не только на старославянском, но и на близком к разговорному украинском языке.

А ещё привёл Молитву Манасии из Библии, в которой тот сожалеет, что в тяжёлую годину отступился от веры своего народа. Пусть детки сызмальства впитывают простые, столь нужные для жизни истины, пекутся не только о себе и своих ближних, а об окружающих людях, были бы вместе со всем народом даже в самые трудные времена. 10

Завершить Азбуку Иван Фёдоров решил азбучным акростихом, каждая строчка в котором начинается с букв в алфавитном порядке:

- А. Аз есмь всему миру свет.
- Б. Бог есть прежде всех век.
- В. Вижу всю тайну человеческую!11

⁹ Это обстоятельство дает основание говорить об использовании в методической системе Ивана Фёдорова «чтения наизусть», то есть чтение предварительно заученных текстов.

¹⁰ В этом случае Иван Фёдоров выступает не только как составитель Азбуки, но и как «провозвестник гуманистической педагогики», фактически основателем первой гуманистической программы отечественного начального образования.

¹¹ По существу, такой азбучный акростих – первый способ построения и использования в обучении первоначальному чтению так называемых адаптированных текстов – приспособленных, с одной стороны, к возможностям школьников, с другой стороны, к потребностям самого обучения чтению.

глака х лькок. к поисках денег

К один из январских дней одна тысяча пятьсот семьдесят третьего года из ратуши Львова, с досадой толкнув тяжёлую, с узорчатым орнаментом дверь, вышел человек. Был он в том достопочтенном возрасте, когда морщины уже не кажутся предательскими, а давно знают своё место на лице, дружат с дрябловатыми тёмными кругами под глазами и заострившимися крыльями носа. Но если у других, перешагнувших шестидесятилетний рубеж, к таким признакам обычно добавляется пораженческая вялость, признак затухающего интереса к жизни, то у Ивана Фёдорова, друкаря из Москвы, а это был он, такого не наблюдалось.

Некая тяжесть, сильная утомленность – всё это обволакивало его высокую прямую фигуру, селилось в каждой клеточке. Но вот вялости, желания уйти от житейских забот, предаться ничегонеделанью, о чём многие мечтают в таком возрасте, – этого нет и в помине. Взгляд его, как и двадцать, тридцать лет назад, пытливо устремлен вдаль. Суровые складки лица, плотно сжатые губы подчеркивали значимость каждого слова.

Ну, а руки – жилистые, с застарелыми несходящими мозолями, следами въевшейся металлической пыли, краснеющие из обтертых обшлагов некогда добротного, с меховой оторочкой кожуха, – руки словно не имели никакого дела ни до возрастных седин, ни до морщин, ни до строгой бороды, а жили своей привычной трудовой жизнью.

Казались, они не понимали: как это – без работы? – не простой, что может делать любой, мало-маль-

ски искушенный в своём деле ремесленник – столяр ли, ткач, портной, – другое им назначенье выпало. Чтобы изготовить подвижные литеры, вырезать в твердом металле углубления, залить расплавленным оловом, каждую полученную буквицу зачистить, обработать, особое уменье надобно. Чтобы не было ни шероховатости, ни заусеницы, теснились они дружным рядком, ровнехонько принимая на себя краску и мерным слоем перенося на бумагу.

А сколько ещё приходится вырезать из дерева заставок, концовок, другой оформительской красоты! И как тут не обжечься, когда льется расплавленный металл, как не порезаться, когда режешь, шлифуешь, как не загрубеть рукам, когда неустанно таскают кипы бумаги, варят краску, без конца строгают, пилят – и всё для того, чтобы вышло диво дивное, имя которому – Книга.

Эти руки сейчас беспомощно теребят, мнут объемную меховую шапку стоящего в растерянности на каменных ступеньках ратуши хозяина: «Что же ты стоишь, друкарь? Али забыл своё назначение? А коль не забыл, то почему всё так выходит? Почему?»

Иван Фёдоров насуплен и мрачен. И небо, мрачное и суровое, так и давит, так и давит... Никакого просвета...

Закрутил, понёсся по площади леденящий ветер, захватил колючего снега, швырнул в лицо печатнику.

Так тебе, так! А что ты хотел? Думал, встретят с распростертыми объятиями: делай, Иван, что тебе заблагорассудится, печатай свои книжицы...

Каменные львы по обеим сторонам у входа в ратушу дыбятся косматыми гривами, щерят громадные пасти, скалятся острыми клыками: не смей идти супротив, не смей!

Богатый преименитый Львов... Город больших свобод и возможностей, много лет назад наделенный

магдебургским правом самоуправления. Здесь даже водопровод для жителей проведен как в великом Риме. Но такой ли уж вольный этот Львов?

Иван Фёдоров сильнее стиснул шапку в руке.

Магдебургское право...

Только что на городском совете этим словом ему беспрестанно тыкали в лицо, прикрывались немецким правом как щитом.

– Не можно... – коверкая на иноземный манер русские слова, разводил руками старшина цеха столяров – с толстой красной шеей, с болтающимся на широкой груди золотым крестом. – Не можно...

Председатель совета, поблескивая золочеными очками, постукивал карандишиком по дубовому столу, кивал в такт сухой головой. Пожимая плечами, вежливо улыбался:

– Да, да... Магдебургское право! О-о-о!

Стул трещал под Иваном Фёдоровым. Ему, грамотному человеку, знаюшему польский, украинский, греческий, латинский языки, обычаи и законы разных стран, забивают голову магдебурским правом. Хороша уловка!

А дело-то выеденного яйца не стоит. Ему нужен всего-навсего... столяр. Обыкновенный... ну, пусть, не совсем рядовой, а помастеровитее, толковый, в общем, столяр. Чтобы печатный станок сделать, кассы для литер, шкафы разные, столы, стулья. Что тут особенного? Выполнил работу – получай деньги, всё как положено.

И тут наткнулся на непонятную стену. Оказалось, не может он нанять столяра, и всё тут. Все они приписаны к своим цехам, подчиняются строгим правилам и не имеют права выполнять на стороне никакую работу.

Обратился Иван Фёдоров в один цех – получил отказ, другой, третий – то же самое. Упираются столяры, ни в какую. Что за чертовщина?.

Пришлось обратиться в городской совет, чтобы разрешить спор

– Почему я не могу нанять столяра?

Фёдоров недоуменно смотрит на председателя совета, переводит взгляд на старшину столярного цеха. Тот, широко расставив ноги, скрестил на груди волосатые руки. На устах играет снисходительная улыбка.

- Вам что, деньги не нужны?
- 0-xo-xo-xo...

Мощное тело мастера заходило ходуном. Старшина крутнул кверху длинный ус.

- - Так в чём же дело?
 - Не можно. Магдебурское право...
- Но помилуйте! вскочив со стула, распростер руки навстречу председателю городского совета Иван Фёдоров, как мне быть? Я никак не могу начать работу.
 - Такой закон...
- Но ведь я не абы какой товар делаю книги! Смотрите!

Щелкнув металлическими застежками, Иван Фёдоров раскрыл толстую, с красочным тиснением отпечатанную в Москве книгу «Апостол».

– Посмотрите, какой шрифт, какие заставки! Одно ваше слово – и во Львове заработает друкарня. Выйдут десятки, сотни, тысячи книг. Давайте совершим доброе дело, люди нам спасибо скажут. Ведь книга – это свет, это – разум, это... Это – всё! – вдохновенно выпалил Иван Фёдоров.

Казалось, после такой риторики и думать нечего. Это ж какая польза! Город, в котором давно уже применяется магдебургское право, просто не может отказаться от такого выгодного предложения.

Председатель совета осторожно, берясь только кончиками пальцев, стал листать страницы.

- 0-0-0...

Поправил очки, словно желал убедиться, что зрение его не обманывает. Конечно же, он знаком с печатными книгами. Но представить, что такая же, точь в точь, может быть изготовлена этим горячившимся русским мастером – в это трудно было поверить.

Он искоса посмотрел на печатника. С виду вроде обычный ремесленник. Но есть в нем что-то такое-эдакое... Вон как горят глаза, огонь прямо-таки сверкает. И не подумаешь, что ему уже за шестьдесят. Что же делать, что делать?

Члены совета тоже тянули шеи, переводя взгляды то на книгу, то на друкаря. Никогда они ещё не рассматривали подобные вопросы. Были споры и тяжбы, связанные с конкуренцией, неуплатой налогов, нарушением других цеховых правил. Но вот такое... Здесь надо осторожно. Вон как недовольно крутит шеей старшина цеха... А за цеховиками – сила, влияние. Кто знает, чем всё может обернуться.

- Э-э-э... снова поправил очки председатель совета. Гм... Значит, столяр тебе нужен?
 - Да, ваша честь, и больше ничего.
- Не дадим! вскинулся, встал горой между председателем и печатником цеховой мастер. Мы законы соблюдаем. Магдебургское право не для того писано, чтобы из-за какой-то дрянной книжицы его нарушать.
- Но-но! схватил цеховика за грудки Иван Фёдоров так, что одежда на нем затрещала. Как ты смеешь? Это же святое писание!
- Ересь! освободившись от рук Фёдорова, смачно сплюнул тот на пол. Самая настоящая! Друкаря не зря из Московии выгнали! обращаясь к членам сове-

та, потряс кулаком старшина. – Там воду мутил, и тут за своё принялся. Не выйдет!

У Ивана Фёдорова потемнело в глазах. Опять ему ересь приписывают, опять всё хотят низвести до происков нечистой силы, понапраслину возводят. Вот и сюда уже худые слухи о его печатне как о бесовском занятии дошли. Что-то теперь будет?

...Спустя полчаса было оглашено решение городского совета: в предоставлении столяра друкарю из Москвы – отказать.

– Да что же это такое? – выслушав несправедливое решение, хлопнул шапкой об пол Иван Фёдоров. – Я напишу в Краков... Там тоже магдебургское право, но такого нет.

Злой, мокрый от переполнявшего возбуждения, он зашагал на выход, стараясь побыстрее вырваться на свежий воздух.

Да, надо писать в Краков, ехать, делать всё, чтобы быстрее запустить станок.

Словно услышав его мысли, шедший рядом старшина столярного цеха криво ухмыльнулся:

- Ничого у тэбэ не выйде... Ха-ха-ха...
- Выйдет! рубанул Иван Фёдоров. Выйдет! Он отвернулся и зашагал ещё быстрее, размаши-

стее.

– Тю... Скаженный... – покрутил пальцем у виска старшина цеха.

Присланный тридцать первого января тысяча пятьсот семьдесят третьего года ответ из Кракова знатных типографов Зибенайхера и Пренжина гласил, что «в их городе книгопечатники не держат в своих домах подмастерий столярного мастерства».

Вроде бы на этом можно ставить точку. Но Ивану Фёдорову пришлось ещё немало выдержать проволочек, прежде чем городской совет принял окончательное

решение в его пользу: «стараясь отнестись к пришельцу с необходимым вниманием и заботясь о том, чтобы он, не закончив начатой им работы, не имел по той причине какого-либо убытка».

В то же время, чтобы «одновременно не нарушить ни в чём прав и привилегий столяров этого города и их цеха», Ивану Фёдорову было предоставлено право самому подыскать для себя столяра с обязательной припиской к какому-нибудь цеху.

Наконец можно взяться за сооружение друкарни.

Но нужны деньги, много денег – на постройку печатного стана, бумагу, краску. Где их взять? Раньше Ивану Фёдорову не приходилось об этом думать. В Москве государевы люди об этом заботились, в Литве гетман Ходкевич выделял собственные средства, Ивану Фёдорову приходилось только печатать книги. Здесь же всё свалилось на него одного. Как быть?

Поразмыслив, он решил обратиться к богатым людям Львова, убедить их в пользе печати книг. Не может быть, чтобы отказали.

Развалясь в кресле, Константин Корнякт, знатный львовский купец, перелистывая толстыми пальцами в многочисленных перстнях страницы, не столько книгу, как предлагаемый ему товар, оценивал, сколько пристально – от самых пят до макушки – изучал самого просителя.

Небедная, но изрядно потрепанная одежонка. Стоптанные, хотя и начищенные сапоги. Усталый вид. Изрядная седина.

Сколько разного рода просителей он перевидал на своём веку! Знают, что у него денег без счёта, вот и прутся без всякого стеснения: дай, дай! Будто они не нужны ему, раздает налево направо. Ошибаетесь, голубчики! Хотите на чужом горбу в рай вьехать? За счёт

его, Корнякта, деньгу зашибить? А вы потопайте, как я, попашите, утритесь слёзами не раз и не два, истерпите обиды, познайте в полной мере, как копейка зарабатывается.

Ему в своё время пришлось и тюки на горбу таскать, и приказчиком за стойкой день деньской стоять, пока потихоньку-полегоньку небольшой капиталец для своего дела ни сколотил. И только когда стал торговать большими партиями тканей, смог вздохнуть свободно. Недавно не кому-нибудь, а именно ему, богатейшему и влиятельнейшему жителю Львова, городской совет поручил построить грандиозную башню-колокольню и для обороны, и для украшения Львова. Хороший подряд, выгодный. Одновременно дворец для себя, любимого, заложил – не абы какой, что строит всякая мелюзга, а в стиле итальянского Ренессанса. Чтобы все смотрели и завидовали: это – дворец самого Корнякта!

Ах, да... Что же всё-таки с этим пришельцем делать...

Глядя на обилие золотой и серебряной посуды на поставцах, развешанное на стенах инкрустированное дорогими каменьями оружие, мебель из дорогого дерева высочайшей отделки, Иван Фёдоров не сомневался, что в поисках денег пришёл по адресу.

Но что-то купец всё хмурит и хмурит брови...

- И сколько ты просишь на свою друкарню?
- Семьсот злотых.
- Что? Семьсот злотых? подскочил в кресле хозяин. Да ты хоть представляешь, что это за деньги? На них можно целое стадо коров купить. Так то коро-о-вы! Мясо, молоко, прямая выгода! А что с твоих книг взять?
- Такие книги, как «Апостол», можно по десять злотых за штуку продать. Пятьсот книг это пять

тысяч. Друкарни во Львове нет, так что спрос будет, я уверен.

– Ишь ты... – несколько сбавил тон Константин, уже несколько иначе оценивая печатника. – Он уверен...

С одной стороны, как истинный купец, имеющий нюх на деньги и держащий нос по ветру, он чувствовал: что-то привлекательное в печати книг есть. С другой стороны, вбухать в незнакомое дело такую громадную сумму – запросто можно в проигрыше оказаться. А проигрывать он не любил.

Да и где это видано, чтобы пришлый человек, не имея ни друзей, ни чьей-то мало-мальской поддержки, на какое-то непонятное печатное дело аж семьсот злотых просил!

- A на какой срок? Когда отдашь? впился взглядом в Ивана Фёдорова купец.
 - На какой срок? Ну, может, на год...
 - Может... Гм...
- Чем собираешься рассчитаться? Кто за тебя может поручиться? стал забрасывать Ивана Фёдорова всё новыми и новыми вопросами.
- Книгами рассчитаюсь. Сначала «Апостол» напечатаю, потом «Азбуку» для младенческого наученья. Дело выгодное, вполне себя окупит. К тому же для людей это благо будет, ведь многие не умеют ни читать, ни писать.

Купец замер.

Ого, куда этот друкарь клонит... Чтобы голытьба учёной стала, уму разуму набралась? И что дальше? Да где это видано... Правильно польские паны говорят: «нужно пристально следить за тем, чтобы мужицкие дети привыкали не к книгам, а к плугу, ралу, цепу!»

– O-хо-хо... Я бы с удовольствием, с удовольствием, – откинулся в кресле Константин Корнякт. – Но у

меня стройка... В долгах как в шелках... Семьсот злотых... – закатил он глаза. – Семьсот злотых! О-хо-хо... Всё! Ступай... Ступай!

Преименитый град Львов... Богатый. Только для кого?

Иван Фёдоров, понуро опустив голову, брёл по мощённым крепким булыжником улицам сквозь толкотню пестрого народа, слыша неумолчный, на разных языках, говор. Мимо него вихрем неслись казаки в больших шапках-кучмах, чинно топали укутанные в белые чалмы так, что один нос был виден, турки, поспешали по своим делам венгры в малых магериках. Своих, русских, он сразу узнавал по залихватскому виду и белых, выделяющих их в толпе, шапкам. Все они больше селились во Львове на «Русской улице». Так и хотелось подойти к каждому и сказать: здравствуй, брат, каково тебе здесь? Да?.. Хорошо, я рад... А мне вот худо, очень худо... Где деньги на печатное дело взять?

Между тем деньги – звонкие, великого достоинства и в большом количестве слышались, виделись Ивану Фёдорову повсюду – в весёлом перестуке молотков, визге пил, грохоте проносившихся мимо груженых подвод, лязге кровельного железа. Ему казалось, что горожане ничем другим не заняты, кроме как строительством. Леса и подмостки здесь высились на каждом шагу. Росли высокие каменные дома, возводились крепкие лавки, приводились в порядок многочисленные храмы и костелы.

Да и нужда в том была немалая: незадолго до его приезда Львов сильно пострадал от пожара. Ещё то тут, то там виднелись обгорелые останки домов, другие следы разрушений. На той же Русской улице Иван Фёдоров насчитал немало пугающих своим обугленным

чёрным видом пепелищ. Но город восстанавливался бойко, проворно, с присущей здешним людям деловой хваткой. И о красоте не забывали.

Проходя мимо ратуши с красивой желто-зелёной кровлей, Иван Фёдоров залюбовался установленными недавно большими круглыми часами. Ради такой красоты во Львов пригласили известного в своём деле часового мастера Мельхиора Тила из Силезии. И вот теперь каждый час на площади бой часов извещает о новом времени.

Молодцы львовчане, заботятся о своём благе. Но думаете ли вы о духовном, люди? Человеку не только хлеб потребен, но и иная пища.

Ах, после, говорите, когда отстроитесь? Нет, я не согласен, такие дела нельзя откладывать на потом.

Рядом гулко, протяжно, словно подтверждая его мысли, ударил колокол. Иван Фёдоров остановился, прислушался.

А-а-а, в часовне Трёх Святителей затрезвонили... Добро, добро...

Недавно построенная по проекту архитектора Петра Красовского, часовня Трёх Святителей – стройная, изящная, стала настоящим украшением города. А ещё новую, взамен обветшавшей Успенской церкви православные вознамерились возвести. Так что есть деньги у епархии, есть!

А что, если к самому епископу Гедеону Балабану обратиться? На Западной Украине, как и в Литве, жмут, давят, стремясь навязать свою веру, католики. Его «Апостол» способствовал бы укреплению православия. А составленная им «Азбука» пригодилась бы для обучения детишек в школах.

Весь затянутый в чёрное, высокий, сухой, епископ Гедеон Балабан слушал пришедшего к нему на

поклон Ивана Фёдорова молча, ни жестом, ни звуком не выдавая свои мысли.

- Вы посмотрите, какая книга, посмотрите, горячился печатник, протягивая ему «Апостол». Одно ваше слово и в храмах Львова появится много таких книг, слово Божье зазвучит с новой силой.
- Книга хорошая... после некоторого молчания скупо молвил епископ. Сам печатал?
 - Сам, ваше преосвященство, своими руками.
 - Ишь ты...
- Я спрашивал в храмах, священники в один голос говорят, что книг для богослужения мало, очень мало, выдвигал, казалось, неоспоримые доводы Иван Фёдоров.

Гедеон Балабан невольно покривился.

Ему не нравилось, когда без его ведома в дела православные лезут. Больно шустер этот московитин, так и напирает, так и напирает. А книга действительно хороша, такая очень нужна для богослужения. И прав русский, когда говорит о притеснениях православных верующих. Иезуиты в каждую щелку норовят пролезть, уж так втираются в доверие, ничем не гнушаются. Конечно, надо им противопоставлять истинную веру, и тут «Апостол» Ивана Фёдорова большую бы принёс пользу. Но...

- А ещё я Азбуку хочу напечатать...
- Какую ещё Азбуку? Зачем?
- Как зачем? вскинул брови Иван Фёдоров? Для школ, для детишек. Ведь, кроме Часослова и Псалтыря, во львовских школах не по чем грамоте учить. И Азбука была бы в самый раз. Я сам составил, всё продумал, осталось только напечатать. Как вы на это смотрите, ваше преосвященство?

– Гм...

Всё он продумал... Прав, конечно, московитин, насчёт своей Азбуки. И как это он её составил? Каким

образом? Впрочем, о чём толковать? Не до «Апостола» и Азбуки ему сейчас, есть дела поважнее.

Гедеон Балабан закряхтел, щелки глаз сузились, лицо стало жестким и непримиримым. Мысли его путались.

«Ну, выделю я деньги на печать книг, а кому лавры достанутся, кому честь и почет будет? Мне? Как сказать... Сегодня епископ я, а завтра это место может другой занять, такое вполне возможно. Главный претендент на эту должность Иван Лопатко-Осталовский так и лезет, так и бъётся, на всё идёт. Досадно, что часть верующих поддерживает, видит его епископом. Но и за меня немало стоят. Кто кого перевесит, вот задача... И до книг ли сейчас?»

- Мы после пожара храмы новые строим, видел, небось?
 - А как же, конечно. Красивые храмы.
- Вот-вот. А на это много денег надо, ох, как много...
- Да уж. Но что же делать? О духовной пище тоже нельзя забывать.
- Никто и не забывает! недовольный поучительством печатника, сверкнул сердитым взором в сторону Ивана Фёдорова епископ. Будем печатать. Но позже, когда отстроимся. Позже!
- А что, вскинулся Иван Фёдоров, если в церквях объявить сбор на печатню? На благое дело! Прошу вашего разрешения, святейшество, низко поклонился епископу.
 - Ну... Разве что... Я подумаю...

Несмотря на то, что епископ Гедеон Балабан в церквях «всем вслух поведати повелел», сборы не принесли желаемого результата.

«И обтецах (обходил) многащибогатых и благородных в мирке, помощи прося от них и метания со-

творяя, коленом касаяся и припадая на лицы земном, сердечно каплющими слезами моими ноги их омывах, и сие не единою, ни дващи, но и многащи, сотворях... не испросих умиленными глаголы, ни умолих многослезным рыданием... и плакахся прегоркими слезами, еже не обретох милующего, ниже помогающего, не точию же в русском народе, но ниже в греках милости обретох...» – писал потом Иван Фёдоров о своих мытарствах в поиске денег для печати книг у богатых Львова.

Впору было, содрогаясь, залиться горючими слёзами – от бессилия, беспомощности и горькой жалости к себе – человечишке, дерзнувшему в одиночку одолеть печатное дело. Всё равно что букашка вознамерилась встащить в гору громадный воз, но даже с места его не сдвинула. Не по Сеньке шапка... И с чего он взял, что сможет станок смастерить, достать бумагу, краску, олово, всё, что нужно для печати наладить? Думал, коль литеры готовые, доски резные, московские, есть, всё остальное приложится? Как говорят хохлы, дуля тебе с маком...

И в который уже раз – щемящей, глубоко сидящей внутри и невыветривающейся болью накатило о незабвенных днях на московском Печатном дворе. Вспомнилось, как они с Мстиславецем и Невежей варили на Печатном дворе краску, как хохотали, глядя на свои чумазые, точно у чертей, лица, как усталые, но радостные, летели после работы домой.

Как вы сейчас живёте, мои други? Ведал, что Мстиславец печатает книги у купцев Мамоновичей, Невежа на Печатном дворе в Москве заправляет. А у него всё никак с места не сдвинется...

Так рассуждал Иван Фёдоров, разбирая в своей комнате за столом готовые уже записи Азбуки. Многократно перепроверенные, несколько раз переписанные

набело, они казались ему теперь ненужными, бесполезными.

Что толку, если всё это лежит мертвым грузом? Спалить, что ли? – сверкнула чёрная мысль. Вот так, взять, сгрести все эти листы, да и в печку, пусть горят синим пламенем...

За дверью послушался шум.

«Наверное, постояльцы дома с работы пришли.» Кто чем здесь занимается: кто часы ремонтирует, кто водопроводы в дома проводит, кто бочки клепает, мастера есть на все руки. Все шумные, горластые, появляются – сразу хохот, смех, дым коромыслом. Рассказывают о своих делах, о прижимистых заказчиках и бестолковых подмастерьях, о доходах и тратах, ничего не тая друг перед другом. Смалят цыгарки, а то и по чарке-другой иной раз опрокинут, балагурят до самой поздней ночи, а утром подхватываются ни свет ни заря, разбегаются по своим рабочим местам, трудятся не покладая рук.

Он же только лодыря гоняет... День-деньской ходит, кланяется богатым, а всё без толку. Нет, зря переселился на «Кулганкивскую каменицу», в дом бондаря Адама Торека. Прикинул, что для его друкарни тут будет просторно, в самый раз, да не рассчитал. Жил бы по-прежнему у Семёна Седляра, где нашёл первое время приют, никто его не гнал.

Семён Каленикович, проще Седляр, настолько хорошие седла мастерил – и небогатые, и с дорогой отделкой, что изделия его шли нарасхват. Говорят, даже корове мог такое седло сшить, что та гоголем пойдёт – во какой мастер! Да и деньгу зашибить умел Семён, сплавляя седла с наибольшей выгодой, так что звонкая монета у него всегда водилась.

Кудлатый, широкий в плечах и поясе, с большущими руками и добрым мягким голосом, он, лет на десять моложе Ивана Фёдорова, стал ему ближе брата родного. Семён Седляр жил не только делом. Он много читал, знал, ему было интересно общаться со многими умными людьми. Хваткого, толкового, неплохо разбирающегося в вопросах религии, его весьма уважали.

Иван Фёдоров давно уже не виделся с Семёном Седляром.

Где он сейчас, чем занимается, только и подумал, как в дверь просунулась лохматая, с редкой проседью, голова. Та самая, его величества Семёна Седляра! Вот так на!

- Ты что тут прижух, Иван? Глаз ко мне совсем не кажешь. Загордился? Ага! Вон в каком большом доме теперь живешь! Конечно... протиснулась в дверь широкая фигура Седляра.
- Какое там... махнул рукой Иван Фёдоров. Э-э-э-х...
- Да уж знаю, знаю про твои похождения, загрохотал, наполняя всю комнату громадой своего тела Семён. Не туда ты сунулся, брат.
 - Как так?
- A вот так! Не проси у богатых, а проси у тороватых...
 - То есть...
 - Гей! свистнул Седляр, залетай, братва!

Дверь распахнулась, и в комнату, громко стуча сапогами, ввалилась честная компания постояльцев. Дыша чесночно-табачным духом, они гоготали так, что, кажется, стены заходили ходуном. У одних – лица обветренные, задубелые, красные, с беспорядочно спутанными волосами. Другие – бледнолицые, тонкорукие, задумчивые, привыкшие смотреть в одну точку. Рослые и низкие, справные и худобные, громкоголосые и тихие, все они горели одним огнём – Работой!

Которую порой клянут за многотрудность и закабалённость, чертыхаются на разные лады и готовы послать её к чёрту. Иные, дабы сбросить с себя на какое-то время тяжкий груз, уходят даже в запой, страдают и мучаются. И всё же, очнувшись, словно от долгой спячки, набрасываются после на Работу как хищные звери на добычу. Ибо без этой самой Работы они жить не могут, не видят смысла. Для них, истинных Мастеров своего дела, Работа – это всё! Отними у них Работу – и они зачахнут, пропадут напрочь как ничтожное существо. Именно в Работе черпают они Радость и Вдохновение, как с любимой подругой готовы идти с ней по жизни до самой смерти.

Не деньги, не зарабаток для таких людей главное. Когда, завершив дело, любуется Мастер своим творением, у него душа поёт! Вот это и есть богатство настоящего труженика!

Много таких людей встречал Иван Фёдоров на своём пути. Он их хорошо понимал, и они понимали его. Как бы ни было трудно, становилось легче от того, что ему всегда готовы прийти на помощь. Вот и здесь, во Львове, он почувствал такое же дружеское дыхание.

Казались, его друзья ещё не отошли от работы, они дышали, жили ею – разгорячённые, потные, сверкающие огнём глаз, протягивающие к нему руки. Руки разные – грубые, мозолистые, которые что-то клепают, стругают, таскают, грузят, копают. И руки белые, нежные, словно избалованные, но столь же умелые, тонкие и чуткие, что нужны золотых дел мастеру, часовщику ли, книжнику. Ах, как ему близко! Ведь сам он из тех, кто делает всё своими руками – и изящную, и грубую работу, ничего не чурается. В своё время в Москве бегал на литейный двор, у самого Чохова учился металл лить, от Максима Грека и Макария, других великих мужей учёности набирался. Думал, пригодится.

До какого-то времени так оно и было. А вот теперь всё идёт прахом...

- Иван! Ты туточки?
- Да вин высох як щепка... А был такой справный...
- Ваня, шо у тебя случилось? Выкладывай начистоту!
- Да что вы, братцы? растерялся от неожиданного нашествия Иван Фёдоров. Проходьте, проходьте!

Тут же стал поспешно сгребать со стола исписанные листы.

- Да ты у нас писарь!
- Ого, сколько...
- А шо це такэ?
- Азбука, по которой детей можно грамоте учить.
- А ну-ка...

Сразу несколько рук потянулись к листам, расхватали их.

- Ого-о-о!
- Да тут целая наука!
- У наших диток такого нима...

Иван Фёдоров не стал вдаваться в подробности, сколько книг ему пришлось перечитать и русских, и латинянских, сколько голову ломал, чтобы создать стройную систему обучения. Но всем и так было понятно: работа проделана большая!

- И ты напечатаешь такую Азбуку? спросил чей-то голос.
 - Ну да...
 - А мне продашь?
 - И мне!
 - И мне!
- A о школе нашего братства забыли? Нам много туда Азбук трэба.

Иван Фёдоров смущённо опустил голову.

- Да я не против... Конечно же... Вот только...
- Некоторое время в комнате стояла тишина.
- Хлопцы! вдруг взлетел чей-то голос. Ну шо вы ля-ля разводите? А то забыли, зачем мы к нему пришли?
 - Точно!
 - Иван, мы ж тебе гроши принесли!
- Постойте, постойте! Какие гроши? вскинулся Иван Фёдоров. Зачем? Я никому ничего не должен!
 - Xa-xa-xa!
 - 0-го-го...
 - Он не должен... Зато мы должны!

Иван Фёдоров переводил взгляд с одного на другого, ничего не понимая.

- И вы мне ничего не должны...
- Слухай сюда! подался вперёд Семён Седляр. Мы тут решили скинуться на твою друкарню, каждый даст, сколько может.
 - Да вы что? Не надо...
- Так! грохнул застрельщик честной компании. Не спорячайся! Знаешь закон: бьют беги, дают бери!

Скинув с головы шапку, он с размаху ударил ею о пол.

- Ну, давайте мужики! Как договаривались! Кто сколько сможет.

Все засуетились, полезли по карманам да за пазухи. Шапка стала наполняться мятыми бумажками, зазвякали золотые монеты.

Поняв что поток хлынувших денег не остановить, Иван Фёдоров вскочил со стула, растопырил над шапкой руки.

- Нет, нет, братцы, так дело не пойдёт!
- Почему?
- А як надо?

Усевшись за стол, печатник подвинул к себе лист бумаги.

- Я запишу, сколько кому буду должен. Всем отдам! Верите?
 - Издеваешься?
 - Ну, тогда пишу.

Скрипело перо. Список быстро рос.

Бондарь Мартин Страх, записывал Иван Фёдоров, – 65 злотых.

Портной Матвей Осмольский – 30 злотых.

Золотых дел мастер венгр Павло – 120 злотых.

Водопроводчик Юрий - 86 злотых.

Органист Адам - 33 злотых.

Часовщик Симон - 42 злотых.

Шорники Станислав и Альберт – по 65 злотых.

Хозяин дома бондарь Адам – 75 злотых.

Молва о том, что честной народ скидывается на друкарню московитину Ивану Фёдорову, быстро разлетелась по всему Львову. И потянулись к старому дому в начале Краковской улицы, что между площадью Рынок и Армянской улицей, ремесленники и мещане, мелкие торговцы, все, кто счёл своим долгом помочь печатнику. Не осталась в стороне и ставшие ему потом добрыми помощниками некоторые священники. Так, монах Онуфриевского монастыря отец Мин положил около сотни злотых. Увлеченный книгопечатанием, он постигал сие ремесло у Ивана Фёдорова. Впоследствии, после ухода печатника из жизни, именно Мин стал управителем братской типографии, выкупленной у ростовщиков заложенного типографского имущества Ивана Фёдорова.

Добрую поддержку в создании друкарни оказал отец Леонтий, служитель церкви святого Онуфрия. Будучи хранителем монастырской казны, он имел

возможность использовать её на необходимые нужды: «сам брал чинши от домов монастырских и от садов всяких и от виноградников и от лугов монастырских». Оказав первоначальную помощь, отец Леонтий поддерживал печатника и в дальнейшем. Так, в начале восьмидесятых годов он под залог сорока экземпляров «Апостола» предоставил Ивану Фёдорову ссуду в размере 80 злотых.

Особую роль в становлении первой типографии во Львове сыграл Семён Калиникович, то бишь Седляр. Как свидетельствуют документы, в 1573 году он ссудил Ивану Фёдорову для печатного дела аж семьсот злотых, весьма колоссальную сумму. Седляр, как человек весьма порядочный и ратущий за развитие просвещения, не спешил брать с печатника долг, дал ему возможность работать, не думая о материальном положении. Только после смерти Семёна Седляра за взыскание остатков долга принялся его сын Санько.

В послесловии напечатанного в 1574 году «Апостола» Иван Фёдоров выразит благодарность всем «неславным в мире», – не столь богатым, но щедрым душой, в том числе и «мали нецыи в иерейском чину обретошася», то есть простым священникам.

глава XI Встреча с незунтом

Однажды днем в «Кулганковской каменице», так во Львове называли большой, обветшавший со временем каменный дом, который держал бондарь Адам Торек, явился скромный на вид человек в чёрной опрятной одежде. Он вошёл к Ивану Фёдорову так тихо и незаметно, словно из-под земли вырос.

- Здравствуйте вам, сладко улыбнувщись, почтительно приподнял гость шляпу. Как поживаете?
 - Ничего, спасибо...

Человек покрутил головой по сторонам. Увидев в комнате стопки книг, подошёл, потрогал кончиками пальцев корешки. Удовлетворительно поцокал языком:

- O-о-о, сколько... И на разных языках... А на польском есть?
 - Нет.
 - Ай, яй, яй... почему-то закручинился пришелец. Иван Фёдоров пожал плечами.
 - Говорят, вы книги собираетесь печатать?
 - Собираюсь...
 - А какие, можно полюбопытствовать?

Что-то сразу не понравилось ему в этом чёрном человечке – и то, как тихо, незаметно он появился, как вкрадчиво, напуская таинственность и недоговоренность, произносит слова. Да и весь его вид, несмотря на приличную одежду, внушал недоверие и настороженность.

- «Апостол» думаю напечатать.
- Хорошо, хорошо... улыбнулся в очередной раз человечек.

- A вообще-то что вам нужно? несколько грубовато, так, что сам не ожидал от себя, бросил Иван Фёдоров.
- Мне? доверительно произнёс гость, мне-то ничего не нужно. А вот вам, поднял он вверх палец, бо-о-ольшая может быть польза!
- Интересно... хмыкнул печатник, и какая же? Его стала уже раздражать эта игра в кошки-мышки, захотелось разом всё разрешить да и проводить незваного гостя.
 - Можно присесть?

Человек, видимо, настроен был на долгую беседу. Усевшись на предложенный табурет, пришелец повёл разговор уже в другом русле.

– В Польше ценят мастеровитых типографов, оказывают им поддержку...

Приняв молчание Ивана Фёдорова как некий заинтересованный знак, чёрный человек стал пространственно рассказывать, сколь много доходов и самых разнообразных льгот получают польские типографы. Привёл в пример процветающего Шарфенберга, типографа королевской канцелярии, который имеет богатые заказы и к которому деньги прямо-таки рекой текут. За великие заслуги городские власти даже освободили его от подсудности, предоставили много разных привилегий.

Затем чернец стал на разные лады расхваливать самого Ивана Фёдорова. Мол, слава о нем уже и до Польши дошла, все знают, какие красивые книги он печатает. И вместе с тем озабочены, очень озабочены...

- Чем же озабочены? не мог понять Иван Фёдоров.
- Ну, как же ... С вашими талантами, с вашими способностями... Ну разве это дело кланяться, просить на друкарню деньги? Да стоит вам только захотеть самый лучший станок, самое лучшее помещение, бумагу, работников, всё предоставят, печатайте на здоровье.

- И что же я должен печатать?
- Ах, в Польше, Западной Украине так не хватает благословенных книг... За них бы вы столько выручили... Кстати, мне сказали, что вы являетесь шляхтичем Литвы, а после соединения с Польшей значит и польским шляхтичем.
 - Да, мне было даровано такое право.
- «И какого чёрта... Вот уж не думал, чем это всё обернется... В своё время гетман Ходкевич уговорил принять дворянство, мол, это может быть полезным при создании печатного дела в Литве. Вместе со званием он получил право присутствовать, быть избранным на великие сеймы и сеймики и даже заимел дворянский герб. Но ни на какие сеймы он не ходил, зачем ему это?»
- Между прочим, звание польского дворянина ко многому обязывает, поднял вверх указательный палец человечек. Своими трудами и устремлениями надо подтверждать верность служению польскому королю, великой Польше!
- Насколько мне известно, подтверждать звание шляхтича нет необходимости, это право дано пожизненно, отрезал печатник.
- Ну... Есть ещё понятие чести, долга... Истинный шляхтич печётся о Польше, всё делает для её процветания. И вы бы могли немало пользы принести, да и самому оказаться в выигрыше, печатая книги на русском языке... как бы это сказать... другой направленности.. Всё пойдёт на благо людям, на их духовное развитие, во имя Бога.

«Ага... Вот к чему он клонит...»

- Значит, вы хотите, чтобы я печатал книги на русском языке, но для католической веры?
- Ну, что значит «хотите»? Это ваше право, ваш выбор, никто неволить не может. Всё же подумайте о звании шляхтича, о себе, о сыне наконец. Не всегда

же будете печатать книги. Вы в преклонном возрасте, пора уже задуматься о спокойной жизни...

Похожие слова он уже слышал. Гетман Ходкевич даже деревеньку дарил ему для безбедного существования, но он отказался от благ ради своего назначения – «духовные семена по свету рассевать». Сейчас ему предлагают, печатая книги в защиту католичества, фактически отказаться от православной веры. Предать её? Да как можно?

А человечек, несмотря на перемену в лице печатника, всё гнул свою линию.

- Подумать только! Вас, человека, который создал первую на Руси печатню, выгнали из Москвы! Ай-яй-яй... сокрушенно закачал он головой. И ни царь, ни высшие представители церкви, никто не помог. Наоборот, обвинили вас в ереси и чернокнижии. Вот она, цена благодарности! И стоит ли после этого защищать православную веру? Наша, католическая вера, куда чище, благороднее и благодарней во сто крат!
- Никто меня из Москвы не выгонял, вспыхнул Иван Фёдоров, – я сам ушёл.
- Да полноте, усмехнулся человечек, знаем, как вы «ушли». Бросьте Москву, повернитесь к Кракову. От печати книг для нашей веры вы только выиграете. Так что подумайте! Хорошенько подумайте!

Чёрный человечек, всё также сладко улыбаясь и приподняв на прощанье шляпу, спустя некоторое время ушёл, а неприятный осадок на душе Ивана Фёдорова остался.

Его хотят купить! Переманить в католическую веру за тридцать серебреников! Даже какого-то процветающего типографа Шарфенбера, бывшего жулика, в доказательство привели. Но он не телёнок, которого, поманив калачом, можно повести на верёвочке.

Не будет он служить латинянам! Никогда! У него, русского человека, есть своя, православная вера, которой он служил, будет служить, и ни за что от неё не отступится.

Ишь ты, уход из Москвы припомнили... Да так повернули, чтобы обозлить его, против Руси настроить. Что и говорить, обидно ему было, не хотелось покидать Печатный двор, родные места. Но всё равно он не станет предателем. Ни за что!

Сразу же всплыл в памяти князь Курбский...

Опасаясь расправы царя, тот переметнулся на сторону Литвы, заклятых врагов Руси. Там его осыпали наградами, почестями, дали возможность заниматься исследованием православия.

В своём имении Миляновичи Курбский собрал большую библиотеку латинских, греческих, славянских и польских книг, труды учёных мужей античной литературы. Князь хорошо разбирался и в древних славянских рукописях, и в печатных книгах. Он всегда стремился к точным, выверенным переводам на русский язык. В предисловии к переведенному им сборнику произведений писал: «разумы древнейших мужей прохождах... прочитах рассмотрях физические (физика есть книга Аристотельская, коя в себе замыкает прирожденную або естественную философию и есть зело премудра) и обучахся и навыков еттических (также и этика, десять книг Аристотельских...)»

Да, им сделано немало в защиту русского языка и православия. Но, перебежав в стан врага, Курбский стал изменником своей страны, своего народа. И что будут говорить о нем потомки? Предатель и есть Предатель!

Он, Иван Фёдоров, не пойдёт по такому пути, какие бы золотые горы ему ни обещали. Никогда и нигде не отрекался он ни от русского происхождения, ни от

Москвы. Как печатник он вырос именно на Руси! С ним делились знаниями, давали ему ценные советы митрополит Макарий, Максим Грек, другие великие учителя. И Ивана Васильевича не может поминать лихом, язык не поворачивается. Да, весьма жесток был царь, за то Бог ему судья... Он же, Иван Фёдоров, благодарен государю за то, что дал возможность печатать благословенные книги, воплотить в жизнь свою мечту. И то, что в Литве стало развиваться печатное дело, а теперь и во Львове, где раньше друкарен не было, а скоро первая заработает – всё идёт от Москвы!

В официальных бумагах и документах он, Иван Фёдоров, давно уже пишет: «Impressor Ruthenus». А теперь и в своих книгах везде будет подписываться своим именем. Чтобы читатели нынешние, да и потомки знали, помнили, что книгу напечатал именно русский человек, Иван Фёдоров из Москвы!

Вечером, когда квартирующий народ собрался за большим столом в «Кулганковской каменице», чтобы погутарить о том о сём, переброситься добрыми шутками да вволю подымить табачком, Иван Фёдоров рассказал друзьям о необычном пришельце.

- Так цэ ж езуит! недолго думая, хлопнул себя по колену хозяин дома, полный мужчина с красным, словно обветренным, лицом и изрядным, затрясшимся от возмущения животом.
 - Иезуит?
- Точно! Я их, собак, наскрозь вижу! куснул Адам кончик своего пушистого, раздувавшегося в сторону рыжеватого уса. Ох, и пройдохи!
- O-o-o... Такие хитромудрые без мыла куда хошь влезут, озабоченно запустил руку в густую шевелюру водопроводчик Юрий.

На разные лады, перебивая друг друга, постояльцы начали вспоминать всяческие козни и увертки

иезуитов. Хотя Иван Фёдоров кое-что и слышал о происках этих проповедников католической веры, всё же многое из пролитого на свет заставило его серьёзно задуматься.

Иезуиты активизировали свою деятельность в Западной Украине после Люблинской унии, объединившей Литву с Польшей. Своими действиями они стремились навязать людям православной веры католичество и тем самым подчинить польским панам. Утверждая, что католическая вера – это единственная сила, которая поможет завоевать и удержать в покорности народы, они на первых порах не решались на открытый спор, предпочитая действовать скрытыми средствами – обманом, подкупом, втиранием в семьи влиятельных людей, особенно воздействуя на женщин как на особ наиболее эмоциональных и впечатлительных.

Ивану Фёдорову рассказали, что иные одураченные, доведённые до психопатства и умопомрачения «иезуитские девотки» готовы были ради служению новой вере идти на весьма дикие, ничем не оправданные поступки. Так, одна из владелиц поместий насильно заставляла родителей крестить своих детей у ксендзов. У тех же малюток, которых крестили по православному обычаю, приказала выжечь раскаленным железом клейма на лбу, груди и плечах.

- Да как же такое может быть? ахнул Иван Фёдоров.
- Вот так-то, брат... хмуро ковырнул ногтем стол Адам Торек.
- Иезуиты распоясались до того, что стали подстерегать православных священников на улицах, выстригать на макушке тонзуру, избивать их, в тон ему притихшим голосом сказал Юрий. Ты с ними поосторожней, друг.

- А что они у тебя пытали? поинтересовался золотых дел мастер Павло, худющий, с тонким вытянутым лицом.
- Какие книги собираюсь выпускать... Предлагали печатать на русском языке, но католической веры.
- Ну и? резко отставив кружку с пивом так, что пена плеснулась на стол, вытянулся шорник Станислав.

Все замерли, ожидая ответа. Слышен был только скрип стульев да напряженное сопенье мастерового люда.

– Да вы что, братцы? – недоуменно обвёл взглядом друзей Иван Фёдоров. – Я же русский, православной веры. Нет, ни за что!

В комнате раздался облегченный вздох. Вновь заклубились табачные дымы, застучали пивные кружки, все разом загомонили, перебивая друг друга.

- Вот это по-нашему!
- Молодец, Иван!
- Пора записать его в наше братство!

Братство! Только сейчас, после долгого мытарства на львовской земле, – унизительного выпрашивания разрешения на столярные работы, преклонения перед львовскими богачами, после сомнений и переживаний, а ещё и увещеваний со стороны хитроумных иезуитов понял он, что значат для него эти простые люди – чуть грубоватые, прокуренные, с мозолистыми руками и светлыми головами – мастера своего дела, истинные труженики.

Почему-то защипало в глазах.

Уж на что Иван Фёдоров – битый-перебитый, всякого перетерпевший на своём веку, прошедший и медные трубы, и унизительность поражения, стоек был к душещипанию, но, казалось, вот-вот выкатится и блеснет на глазах у всех нечаянная слеза.

Обшлагом кафтана он незаметно вытер глаза.

Спасибо! Спасибо, друзья, за поддержку! И денежную, и чисто человеческую.

Он готов был расцеловать всех, стиснуть до боли, задохнуться в дружеских объятиях.

Иван Фёдоров знал, что во Львове развернулась борьба простых людей против ополячивания, насильственного обращения в католическую веру. Возглавившие её Василь Теневич, Фома Бабич, Лесько Малицкий понимали, что сохранение национальной культуры и православной веры невозможно без обучения в школах русскому языку, основам традиций. Во Львове и других местах для этого стали создавать «гимназионы» и «братства».

Слышать-то об этом Иван Фёдоров слышал, а вот сейчас столкнулся с этим наяву. Оказалось, его друзья – бондари, водопроводчики, шорники, другие мастеровые и представляют это самое «братство»! Именно от них получил он сильнейшую поддержку, позволившую оснастить друкарню всем необходимым.

А что он может сделать для друзей?

– Чем я могу вам помочь? – обвёл Иван Фёдоров взглядом друзей. – Чем?

На какое-то мгновенье все затихли. По напряженным лицам Иван Фёдоров понял: о чём-то они давно уже думают, но не решаются никак сказать.

Адам Торек, приподнявшись из-за стола, навис над ним всей своей большой грузной фигурой.

- Знаешь...

Он говорил медленно, подбирая нужные слова. Остальные, слушая старшого, молчали.

– Иезуиты за наших детей принялись... Да, да, за детей... – глубоко вздохнул он широкой грудью. – В школах обучают польскому языку, насаждают свою веру. А дети легко поддаются убеждениям. Честно говоря, страшно! За наших детей, за наше будущее. Ведь язык – это вера. А как можно веру потерять?

Он остановился, задумался, потом снова продолжил:

– Богатеи не хотят грамотности наших детей, считают, что знание ведёт к непокорности. Так прямо и говорят: «Непокорны сами да и других пуще всего приохочивают к непокорности те украинцы из плебса, которые умеют читать своё письмо. Поэтому нужно обязать управителей имений пристально следить за тем, чтобы мужицкие дети привыкали не к книгам, а к плугу, ралу, цепу!»

Адам гневно потряс кулаком:

- Не выйдет!

Иван Фёдоров слушал, а у самого на душе накипало.

А ведь такое творится не только на Украине, но и в его родной Руси. Богачи хотят, чтобы простые люди жили в забитости, темноте. И будут жить, если сызмальства грамоту не познают. Но как изучить её, если книг для наученья не хватает, а здесь их вообще нет! Нужны же не сотни – тысячи! И на Руси, и на Украине, в Литве, Польше – везде! Чтобы познавали детишки русский язык, проникались православной верой.

Адам пристально посмотрел на Ивана Фёдорова и без всяких обиняков выложил:

– В школах нашего братства книг для обучения русскому языку нет никаких...

Все замерли. Что скажет Иван Фёдоров?

Все понимали: деньги ему нужны как никому другому. Тяжко жить с висевшим, словно дамоклов меч над головой, денежным долгом. Чуть прохлопал – и скатишься в долговую яму, откуда уже трудно, а порой и невозможно выбраться. «Апостол» же сразу принесёт деньги, много денег. Это позволит ему не только рассчитаться с долгами, но и, закупив бумагу, краску, печатать новые книги.

Иван Фёдоров стоял у стола, чуть согнувшись, словно наяву нёс на горбу непосильный груз. Выбившиеся из-под тёмной тесьмы волосы обрамили его усталое морщинистое лицо.

Он собирался в первую очередь печатать «Апостол». Уже и литеры подобраны, заставки, всё готово, не сегодня-завтра можно печатать книгу. Нет... Всё же «Апостол» придётся отложить. Сейчас на окраине Руси, в Западной Украине, идёт самая настоящая война за сохранение русского языка, православной веры. Борьба не на жизнь, а насмерть. Иезуиты ничем не гнушаются, чтобы перевернуть сознание людей, навязать свои ценности. Но нужны ли они нам? Нет, нет и нет! У нас своя вера, свои традиции, которые мы чтим и будем сохранять. И он, Иван Фёдоров, не может стоять в стороне от этого дела. У него нет оружия, но его книги, которые пойдут по городам и селам, принесут не меньше, а, может, даже больше пользы, чем пушки и пищали. Ведь родной язык, вера - это основа любой нации, любого государства. Как человек с отрезанным языком становится бессловесным существом, так и народ может потерять свою веру, свою силу, лиши его родной речи.

Ополячивая людей, иезуиты хотят оторвать Украину от Руси. Но украинцы и русские веками жили, трудились вместе и представить, чтобы стали друг другу чужие, невозможно. Недаром даже некоторые важные польские лица об этом толкуют.

«Знаю я хорошо..., что творят с ними (русским населением в Польше), – говорил, выступая на одном из сеймов польский князь Юрий Збаражский. – Знаю хорошо, что на сеймиках подают им надежды, а на сеймах шутят над ними: на сеймиках называют братьями, а на сеймах отщепенцами. Это, я знаю, все видят. Но чего они хотят от этого почтенного народа, этого я никаким образом понять не могу, потому что, если хотят,

чтобы в Руси не было Руси, то это дело невозможное, всё равно как если бы они хотели, чтобы море было у Самбора (около Перемышля), а Бешать у Данцига. Никаким умом, никаким усилием нельзя достигнуть того, чтобы в Руси не было Руси…»

Он, Иван Фёдоров, многим обязан своим новым друзьям, простым людям. И не только потому, что они собрали для его друкарни необходимую сумму. Деньги он рано или поздно отдаст. Но разве всё измеряется звонкой монетой?

Да, важнее Азбуки сейчас ничего нет!

- Друзья! выпрямился, стал во весь рост Иван Фёдоров. Привёл в порядок свои волосы, обвёл всех взглядом.
 - Будет для вас Азбука! С неё же и начну. Немедля.
 - Вот это да!!!
 - Неужели?..

Все повскакивали со своих мест, стали хлопать печатника по плечу, грабастать в свои обьятия, тыкать в бока, толкать, прямо как дети.

- Дай я тебя, Ваня, обниму!

Бондарь Адам Торек потянулся к нему всем своим большим телом, облапил крепкими руками, ткнулся распушенными рыжими усами в лицо печатника.

– Дружище, ты даже не представляешь, какое великое дело сделаешь!

Ему сразу стало горячо, от усищ щекотно, а губы сами растянулись в улыбке.

А ещё – так хорошо, как давно уже не было.

глава ХН Сначала – азбука!

- **Ц**арю Небесный, Утешителю, Душе истины... - в смирении воззврив очи и размашисто перекрестившись, замер в покаянии Иван Фёдоров.

Сколько раз, с самого раннего детства, – и дома, и когда служил в Гостунском монастыре дьяконом, и работая в уже Печатне, коленопреклоненно обращался он ко Всевышнему, уповая на его всепрощение и сниспослание Благодати. Много молитв перечитано им на разные случаи жизни и в разных обстоятельствах. И всегда, когда бы ни начинал новое дело, за какую бы работу ни брался, неизменно творил вот эту, взывая к благословению и помощи Всевышнего в трудах своих.

- Ввысь Иже везде сый и вся исполняй...

Он читал молитву, отрешённый от всего мира, с застывшими до суровости чертами лица, низко кланяясь долу и застывая в таком положении – как раб Божий, подставляющий голову для отпущения грехов, испрашивающий высочайшее разрешение на осуществление своих помыслов.

Рядом застыли в серьёзном сосредоточии его помощники.

Сын Иван – рослый, с бугристыми плечами, лёгким пушком на лице задумчиво смотрит впереди себя, губы беззвучно шевелятся. Крестится не спеша, кланяется солидно, как отвешивают поклоны степенные, вошедшие в силу мужики. Да и он уже в той поре, когда тело налито, силушка накоплена, прямо-таки играет, просится на волю.

Погоди, будет тебе работа, много работы...

Ученик Гриня – худолицый, востроглазый, крестится торопливо, словно боится не успеть. Быстро кланяясь, переминается на месте, бросает на печатника нетерпеливый взгляд, в котором слышится: «Ну, скоро? Доколе?»

– Господи мой, Господи, верою объем в души моей и сердце Тобою реченная, припадаю Твоей благости-и-и, – негромко, но чтобы все слышали, как священнослужитель в храме, с лёгким баском тянет Иван Фёдоров.

Бог ему поможет... Не может не помочь...

Ведь это благое дело – печатание книжки «для скорого младенческого наученья», для детишек, кои ещё мало что разумеют, но перед которыми истинно откроются врата Познания, врата Света.

– Помози ми, грешному, сие дело, мною начинаемое, о Тебе Самом соверши-и-ити-и-и-и...

С этими словами он выпрямился, широко осенил себя крестом, словно окропляя великое дело, которое ему сейчас предстоит.

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.... Молитвами Богородицы и всех Твоих святых... Аминь!

Троекратно перекрестившись, Иван Фёдоров молвил:

- Ну? За работу!

Все занимают свои места возле печатного стана – основательного, выделяющимся в просторном помещении своей необычной конструкцией. Массивные дубовые лежни с колодой и вертикальными столбами, фиксированная клиньями перекладина, нажимная снасть – на всё это пошло немало разного дерева. Дотошно ведущий расходы под пристальным наблюдением цеховых мастеров, Иван Фёдоров отметил в своей тетради: «...Куплено к новому стану брус

дубовый... пятнадцать досок липовых.. да два бревна теснину... да липину на венец... да две доски на ковчег. А ещё куплен рыбий клей «карлук» клеити столбы, каймы, щели...»

А сколь металла, да непростого, медного, на все детали пущено... И прас, и «орех», и торель, и рамцы, и пьям, и колесо, и лестница, всего семь единиц весом более семи пудов меди будет!

Подвижные части стана смазаны коровьим маслом. Рядом в кипсеях, специальных металлических сосудах, чёрная краска и красная киноварь. Наготове и бумага – дорогая, польская, с семнадцатью водяными знаками, особой марки «Тупая подкова». Чтобы лучше воспринималась краска, она увлажнена «отвологами», смоченными водой холстами.

Иван Фёдоров пристально окинул взглядом вокруг: ничего не упустил, всё ли учел? И не забыли ли ребята его наставления? Сыну Ивану, как батыйщику, который кладет на литеры краску, особливо наказывал: «Досматривай крепко, чтоб чернила и киноварь в кипсеях и на камени утирал гораздо, и на страницы ставил киноварь и чернила в меру, чтоб обходу, полусловицы и забою не было». Долбил ему, что «обход» – это непропечатанное место в оттиске, которое может получиться, если краска не нанесена или её мало, «полусловица» может получиться из-за перекоса строки, «забой» же – из-за чрезмерного нанесения краски. А такого быть не должно!

Ну, а с него, как с торедорщика, спрос особый. Ему надобно следить за тем, чтобы и «стан» был закреплен прочно, чтоб в деле «не «дробыло», бумага в клади была бы стройна и не перемочена, а листы, кои из дела будут выходить, чтоб на землю не валить и не марать, чтоб связаны были стройно и на полатех, и олифа и масло также стояли б на месте, и листы б с веревок снимали вовремя, а матцы и тимпаны, и графи, и марзаны были б во все стройны, и сукна, и бумага в тимпанах была бы всегда...

То есть отвечает за всё.

Иван Фёдоров ещё раз проверил, хорошо ли набор литер помещён в «ковчег» – деревянный ящик, прикрепленный к выдвижной доске. Надежно ли стянуты винтами марзаны? И хорошо ли лист бумаги прикреплен графьями (иголками) к затянутому телячьей кожей «тимпану»? Да надежно ли защищены её поля от попадания краски вырезанной из пергамена «фрашкетом»?

Вроде бы полный порядок.

- Ну, с Богом! махнул он рукой.
- Иван-младший стал потихоньку набивать матцей насаженной на рукоятку и обтянутой бараньей кожей специальной подушечкой из конского волоса заранее растертую на камне краску на литеры. Мазал не спеша, заглядывая, наклоняя голову то с одной стороны, то с другой стороны.
 - Так, батя? застыл наконец с матцей в руке.
 - Годится!

Вращая рукоятку привода ковчега, Иван Фёдоров подвёл литеры под нажимную плиту. Осталось только дернуть к себе рычаг-куку.

Он на мгновенье остановился.

Казалось, вся жизнь его сейчас заключена в этом, несделанном ещё действе. Один миг, который заключает в себе длинный-предлинный путь...

Неужели он прошёл его – спотыкаясь, падая, снова поднимаясь, обмарываясь в клевете, лжи и несправедливости, отряхиваясь от неё, всё же не держа на людей зла, а только моля Бога, чтобы всё удалось. Может, Всевышний оттого и помогает ему, что никого не

судит, не завистничает, надеется на себя, на свои руки да на поддержку таких же добрых и честных людей. А как иначе?

Он дернул куку. Пьям пошёл вниз, плотно прижал лист к форме.

Там, невидимое для человеческих глаз, сотворилось нечто...

Вроде бы всё просто и объяснимо: краска перешла на лист, образовала оттиск. Но ведь это – чудо! Самое настоящее! Лист, над которым бы писец, пыхтя и обливаясь потом, скрипел бы пером, считай, неделю, сейчас отпечатан в мгновенье ока. Вот оно, проявление человеческого разума, духа и воли!

Отжав куку от себя, Иван Фёдоров поднял пьям. Снова вращая рукоятку, вывел ковчег из-под нажимной плиты, откинул тимпан и франшет.

В руках у него оказался отпечатанный лист. Первый лист его Азбуки!

Гриня, которому предстояло вывешивать отпечатанные листы для просушки на веревке, рванул к печатнику.

– Ух ты! – расширились, загорелись его глаза.

Иван-младший, как завороженный, глядел на печатный лист будущей книги. А ведь и он к этому руку приложил! Улыбался, веря и не веря в то, что произошло. Неужели получилось? И каков же его отец! Добился-таки своего!

- Батя... Батя! - только и мог сказать.

А Иван Фёдоров, не обращая на шум никакого внимания, поворачивая оттиск то в одну, то в другую сторону, поднося его к глазам на просвет, дотошно всматривался: нет ли «забоя» или «перекоса», не притаился ли где «обход». Первый блин нередко выходит боком, но, слава Богу, всё хорошо, печать легла без перекосов, равномерно и чётко.

Казалось бы, он должен испытать неимоверную радость от долгожданной победы. Ведь он выстрадал её – перетерпел, превозмог все напасти, какие на его голову сыпались, не дал слабину.

Рядом прыгали, хлопали друг друга по плечу, радостно вопили его помощники. Он же оставался спокоен. Не расплылся ни в развесёлой победной улыбке, ни потряс над головой свежим листом, не выказал ничего такого, словно его это и не касается. Печатник молча крутил в руках лист бумаги, рассматривая его и так, и эдак, хотя ничего нового для себя найти уже не мог.

Враз обессиливший, обмякший, он почувствовал себя так, словно долго шёл, шёл, и наконец взобрался на высокую гору.

Иван Фёдоров подивился своему состоянию, никогда с ним такого не было.

Наверное, старею...

Это в какой-то неуловимый миг, по касательной, мелькнуло в голове и сразу же ушло в сторону. Или не мелькнуло, а просто почувствовал он то ли шестым, то ли десятым чувством, что свойственно человеку, много прожившего и пережившего столько на своём веку и хорошего, и плохого, что и сказать уже трудно, чего же больше и что весомее.

Весть о том, что в доме бондаря Адама Торека заработала друкарня, быстро облетела весь Львов. Хотя сей град богат и «именит», и немало искусных ремесленников в нем пребывает, но чтобы кто-то взялся за печать книг – такое казалось невозможным. Ведь ни у кого нет такого в роду, кто бы делал нечто подобное, у кого можно перенять и дальше продолжить, а начинать сызнова, на ровном месте – как это? И что за «струмент» должен быть, чтобы буквы стройные выходили,

да картинки красочные, да обложка кожаная, тисненая золотом ли серебром, что берёшь в руки, подносишь к глазам и не можешь надивиться? – каким образом всё это сделано?

Узнав, что друкарь, именуемый Иваном Фёдоровым, аж из самой Москвы прибыл, проникались уважением и к первопрестольной, вырастающей в их глазах как великий и заслуживающий особого почтения город, и к самой личности человека, дерзнувшего освоить тайны нового мудрёного дела, принесший труды свои на их землю. Теперь и в их городе пойдут книги, и то, что будут они не иноземные, а «свойские», наполняло жителей Львова тихой радостью и гордостью.

И потянулись к «Кулганкивской каменице» люди всякого рода – и мастеровые, и учёности немалой, и простолюдины, чтобы хоть краешком глаза увидеть, навострив ухо, услышать всё, что касается творения книг печатных. Хотя мастера обычно не любят, чтобы кто-то, во избежание сбоя ли, сглаза, под ногами путался, Иван Фёдоров дверь в друкарню не запирал, ни от кого не отгораживался.

Смотрите, люди добрые, вникайте, перенимайте, мне не жалко. Ведь не вечен я, а дело печатное будет только расти, год от года шириться. Так что беритесь, друзья, пока я жив, буду рад научить кого толкового и сноровистого...

И это ещё больше придавало вес Ивану Фёдорову – уже не столь как человеку мастеровому, делающим на совесть своё дело, а простому, чистосердечному, не ищущего никакой выгоды и наживы. Бывало, выскочит он на часок из своей друкарни, поспешает по улице, а ему навстречу какой-нибудь человек – сдергивает шапку, кланяется уважительно, чуть ли ни в пояс: «Доброго вам здоровьица, пан, Бог в помощь...» А кто

он такой, откуда его, «московитина», знает, об этом можно только догадываться.

Постояльцы – те вообще смотрят на его работу в друкарне, не отрывая глаз – кто ус крутит, кто затылок чешет. И слышится неизменное: «Иван, ну когда же Азбука будет готова? Когда?»

– Ах вы, черти лысые, – не выдерживает Иван Фёдоров. – Быстро только кошки плодятся. Скоро...

Да и поспешать следует: вслед за Азбукой надо «Апостол» печатать. На эту, богатую по содержанию и оформлению, книгу, он особо рассчитывает. Денег-то взято в долг немеряно, вот «Апостол» и пойдёт на уплату долгов. А там за другие книги примется.

Но сначала - Азбука!

глава XIII «низкий тебе поклон...»

 ${\bf K}$ стороне от печатного стана высятся уже целые стопы отпечатанных листов.

На его глазах Гриня схватил, надрываясь, целую кипу «выколоченных» тетрадей, потащил их к станку для обжимки.

- Гриня, не балуй! для видимости строго, в душе же радуясь расторопности малого, крикнул печатник. Куда столько тащищь? Пупок развяжется!
 - Ничего-о-о... Это что? Я ещё больше могу!
- Ну-ну... только и покачал головой Иван Фёдоров.

Он взял сверху из стопки готовую тетрадку, покрутил её в руках.

Ну, что... Выпучивания у корешка нет... Знать, Гриня хорошо помахал деревянным молотком по тетрадкам на наковальне. Теперь, собрав вместе по пять таких тетрадок Азбуки, а это восьмьдесят страниц будет, следует хорошенько выровнять. Для этого, как он наставлял, «положить меж две доски и в тиски посредки и прижать и ту рассмотреть и размерить, чтобы книга равна была точею лицевая сторона на ножечный тыл потолще корене, а средина и концы порене мало потоньше».

А вот и первая готовая подборка.

Иван Фёдоров долго крутил её в руках, присматривался, принюхивался, так что Гриня не выдержал:

- Да вы что? Али не нравится?
- Добро, добро, не стал расхваливать, а то ещё по молодости задерёт паря нос, да и начнёт шлепать

как Бог на душу положит. Приходилось ему обжигаться с такими горе-помощниками. Уж на что он терпелив и снисходителен, но коль не понимает человек простых истин, тупит как баран, – тут же в шею его, в шею! Зачем такие нужны? Книга ведь вещь особая, тут нигде нельзя дать промашку.

Гриня не из тех, что лодыря гоняет и как неживой чухается. Всё же острастка не помешает.

- Смотри в оба!

«Ну, а что там мой Ванятка вытворяет?» – как о малом ребёнке подумал он о ставшем давно уже взрослым сыне.

Хотелось, очень хотелось ему, чтобы Ваня в настоящего печатника вырос. Чтобы искусство вырезания литер, заставок и прочего убранства из дерева и металла освоил, всё, как и он, своими руками делал. Но чего уж толковать: таких людей мало, очень мало.

Вот его ученик Гриня – что он мог? Крутить головой по сторонам да беспрестанно совать нос в его дела. И ведь этот самый любопытный нос вывел-таки Гриню в искусного гравера, теперь он может и литеры, и заставки вырезать не хуже учителя.

Ну, а его Ване переплётное дело по душе пришлось. Что ж, добро!

Иные считают переплёт второстепенным делом. Ошибаетесь, уважаемые! Как одежда красит человека, так и обложка украшает книгу. Да и попыхтеть тут приходится немало.

Сколько времени, сил и сноровки в своё время ушло у него на убранство «Апостола» для подношения самому царю Ивану четвертому! Ведь такая книга – первая печатная на Руси! И как можно было сплоховать ударить в грязь лицом?

На тиснёной, бьющим в глаза золотом обложке, в самой середине он изобразил двуглавого орла. Сверху

и снизу надписал: «Иоан божиею милостью господарь царь и великий князь всея Руси». Меж крылами орла – гербовый щит с погрудным изображением человека в короне. Остальное поле покрыл узорными клеймами и звёздочками.

«Басмил», то есть тиснил, не раз и не два, для чего применил целый ряд специальных приспособлений – басм, накаток и дорожников, Декорировал застежками, «средниками, «угольниками», «жуковинами» против истирания да золотил по обрезу – всё, что мог, красивого и выразительного, применил, чтобы «Апостол» «заиграл» истинно «по-царски».

Чтобы даже потомки могли сказать: «Красота!»

Бросив взгляд на сложенные аккуратной кучкой осиновые доски, отметил, что заготовок для переплёта вдосталь. Хорошо бы, конечно, дубовые или березовые, но и эти неплохи. Надо бы напомнить, чтобы «серцевой» стороной, которая мало горбата, ставили к книге, а не иначе.

Из вороха лежащих в углу телячьих кож взял одну из «опоек», помял её в руках. Ощутив мягкость и тонкость, удовлетворённо положил на место: выделана на славу, для обтяжки досок в самый раз будет. «Бораны», то есть овечью кожу, он тоже применяет, реже – конскую («жеребок») и козью («козел»). Но на этот раз вот так...

Заметив россыпь обрезков бумаги по полу, сокрушенно покачал головой.

Вот ведь... Сколько раз твердил, чтобы не превращали друкарню в свалку, так нет же. Ну что стоит сразу подмести за собой?

- Иван! Это что такое?

Рявкнул настолько грозно и сурово, что стало неловко: не надо бы так. С другой стороны, сын не сын,

спрос должен быть одинаково строгий, а с родной крови, может, и вдвойне.

– Да я только что обрезал... Подберу, подберу, – тут же схватился за веник Иван-младший.

До этого тетради были сшиты шнурами-плетями из ниток конопляных «несканых» по три в одной, туго стянуты и проклеены. И вот теперь надо с трёх сторон обрезать.

Переплётчик зажал в «прасе» – деревянном, с металлическим винтом и круглым ножом приспособлении стопку тетрадей, упер его одним концом в пол, другим себе в живот. Взялся за две ручки, с натугой, так что на лбу вскочила синяя жила, надавил на нож сверху вниз, как бы стругая книжку. На пол посыпались белые ошметки.

Иван Фёдоров, проводя рукой по обрези книжки, удовлетворенно кивнул головой.

- Хорошо, сын, хорошо... Только нож не забудь потом наточить. Чтобы был как бритва!
- Всё сделаю, батя, как положено! Не сумлевайся!

Ну, вот уже и Азбука вырисовывалась...

Листая страницы, Иван Фёдоров, то приближая к глазам, то отводя на расстояние вытянутой руки, то поворачивая листы к свету, вьедливо всматривался в каждую строчку, в каждую букву. В Азбуке он впервые в жизни применил свой знак как отличие товара от всякого другого мастера, поставил как принадлежность книги именно его, Ивана Фёдорова, «друкаря из Москвы». Долго мудровал над этим знаком, хотелось, чтобы был он и с большим смыслом, в то же время простым и выразительным. Чего греха таить, взял маленько от книжного знака известного итальянского типографа Альда Мануция. С «мануциевским» дельфи-

ном схожа его изогнутая полоса, а с якорем – венчающий его наконечник стрелы. А разве эта самая полоса не напоминает извив реки? И что есть река? Ещё древние толковали: «Книги есть суть реки, напоящие вселенную...»

Наверное, в будущем будут гадать, спорить, что истинно его знак означает, что хотел им сказать печатник Иван Фёдоров. Что ж, спорьте, ломайте головы, друзья, когда меня давно уже не будет на белом свете. Как бы там ни было, свой «знак» я оставил на этой земле, какую-никакую принёс пользу Руси.

Аз есмь Иван Фёдоров!

Когда, как обычно, в конце рабочего дня постояльцы «Кулганковской каменицы» собрались вместе за большим столом, к ним вышел Иван Фёдоров. В руках у него была целая стопка Азбуки. Она подходила аж к подбородку, и видны были, считай, только глаза печатника – сияющие, торжествующие.

- Ваня! Ты шо, зроби-и-ив? с некоторой наивностью, хотя все хорошо знали, что изготовление книги подходит к концу, протянул, отставив цыгарку, бондарь Адам Торек.
 - Неужели?
 - Дай глянуть!

Все разом вскочили с мест, ринулись на печатника. Первым выхватил из стопки книжку Адам Торек. Тут же подлетел водопроводчик Юрий, за ними часовщик Симон, золотых дел мастер венгр Павло, портной Матвей Осмольский, бондарь Мартин Страх.

- А мне? А мне? боясь, что ничего не достанется, жалобно заскулил, протискиваясь сквозь толпу, часовщик Симон.
- Да что вы... растерялся Иван Фёдоров. Всем будет...

Вскоре Азбука была расхватана. Мужики уткнулись в неё, листая, ахая и охая на все лады.

- А пахне-е-е... раздувая ноздри, вдохнул Матвей Осмольский.
 - Як свежеиспеченный пирожок...
 - Гарно!

Иван Фёдоров тихо улыбнулся. Он давно уже заметил: кто радуется духу свежевыпущенной книжки, кто отмечает его для себя как нечто особенное, неповторимое, тот, несомненно, ценитель слова и буквы.

Как свежеиспеченный пирожок, говорите? Похоже. Всё же запах только что напечатанной книжки иного рода, духовного. Прежде чем на белой странице вырисуются самые разные, от «аз» до «ижицы», буквицы, много предстоит вынести дум и стремлений, пережить и осмыслить. Сколько дней и ночей тратится, сколько перьев исписывается, сколько копий ломается, а то и жизнь отдается, – и всё для того, чтобы нечто важное, нужное было воплощено в Книгу.

И вот постепенно, лист за листом, она появляется на свет. Стучит станок, а у него, печатника, громче обычного стучит, радуется сердце. Рождается новая книга!

Она ещё не спелената в тетради, как новорожденный малыш, слаба и беспомощна. Но главное – книга уже живёт своей жизнью! Как каждому живому существу присущ некий дух, так и Книге свойственен свой – неповторимый, который не спутаешь ни с каким другим. Он, этот дух, щекочет ноздри, распаляет, зовёт за собой в дальние миры, увлекает познанием нового, неизведанного.

Каждый раз, вдыхая запах новой книги, он замирал в умиротворенном оцепенении и великом почтении, словно чувствовал дух самой матушки Земли, веч-

ной и неохватной. А разве Книга – не соль Земли, не её производное? Она столь вбирает в себя мудрости и указывает направление как путеводная звезда, что человек замирает перед ней коленопреклоненно с великой верой и надеждой. С Книгой, как беспристрастным советчиком и надёжным другом, ведёт он разговор, к ней обращается в трудную минуту с надеждой, что умными словами даст она великое успокоение, прозрение ли, надежду, – кому что.

Не оттого ли Книгу так любят и почитают и не теряет она ценность во все времена? Да и как может затупиться её сила и благодать, коль она – сама Правда? Правда же во все времена, как бы её ни затирали и ни гнобили, ни терзали и ни предавали, всегда пробивалась отавой, восставала из пепла, простирала к людям руки, чтобы те верили, что Свет всегда сильнее Тьмы.

- А как ты всё это придумал. Иван? Вот голова! зацокал Мартин Страх.
 - Да не придумал я...

Напрасно Иван Фёдоров уверял друзей, что его особой заслуги в написании Азбуки нет. Печатание – да, его рук творение, что же касается содержания, то он не автор, нет. Составитель – так будет точнее, правильнее. Он просто соединил, связал воедино многое из того, что написали до него другие учёные мужи, умнее его во сто крат, Ну, и нечто своё добавил. В послесловии к Азбуке Иван Фёдоров, так и написал, обращаясь к «возлюбленному честному христианскому русскому народу, греческого закона»: «Сие еже писах вам, не от себе, но от божественных апостол и богоносных святых отец учения, и преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина от грамматики мало нечто. Ради скораго младенческаго научения въмале сократив сложих...»

- Xa-xa-xa...
- Да он шутник!
- Во дает!

Слова плавали в синем дыму, смешивались, образуя такую пелену, что через неё было трудно пробиться и что либо доказать. Хорошо, что на выручку пришёл Адам.

– Так! – гаркнул он сквозь усы своим грозным басом, отчего все сразу притихли. – Чи вы здурели? Шо похватали книжки як цацки? Цэ не для вас делано, а для наших детей. Щоб воны учили русский язык, хранили православную веру! А ну, гартайте всё в кучу!

Нехотя, но послушно и с пониманием все стали складывать Азбуку на столе возле Адама Торека.

– O-o-o! Це – дило, – смягчаясь, разгладил буйные усы Адам. – Завтра же отнесу Азбуку в школу. Вот детишки обрадуются!

Он так заулыбался во всю ширь своего большого лица, что, кажется, оно стало светлее и чище.

– А тебе, Ваня, – обратился он к скромно стоящему в стороне Ивану Фёдорову, – от нас, от нашего братства, – особый, земной поклон.

Нагнув не без труда из-за выпирающего объемного живота своё большое грузное тело, он преклонил перед печатником голову.

И сорвали всё, у кого были, шапки, и дюжина голов – и с лохматой гривой, с жиденькими, словно пух волосами, и тронутые изрядной сединой, и с блестящей проплешиной, – целая гвардия львовского братства застыла в великом благодарении перед русским человеком, «печатником из Москвы»

Он же стоял, не понимая до конца случившегося – ошарашенный, растерянный, не веря происходящему, как будто не ему кланяются дебёлые, добрую часть

жизни прожившие мужики, а воздают почести кому-то другому.

Хотелось крикнуть, заорать во всё горло:

- Это вам спасибо, друзья, братья! За ваше участие, за ваше бескорыстие, за ваши добрые и чистые сердца...

Впрочем, всё это он высказал в послесловии к Азбуке:

«И аще сии труды моя благоугодны будут ваши любви, примите сия с любовью. А я и о иных писаниих благоугодных с вожделением потрудитися хощу, аще благоволит бог, вашими святыми молитвами.»

Аминь!»

УНХ ВАВЛІ КНЯЗЬ ОСТРОЖСКИЙ

Густой туман окутал всю долину у подножия Красной горы города Острога. Плотный, со стелящейся дымчатой синеватой поволокой, он сплошной завесой укрыл выметнувшиеся вольные травы, кусты, деревья, всё земное на этом свете. Земля замерла в утренней тишине, как бы вслушиваясь в туманную даль. Только петляющая из стороны в сторону, будто убегающая от преследования, речка Вили жила своей особой бойкой жизнью. Дыша белесым паром, повторяя изгибы и излучины, она словно бросала вызов луговому туману, проявляя извечную непокорность и строптивость.

Стоя у высокого стрельчатого окна своего старого родового замка, князь Константин Острожский сам был словно в тумане. Острая, охватывающая полчерепа боль так сдавила его железным обручем, что впору было хвататься за голову двумя руками. Князь уже и массировал её, крутил короткой толстой шеей, пытаясь хоть немного облегчить страдание, но боль не проходила.

0-xo-xo xo...

Он перевёл взгляд с туманной долины на округлую крепостную башню. Мурованная, из крепкого камня, толщиной почти в три метра, она стоит как вкопанная на страже уже добрую сотню лет. И та, что с другой стороны, недавно построенная, тоже кремень. Их украшают, радуя глаз, пышные, как короны, аттики, вырезанные на фигурных зубцах розы, причудливо нависающие карнизы, – дело рук специально выписанных для этого итальянских мастеров.

Вдобавок заполненный водой, с откидным мостиком, глубокий ров, четверо высоких непробиваемых ворот – всё это тоже олицетворение крепости и надежности.

А вот как в другом деле крепь создать? Такую, чтоб на века, покуда свет стоит?

В тысяча пятьсот шестьдесят девятом году его сознание перевернула уния. В Люблине депутаты от всех земель Польской Короны и Великого княжества Литовского провозгласили объединение двух стран. Появилось новое государство – Речь Посполитая. И сразу же на православную веру начались гонения и всяческие притеснения. Представители ордена иезуитов сначала потихоньку, потом всё более разворачиваясь, стали проводить среди православных политику по обращению их в свою веру.

Князь Константин Острожский никак не мог этого принять. Истинный поборник православной веры, он в своё время даже сменил данное ему от рождения имя «Василий» на более звучное, со значением «Константин». В этом был и отголосок имени императора некогда могущественной Византии Константина, и Просветителя, одного из создателей славянской письменности Кирилла, именуемого в миру Константином Философом.

Часто общавшийся с высшими представителями католического духовенства, князь хорошо знал планы римского папы и польского короля ввести католичество на Руси. Поскольку оружием завоевать и покорить такую страну оказалось невозможно, в ход были пущены другие средства.

Захватив однажды в войне с русичами город Полоцк и не надеясь удержать его, польский король Баторий обратился за помощью к иезуитам.

«Зачем вам ездить в Индию и Японию с пропагандой? Есть ближе земля русская, именно Полоцк, где народ невежественен в делах божьих...»

А вот не выйдет по вашему, не выйдет!

Туман за окном постепенно рассеивался. Всё больше стали вырисовываться привычные очертания лежащей внизу местности. Застучали отворяемые в городе ворота, зацокали по булыжной мостовой лошади, замычали сгоняемые на луга коровы.

Князь Острожский задёрнул штору. Обуреваемый одолеваемыми мыслями, не спеша, грузно ступая по начищенному до блеска паркету, двинулся в кабинет. Шаги князя гулко раздавались в огромном пустом зале. И колоколом звучало в голове: «Опасное ты затеял, князь, дело...»

Он это хорошо понимал, и друзья ему не раз говорили. Некоторые призывали бросить борьбу, пока не поздно, иначе можно много потерять.

Что до потери денег, то это не беда, их у него предостаточно. Подвалы замка забиты бочками с золотыми и серебряными слитками, сундуками со звонкой монетой, оружием с отделкой жемчугом и драгоценными камнями. Всё наживалось, приумножалось не одним поколением знатного великого рода. Он, князь Острожский, настолько богат, что может проводить независимую от польского двора политику даже в религии. И он будет её проводить!

Миновав залу, князь оказался в вытянутом, с золочёными канделябрами на стенах, помещении. И тут же почувствовал на себе пристальный взгляд. С портретов обширной картинной галереи на него в упор смотрели глаза давно ушедших в мир иной предков. В роскошных одеяниях, кто – изображенный в полный рост, кто – наполовину, а кто сидя за рабочим столом или подбоченясь – все задавали, как

ему казалось, один единственный вопрос: «Какое место ты, Константин, от рождения Василий, займёшь в нашем роду?»

К этому же сводились и нечастые, но бьющие его до глубины души стычки с отцом Константином Ивановичем. Изрядно постаревший к своим шестидесяти пяти годам, всё же грозно посверкивающий очами с косматыми седыми бровями, Константин Иванович имел полное право требовать с сына решительных и победных действий. В тысяча пятьсот двадцать седьмом году он под Каменцем разбил большое татарское войско. В плен было взято двадцать пять тысяч татар, освобождено сорок тысяч русских людей.

Отважный воин, Константин Иванович снисходительно смотрел на книжные приготовления сына, считая их дорогостоящей забавой. Врага надо уничтожать, а не лясы с ним точить! Воевать, так воевать решительно, идти до конца! – считал он. Сын же избрал путь просвещения. Но разве книжки, какими бы умными они ни были, могут что-то изменить в этом мире?

Константин Константинович – высокообразованный, много ездивший по миру, видевшейся со знатными книжниками, философами и мудрецами, верил в пользу просвещения. По его мнению, только сохранивший родной язык, свою веру народ может отстоять независимость, своё место в этом мире. Он видел, как напирали иезуиты, как яд их убеждений проникал в сознание людей. На его глазах происходило бескровное, но не менее страшное, чем под бряцанье сабель и грохот пушек, сражение. И он, могущественный князь, обладающий несметными богатствами, не может наблюдать, как гибнет славянский народ.

Слово! Оно станет его оружием, сплотит людские души, поднимет ослабших, укрепит неверующих.

В просторном светлом кабинете князь подошёл к полкам с книгами. Ни богатая коллекция искусно отделанных, с тусклым отблеском дамасской стали сабель, ни тонкостенные изделия из фарфора, ни расписныые, завезённые из далекой Персии ковры, – ничто не грело так душу князя, как библиотека. Собираемая с тщательностью и взыскательностью, на которую способен только охваченный до дрожи истинный ценитель прекрасного, она была предметом особой гордости Константина Острожского.

Нередко, выбрав из целого ряда фолиантов нужную книгу, он усаживался за столом и увлеченно, отмечая отдельные строчки и делая записи, просиживал в своём кабинете по несколько часов подряд. И только вдоволь нагрузившись чтивом древних философов ли, богословов, других учёных мужей, удовлетворенно откидывался в кресле с сознанием пользы проведенного времени – насыщенного, обогатившего его не только знаниями, но и новыми мыслями для раздумий и умозаключений.

На этот раз князь не собирался выбрать что-либо для чтения. Просто захотелось побыть с книгами наедине как со старыми добрыми друзьями, мысленно поговорить с ними о том, о сем, посоветоваться о наболевшем.

Он тронул пальцем корешок книги с речами римского оратора Цицерона.

О-о-о, великий Цицерон! Как мне заразиться силой твоей речи? Как увлечь, повести за собой, вдохновить людей православной веры?

«Человек должен научиться подчиняться самому себе и повиноваться своим решениям»...

Да! Надо всё подчинить намеченной цели, идти вперёд, только вперёд!

«Счастливее всех тот, кто зависит только от себя и в себе одном видит всех».

Это прямо как про него, князя Острожского. Ведь он по большому счёту ни от кого не зависит, сам принимает решения.

«Жить - значит мыслить».

Как тут не согласиться с Цицероном? Только мыслящий человек может здраво видеть себя, свои поступки и в соответствии с этим принимать решения...

А вот собранные воедино трагедии Еврипида. «... Зачем, О смертные, мы всем другим наукам, Стараемся учиться так усердно, А речь, единую царицу мира, Мы забываем? Вот кому служить Должны мы все, За плату дорогую Учителей сводя, Чтоб, тайну слова Познавши,

Убеждая, – побеждать!» – прочитал он слова великого древнегреческого драматурга.

Да... До чего же умны были в древности люди, что их творения сохраняют ценность и в наши дни! Дай Бог и нам не оскудеть умом, оставить потомкам нечто нужное и полезное.

Он переходил от одной книги к другой, внимая им, и они словно что-то говорили ему в ответ, поддерживали, наставляли на путь истинный.

«Космография» Себастиана Мюнстера, напечатанный в Базеле греко-латинский словарь....» Сделав несколько шагов в сторону, он потянул он на себя «Беседы Иоанна Златоуста на Евангелия от Матфея». Эта книга хотя и не относится к числу редких и древних, но для него особенно ценна. Ведь она отпечатана в самой Москве, в городе, который считается истинным продолжателем и хранителем православной веры, который называют не иначе, как «Третьим Римом».

Князь открыл её наугад. Стройный шрифт, чёткая печать, – залюбуешься! Весьма полезная для верующих

книга. Вот и он хочет встать если не вровень с выдающимися мужами, но хоть в чём-то принести пользу миру, – такую чтобы люди и спустя долгие годы говорили: «Это – творение князя Константина Острожского!» Ну, пусть не его личное, а осуществленное за его средства, под его непосредственным началом. И такой книгой, он давно уже решил, – станет Библия! Полная, собранная из разных источников многих стран, многократно проверенная, исправленная, переработанная, в которую войдут и Ветхий, и Новый Заветы. Переписанная на славянском языке, она будет напечатана сотнями, а то и тысячами экземпляров. Таков будет его ответ нападкам ярых католиков на его православную веру!

Много уже сделано им для сего большого дела. Создана Острожская академия – любимое его детище, в которую он вложил немало не только средств, но и душевных сил. Какие достойные умы трудятся в ней над составлением Библии, какие познания стекаются сюда в прямом смысле слова со всех концов света! Как засвидетельствовал холмский епископ Иаков Суша, «князь воздвиг в Остроге школу не только славянского, но и латинских и греческих наук, в которой воспитал многочисленную русскую молодежь как шляхетского, так и плебейского происхождения».

Для получения полного и исправного оригинала Константин Острожский разослал гонцов «во все страны роду нашего языка словенского» – в Турцию, где сохранились греческие монастыри, в Сербию, Болгарию, Валахию. Когда князь получал тот или иной список, его тяжёлое, с печатью озабоченности лицо разглаживалось и светлело: «Ну вот, ещё один... Продвигаемся потихоньку...»

Все же, несмотря на большую работу, нужный список Библии никак не мог найти. Тем особенно це-

нен был экземпляр, который он получил от русского самодержца Ивана IV. Обратившись к нему с просьбой прислать пригодную для печатания Библию, князь Острожский нисколько не сомневался в том, что получит её. Ведь нужда в поддержании православной веры в Западной Руси, её распространении огромная. И такая Библия, переведенная на славянский язык ещё при крестившем Землю Русскую великом Владимире, ему Иваном IV была прислана. Воистину царский подарок!

Оттого-то в послесловии, напечатанном потом в Остроге Библии, Константин Острожский почтительно указал: «Только от благочестивого и в православии изрядно сиятельного государя и великого князя Ивана Васильевича Московского и прочая...»

Листая «Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея», князь вспомнил, что передал её ему Иван Фёдоров. Ну да! И замечательно, отметил он, что «печатник из Москвы», как тот себя именует, станет «печатником из Острога». То, что Иван Фёдоров будет печатать исправленную, сведенную воедино в его Академии полную Библию – вопрос уже решеный. Да и трудно сыскать более мастеровитого, разносторонне «подкованного» печатника, чем Иван Фёдоров. Может, где в иноземных краях такие и обретаются, но на русской земле он – единственный в своём роде.

Все напечатанные Фёдоровым книги ему, князю Острожскому, хорошо известны. Сколь выразителен, красив и шрифтом, и убранством выпущенный сначала в Москве, а потом и во Львове его «Апостол»! И Азбука, первая славянская книжка для обучения детишек грамоте, недурна! Всё в ней Иван Фёдоров продумал: и расположение, и оформление, и обучение навыкам чтения, счёту. А ещё наставление учителям,

родителям, детям в этой, небольшой по размеру книжке дал – всё по уму, всё со смыслом! Надо бы ему такую же книжку для острожской школы заказать... Пока Библия готовится, правится, вычитывается, вот бы и отпечатал Азбуку. А что? Всё у него для этого готово, времени много не понадобится. Так и сделаем, велю не медлить с Азбукой.

Довольный собой, князь уселся в широкое, с высокой резной спинкой кресло.

Незаметно и голова прошла, удивленно крутнул он шеей. Надо же! Постоял немного возле книг – и сразу полегчало. Ах, как хорошо, когда ничто в голове не давит, нет никакого тумана, а такая ясность, словно солнце светит, и думается легко и приятно.

С решимостью поработать как следует он взялся за бумаги. Просмотрев несколько листов, отложил один за другой в сторону, намереваясь вернуться к ним по степени важности. Как вдруг...

«Что это? – недоуменно прочитал он. – Трактат Скарги «О единстве церкви Божией под одним пастырем».

Ещё больше удивился, когда заметил написанное каллиграфическим почерком «Князю пану Острожскому».

Посвящение? Кому? Мне? Хм... И с какой это стати католик пишет «ко мне милостивому...»?

Ах, иезуитская душонка... Хорошо знает, что мы с ним по вопросам веры на разных полюсах, настоящие противники. Он, нападая на православие, тянет верующих в лоно католической церкви, я же всячески этому противлюсь. А Скарга – «ко мне милостивому...» Будто я не только разделяю его воззрение, но и каким-то образом подношение имею. Вот же прохиндей!

«От дара подлых рук добра не жди» – всплыли в памяти слова Еврипида.

Князь в сердцах бросил трактат на стол, выпрямился в кресле. И сразу застучало, гулко забило, наваливаясь тяжестью, в висках.

Ну вот... Опять...

Закрыв глаза, он некоторое время сидел не шевелясь, надеясь, что боль пройдет и станет легче. Но тяжесть кружилась в голове тёмной тучей, словно пытаясь заслонить всё то светлое и хорошее, что только что витало в нем и дарило надежду.

Ещё чего доброго, Скарга прикатит на коляске, неприязненно подумал князь. Дорогу в замок он хорошо знает, не раз здесь бывал. Во время посещений Острога проповедник с застывшей на губах деланной улыбкой всегда мило раскланивается, даря домашним некие мелкие безделушки. Его, князя жена Зофия, дочь краковского кастеляна, принимая их как некую ценность, мило щебечет в ответ, выражая гостю великое почтение. Да и немудрено, ведь она с ним одной веры.

Католичка... Не просто католичка, а «иезуитская девотка», как называют в народе женских приверженниц сей веры. Как такое могло случиться, не раз задумывался великий князь, что они с женой, которую он любит, которой дорожит, да и она питает к нему не меньшие чувства, в вере оказались по разные стороны? Сколько лет вместе живут, а в вероисповедании словно чужие люди. Вот ведь... Не углядел... Не надо было слишком потакать, поддакивать ей во всём.

А ведь и детей жена за собой повела! Сын Януш тоже стал католиком. Одна из дочерей вышла замуж за кальвиниста, другая – за покровителя «еретиков» социан. Хороша, нечего сказать, семейка...

Немудрено, что Пётр Скарга, ярый проповедник иезуитов, чувствует себя в его замке как в собственном

доме. Прикатывает когда вздумается, ведёт с женой и детьми душещипательные беседы. Ему же, достопочтенному князю, остается только утираться...

Но если уж в семейных делах ничего поправить нельзя, то с Библией он не даст промашку, выпустит её, чего бы это ему ни стоило.

Отпечатанная в Остроге в тысяча пятьсот восемьдесят первом году Иваном Фёдоровым Библия станет не только профессиональной вершиной печатника, но и весьма известной во всём мире. Достоинством обладать её будут рады библиотеки Антверпена, Афона, Белграда, Варшавы, Ватикана, Вашингтона, Вены, Вроцлава, Кембриджа, Курника, Лондона, Манчестера, Нью-Йорка, Нью-Хейвена, Рима, Софии, Упсалы, Хельсинки, Штутгарта... Весьма часто она встречается в монастырях Болгарии, Румынии, Югославии.

Как отметил известный исследователь деятельности Ивана Фёдорова Е. Л. Немировский, «Острожская Библия сыграла исключительно большую роль в истории культуры восточнославянских народов. В своё время она явилась для Запада своеобразным свидетельством идеологической и нравственной зрелости русских, украинцев, белорусов. Перевод Библии на национальный язык и издание её на этом языке говорили о росте национального самосознания, укрепления позиций родного языка в его извечной борьбе с латинизмом католической экспансии. Острожская Библия – важная веха в борьбе восточных народов с проникновением католицизма и ополячиванием....»

глава ху малиновий звон

По-над соломенными крышами белых хат-мазанок с подслеповатыми оконцами, единственной мощеной булыжником улице с несколькими каменными домами, небольшой площадью в центре, по-над огородами с горшками и крынками на плетнях – над всем этим миром старого городка Острога несся колокольный звон.

Сначала бомкнул, наполняя торжественным гулом и разносясь далеко окрест, главный колокол. Ещё... И ещё... И тут же, словно не желая отставать, запели другие колокола – вроде бы вразнобой, но настолько звонко, ярко и переливчато, – «динь-дон-динь-дон, динь-дин-дон...», создавая особую, наполняющую радостью музыку, что редкий прохожий не остановится, чтобы, сорвав с головы шапку, не перекреститься с поклоном и благодарностью: «Слава тебе, Господи...»

Весеннее утро дышало свежестью. Кругом набирала силу, словно рвалась на волю зелень. Сады уже успокоились после цветения, притихли, и только запорошившая землю осыпь лепестков напоминала о недавнем белом кипенье.

Иван Фёдоров стоял в «Булсардиновом» дворе, где располагалась друкарня, с непокрытой, обдуваемой ветром головой, вслушиваясь в несущийся с небес колокольный звон. Он представил, как, взобравшись по скрипучей лестнице, не раз и не два останавливаясь, переводя дыхание и надсадно кашляя, – продуваемые ветрами и сквозняками, такие люди обычно изрядно простужены, – звонарь на самой верхотуре, перебирая

веревками и нажимая ногой педаль, заставляет на разные лады звучать то один, то другой колокол. И несётся вниз, разлетаясь повсюду, просветляющий душу прихожан, дивный звон.

А вот тут ты, брат, зачастил...

Да, да, прислушался, Иван Фёдоров, точно! Уж кому-кому, а ему, в своё время служившему диаконом Гостунской церкви в первопрестольной, приёмы колокольного звона хорошо известны. Не раз поднимался на колокольню, чтобы созвать народ на службу, вслушивался в каждый оттенок отлетающего звука, так что его не проведёшь.

Впрочем, усмехнулся Иван Фёдоров, почему он считает, что звонарь допустил сбой? Может, это особенность его звона? В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Вот и он здесь, в Остроге, с неких пор наёмный работник и должен подчиняться выработанным требованиям. Нелегко было это принять, но что делать...

Вспомнилось, как хмурым осенним днём вновь трясся он на подводе – на этот раз из Львова в отстоящий от него за двести верст Острог со своими пожитками – литерами, заставками для печатного ремесла, всем тем, что составляло главное богатство в его жизни. Как, миновав село Межирич, оказался на высоком берегу заросшей камышом полноводной реки Вили. Оттуда хорошо просматривался двухэтажный, с пронзающей небо высоким шпилем Острожский замок. Над Замковой горой поблескивали купола Богоявленского храма, а он всё смотрел и смотрел на катящиеся неведомо куда, свинцовые, подёрнутые лёгкой рябью воды реки Вили.

Что его ждёт на этот раз? Как-то оно всё сложится? – неотвязно крутились в голове мысли, не давали покоя.

Возвращаясь к работе во Львове, вновь и вновь спрашивал себя: что сделал не так? Где допустил промашку? Вроде бы не ловчил, не хитрил, работал по-честному. Почему так вышло, что созданную с неимоверными потугами, успешно заработавшую друкарню вынужден был заложить за долги? Но иначе не рассчитаться с кредиторами, светил крах, долговая яма.

Торговцы, которым он дал книги для продажи, словно сговорились: «Мало покупают, дороговато...». Но даже вырученные деньги не спешили отдавать, пускали в оборот. Торгаши – они и есть торгаши, только о барышах и думают. А то, что ему надо за бумагу, краску, ещё и за изготовленный станок деньги рассчитаться – им на это начхать.

И пошли суды за судами... Как немец Гутенберг судился со своими кредиторами не раз и не два, так и ему приходится вести тяжбу за тяжбой. А есть ли время по судам бегать? Он – мастеровой, его дело – работать, книги печатать, а не сутяжничать, правдой и неправдой долги выбивать. Пришлось поручать другим заниматься этим неблагодарным делом.

Пятого марта тысяча пятьсот семьдесят восьмого года Иван Фёдоров, оставив друкарню в Остроге, явился в Луцкий городской суд.

– Что пан желает? – подняв массивные, в роговой оправе очки, изучающе глянул на просителя подстароста.

За свою долгую работу в суде Андрей Киверицкий сходу мог определить намерения жалобщика. Кляузники, хитроимцы – они сразу видны своими увертками – лестными подходами, а то и угрозами, запугиванием. Этот же человек – седоватый, несколько грузный, с усталым лицом, отчего казался безмерно грустным и печальным, сразу показался ему добрым и честным.

- Да вы сядьте, сядьте, поспешил подвинуть ему стул.
- Ну и... после того, как Иван Фёдоров с благодарностью принял его предложение, подперев щеку, глянул на просителя подстароста.
 - Видите ли...

Иван Фёдоров замялся, подыскивая слова.

– Нужно ехать в суд в Вильну... А мне недосуг за велико важными и пилно потребными справами...

Не стал Иван Фёдорович пояснять работнику суда, что задача перед ним стоит нешуточная: напечатать полную Библию. Так задумал князь Острожский, владетель многими землями, вековыми замками, обширными пашнями, лугами, лесами. Хорошее дело затеял князь ради сохранения и укрепления православной веры. И то, что пригласил для печати такой Библии его, Ивана Фёдорова, – это особая честь и почет. А когда дело любо – что день, что ночь, работаешь, не замечая времени.

- Понятно, понятно, глянув на утруженные крепкие руки печатника, приободрил его Киверицкий. А в чём заключается ваша претензия?
- Долг с должника, Якова Максимовича, хочу стребовать.
 - За что же?
- За книги, которые вин у меня для распроданья до рук своих побрал.
 - И большую сумму он вам должен?
 - Двести шестьдесят две копейки литовских грошей.
- Немало, немало, покачал голову подстароста. Ну, а расписка на этот счёт имеется?
- A как же? Вот, протянул печатник бумагу. Только сроки, в этих листах записанные, давно минули.

Подстароста внимательно изучил расписку. Всё верно: указана и сумма долга, и срок возврата, который давно уже прошёл.

- Ваше, дело, пан, выигрышное, можете не беспокоиться.
- Как тут не беспокоиться? Яков Максимович оное суммы пенязей и до сих часов не отдал. А время идёт, мне долги отдавать надо.
- Суд непременно решит в вашу пользу, будьте уверены.
- Да я ж кажу: некогда мне. Вот хочу товарищу моему Тимофею Михайловичу поручить в Вильну поехать.
- А вы точно ему доверяете? строго поднял очки Киверицкий.
 - Во всём доверяю, и на зыск и на страту.

Тимофея Михайловича Аннича, человека скромного, с мягким взором и спокойным взглядом, печатник знал ещё с Заблудово. Очень образованный, он был близок Ивану Фёдорову не только по духу, но и по ответственности, порядочности, что свойственно незаносчивым, с достоинством несущим себя по жизни людям. Доверял ему как самому себе, знал, что тот поручение исполнит сполна и копейку чужую никогда себе не возьмёт.

И как же был рад Иван Фёдорович, когда здесь, в Остроге, вновь встретил своего друга! Великий князь, оказывается, пригласил Аннича в созданную Академию как учёного мужа для подготовки полной Библии. Когда есть родственная душа, то и трудности обживания на новом месте, сложности новой работы уже не страшны, поскольку есть с кем поделиться, посоветоваться.

- Ну, тогда оформим доверенность. Ваш человек с вами?
- Тимофей Михайлович, кликнул Иван Фёдоров, подойди...

Сколько подобных судов за свою жизнь было у Ивана Фёдорова!

И ему были должны, и он должен был немало. Обычно сам представал перед строгими судьями, предъявляя договоры, отвечая на дотошные, изматывающие вопросы заседателей. И свидетелей ему приходилось приглашать, и сам проходил то как пострадавший, а то и как обвиняемый.

Каждый раз уходил из суда – оправданный ли, с печатью ли приговора не в свою пользу, – с тяжестью в душе оттого, что так бездарно, так невыносимо расточительно, непонятно на что уходит время. Судей не винил, это их работа, их хлеб, они должны стоять на страже законности и порядка. Но, будь некоторые люди порядочнее, а то и просто с пониманием того, что не ради наживы он старается, а ради дела книжного, а оно довольно непростое, сложное, глядишь, и удалось бы избежать многих разборок.

Как ни тяжелы денежные разбирательства, больнее всего ударило предательство его ученика, его надежды – Грини. За свои деньги печатник выучил, помимо того, что сам знал, у других мастеров Гриню искусству «живописи, столярного дела, форшнайдерства, резьбы по стали литер и других предметов а также типографского дела». Договором, который Иван Фёдоров заключил со своим учеником, Гриня мог выполнять на стороне любую работу, кроме «резьбы пунсонов и литер ко друку».

Но Гриня нарушил своё обещание. Почувствовав себя настоящим мастером, он сбежал от своего учителя – «уехал до Вильны и у пана Кузьмы Мамонича, бурмистра виленского, изготовил два русских шрифта».

Иван Фёдоров вместе со своим другом, известным художником Лаврентием Пилиповичем Пухало, обратился в Совет Львова с жалобой на нарушение договора. Пухало подтвердил, что печатник «на

протяжении двух лет подготовлял и учил живописному мастерству юношу Гринька Ивановича с подляского города Заблудова, отданного ему (в науку) типографом Иваном за назначенную соглашением награду».

- Всё повторяется... после суда сказал Лаврентию Иван Фёдоров.
- О чём ты? остановился, недоуменно глядя на него, Пухало.
- Да так... махнул рукой печатник. Думаю, Лаврентий, о корнях предательства...

Тень Гутенберга таки преследует его! Хотелось походить во всём на немецкого мастера, аж завидки брали – вот и получай. И друкарню ему приходится закладывать за долги, и история с учеником чуть ли ни один в один повторяется...

Стареющий Гутенберг также надеялся, видел опору и поддержку в лице своего ученика Петера Шеффера. Также кропотливо обучал его изготовлению литер, также любовался изящностью, выразительностью его работы. Наконец нашёлся человек, которому он доверился всей душой, который понимал его с полуслова и с которым он намеревался достичь новых высот в печатном деле. Иоганн Гутенберг уже считал ученика не только преемником, но и в душе – своим сыном.

Кредитор Фуст, который перетянул Петера Шеффера на свою сторону, в какой-то момент потребовал возврата долга. Состоялся суд, по нему новому владельцу отходила печатня Иоганна Гутенберга. Она могла тут же включиться работу, поскольку у Фуста был Петер Шеффер – молодой, грамотный, энергичный. А у Гутенберга после изъятия типографии оставались только долги да изрядно подорванное здоровье...

Кажется, изобретатель печатного станка Иоганн Гутенберг – человек, подаривший миру искусство

печатания книг, не только не нажил никакого состояния, а даже умер в безденежье, всеми забытый и заброшенный. Ну, а ему что предназначено?

Узнав о том, что Иван Фёдоров разыскивает его через суд, Гриня спустя год явился к печатнику и «просил пана Ивана при добрых людях, чтобы тот простил ему его повинности». Не помня зла, печатник простил его как молодого человека и порвал перед ним все жалобы.

В Гродском суде Львова меж сторонами была заключена мировая. При свидетелях составили новый договор, по которому, если Гриня в дальнейшем изготовит для кого-нибудь «литеры или шрифт для печатания» или будет работать в другой печатне без разрешения Ивана Фёдорова, он должен заплатить штраф 500 злотых, и ещё за возмещение ущерба 500 злотых.

Кроме того, Гриня должен завершить работу над литерами, которые он начал делать для Ивана Фёдорова, за это ему причитается 100 злотых. В свою очередь, печатник не имеет права никому другому не поручать эту работу, иначе с него взыскивается в пользу ученика 200 злотых. Если договор будет нарушен со стороны Ивана Фёдорова, то на него налагается такой же штраф, как и на Гриня.

- Иван, ты что тут застыл? вывел его из оцепенения знакомый мягкий голос.
- A-a-a, Михалыч... улыбнулся Иван Фёдоров. Да вот, стою, колокольный звон слушаю.

Аннич тоже поднял голову.

С небес, не переставая, нёсся заливисто-переливчатый звон, словно там, в вышине, волшебная музыка играла.

– Воистину малиновый звон... – задумчиво проговорил Иван Фёдоров.

- Это точно. А знаешь, посмотрел на него Тимофей Михайлович, что выражение «малиновый звон» вовсе не связано с красивым звучанием?
 - Вот как? Откуда же это идёт?
- Во фламандском городе Мехелене отливали самые лучшие колокола, настраивали их до чистейшего звонкого звука. В переводе с французского Мехелен звучит как Малин. Отсюда и название колокольного звона.
- Вот оно что... Я и не знал! Но я же не из Академии. Это ты там учительствуешь, грамоты изрядно набрался.
- Да мы тебе, Иван и в подметки не годимся. Все наши трактаты, измышления, это капля того, что ты сделал за свою жизнь. И ещё сделаешь...
- Да ладно тебе... смущенно потёр нос Иван Фёдоров.
 - Точно!
 - Но вы в Академии тоже полезное дело делаете...
- Да, сейчас списки Библии, из разных стран привезённые, сверяем. Работы...

Слушай! - остановился он. - А сейчас у нас там такое, такое...

- Какое?
- Идём! Тебя это тоже касается.

ГЛАВА XVI В ОСТРОЖСКОЙ АКАДЕМИИ

0ни шли не спеша, наслаждаясь переливчатым колокольным звоном, свежестью доброго утра, просто дружеским общением.

Конечно же, говоря о его заслугах, Аннич явно преувеличил, охолонув от безмерной благодарности в свой адрес, размышлял Иван Фёдоров. Эка хватанул: «Академия в подметки ему не годится!» Ну да, сделал он кое что, напечатал книг немало, и пошли они по городам и весям, храмам и монастырям, школам. И, как сказал друг, ещё немало сделает. Что ж, было бы неплохо. Иоганн Гутенберг прославился своей Библией, вот и ему сотворить бы такую же красоту. А то и лучше!

Сколько гонцов в разные страны послано за списками, сколько славных умов трудится, чтобы Библия вышла на славу – полная, исправленная, о которой мечтают истинные поборники православия. Ну, а ему предстоит напечатать её во всей красоте – с новыми заставками, выразительным шрифтом, в добротном переплёте. Такую, чтобы взял человек в руки, открыл её и ахнул: «Вот это да!»

Радует печатника, что князь во всём идёт навстречу. Сказал ему, что для отливки новых шрифтов нужно печь особую, с огнеупорным кирпичом построить – выделил деньги. Поведал, что бумага требуется не простая, а самая лучшая, марки «Топор» с филигранью, что выделывают мастерские Тенчинских в Кшешовице и в Тенчике под Краковом, – тоже нет отказа. А пока списки выправляются, князь попросил Азбуку

для его школы, при Академии созданной, напечатать. Что ж, и тут их желания совпадают.

Поскольку школа расположена рядом с друкарней, он частенько сюда захаживал. Интересно ему знать, как детишки учатся, хватает ли им необходимого. Всё здесь прописано, всё учтено, чтобы ученики ни в чём не знали нужды. Ежедневно выделяется по «три тетради дестных», а на год «полтораста тетрадей папери на то, киновари, орешков, копырвасу и кгумю на чернила». Единственное, чего не хватает, – Азбуки. Он рад бы дать из того, что напечатал во Львове, да всё быстро разошлось. Но ничего... Шрифты есть, заставки тоже, да и время, пока Библия правится, имеется, так что отпечатаем.

После первого выпуска Азбуки во Львове он понял, что в неё надо внести кое-какие изменения. Почему бы ученикам заодно со славянским ни изучать и греческий язык? Некоторые его знакомые, с которыми он поделился, напрочь отвергли эту идею. Что ты? Что ты! – махали руками, разве можно бедных детей так нагружать? Они русские склады еле овладевают, а ты ещё и греческим хочешь их загрузить? Да от этого вообще голова кругом пойдёт. Нет, куда там!

Ну да... Давайте будем жалеть, ограждать от нагрузок, чтобы, не дай Бог, дитятя не утомилось... Ладно, кто тугоум, бездарь или лодыря гоняет, таким всё не впрок. А ведь сколько ребятишек с вострым умом тянется к знаниям, которые рады больше познать, схватить – таким-то греческий язык и нужен. В княжеских и других богатых семьях детишек сызмальства учат не только греческому языку, но и латыни, а ещё географию, другие мудреные науки под присмотром специально приставленных учителей проходят. И вырастают из них талантливые полководцы, государственные деятели, научные мужи.

А сколько способных, одарённых детей растут в простых, небогатых семьях! Изучение греческого языка как раз и даст возможность повысить уровень обучения, выявить наиболее способных детей.

Иван Фёдоров пришёл к необходимости отлить литеры на греческом языке такой же высоты, такого же размера, что и русские. Только как разместить их на одной странице? Литеры различаются друг от друга, а «перескока» быть не должно. В конце концов он блестяще решил технически сложную задачу параллельного двухколонного набора разноязычных текстов.

Новая Азбука уже почти готова. Ну и как ни воздать хвалу его благодетелю, великому князю Острожскому? В предисловии печатник вывел такие слова: «Всесильною десницею вышняго бога умышлением благочестиваго князя Коньстяньтина Коньстяньтиновича княжети, Острозского, воеводы Киевъскаго, маршалка земли Волынское, старосты Володимерьскаго повелешу ему устроити дом на дело книг печатных. К тому же ещё дом и детем к научению в своём отчизном и славном граде Острозе, еже есть лежащей в земли Волыньстей. И избравши мужей в божественном писании искусных, в греческом языце и в латиньском паче же и в русском и пристави их к детищному училищу. И сея ради вины напечатана сия книжка по-греческия «Альфа вита», а по-русскии «Аз буки» перваго ради научения детьскаго многогрешным Иоанном Феодоровичем».

Время шло, а он всё никак не приступал к печати новой Азбуки. Всё что-то подправлял – то отдельное слово в предисловии на титульном листе не нравилось, то литеры, казалось, не так сидели. Всё возился и возился с Азбукой, так что князь Острожский уже стал на него покрикивать: «Чего не печатаешь? Всё ведь готово, запускай станок!».

Сколько раз потом Иван Фёдоров, крестясь, благодарил Всевышнего за то, что ему была дана отсрочка, иначе очень ценное не вошло бы в Азбуку. А так она настолько стала потом значимой, что о ней заговорили не только как о книжице «для наученья», но и имеющей для всего православного мира особое значение.

А вот и сама Академия.

Выкрашенное в светлые умягчающие тона, с куполообразной формой и строгими колоннами, это здание Ивана Фёдорова по приезду в Острог сразу привлекло своей необычностью. Здесь, в небольшом невзрачном городке, Академия словно бросала вызов приземленности, будничности и мелочности сует.

Аккуратно подстриженный, раскинувшийся во все стороны газон с ухоженными деревцами, фонтаны, и даже приятное похрустывание под ногами мелкого светлого гравия ведущей к широкому крыльцу дорожки – всё настраивало на особый, возвышенный лад.

Создавший Академию князь Острожский задумал её по образцу лучших учебных университетов Европы. Даже сведующие в этом люди, попав сюда впервые, одобрительно покачивали головой. Да и было чем восторгаться. В Академии изучали не только «семь свободных наук» – грамматику, диалектику, риторику, арифметику, геометрию, астрономию и музыку, но и философию, богословию, медицину. Преподавание велось на пяти языках: славянском, польском, греческом, древнееврейском и латыни.

Великому князю удалось привлечь не только талантливых учёных и мыслителей из разных стран, но и создать особую атмосферу творческого развития и демократичности. В Академии учили высказывать собственное мнение, спорить, отстаивать свои убеждения.

Избираемые на общем собрании учителя должны были не просто представить программу обучения, но и поделиться своим видением политической ситуации. Неудивительно, что здесь царил истинно дух науки, дух просвещения.

- Добрый день, панове, перестав шаракать метелкой, склонился перед ними благообразный, в расшитой синей ливрее старик.
 - Добрый, добрый.

И вновь, в который уже раз, что-то тронуло чуткую струну печатника, чуть слеза из глаз не выкатилась...

А ведь и в Москве Печатный двор выстроен на славу! Царь Иван IV, несмотря на то, что вёл множественные войны, не поскупился, и палаты были возведены воистину с царским размахом: светлые, просторные, с хорошей отделкой. Работай он там по сей день, и Библию бы с товарищами отпечатали, много бы других добрых книг выпустили. Как они там сейчас? Что делают? Поминают меня добрым словом, али наветы всё перекрыли? Хотя за что меня хулить? Ну да завистникам и гонителям Бог судья.

Они шли по блестящему до такой степени, что, казалось, поскользнуться можно, полу прохладного коридора со множественными дверями. Было тихо, из комнат слышались только приглушенные голоса. Где-то звучала красивая музыка, и хор стройными голосами тянул песню.

Когда-то он также ходил по пропитанным особым духом «альма-матери» коридорам, буквально летал с книжками, радуясь бурной, насыщенной атмосфере Краковского университета. Вот было время! Хотелось всё познать, схватить, намотать на ус. Сколько просиживал в библиотеках, сколько полезного, интересного познавал из лекций умнейших, Богом отмеченных преподавателей. А ведь и без дружеских пирушек не

обходилось, не червь же он книжный, а такой же, как и все. И вино лилось рекой, и в ночи с возлюбленной, да не с одной, воздыхал, – как же без этого, на то молодость и дана, чтобы сполна пользоваться её дарами...

Сутулясь и слегка приволакивая ногу, он еле поспешал за своим менее возрастным товарищем. Всё же, напоенный царящим здесь, в Академии, высоким духом Просвещения, чувствовал себя настолько молодым и безудержным, что скажи ему сейчас грызть науку – зубы будет ломать, но вкусит сладость познания нового, неизведанного. Да он и грызет её всю жизнь, новая Азбука, которую собирается печатать, а там и за Библию примется, – тому подтверждение.

– Вот здесь, – толкнул тяжёлую массивную дверь Аннич.

За большим, заваленным манускриптами, ворохами исписанных бумаг столом с разбросанными перьями, восседало несколько людей разного возраста и склада. Были здесь и седообразные, словно попавшие из глубокой древности, старики, были средних лет, с аккуратно подстриженными бородами, и изрядно полысевшие, потолстевшие, разные. Выражение лиц у всех было сососредоточенное, с думами о чём-то далеком, казалось, недоступном простым смертным.

- A-a-a, Тимофей Михайлович! полетело навстречу.
 - Ты где пропадаёшь?
 - Да он не один!

Разглядев в лице спутника Аннича именитого печатника, все разом смолкли.

– Дорогой Иван! Как мы тебе рады!

Сам ректор Академии Смотрицкий – высокий, подвижный, с зачёсанными назад волосами, отложив в сторону лист бумаги, бросился ему навстречу. Схватив руку печатника, долго тряс её, восхищённо

глядя на него, будто видел в первый раз. В небольшом Остроге все хорошо знают Ивана Фёдорова, друкаря из Москвы. Да и ему многие знакомы. К ректору же Академии Смотрицкому он испытывал особое почтение. Герасим Данилович выбился в учёные мужи из самых низов. Как он сам говорил, в юности «даже училища не видел». Работал обыкновенным писарем, но благодаря самообразованию, неимоверным усилиям, стал не только высокообразованным человеком, но и первым назначенным ректором Острожской Академии.

Кстати, родившийся в Остроге ещё во время пребывания Ивана Фёдорова сын ректора Академии Мелетий (в бытность в миру Максим) Герасимович Смотрицкий впоследствии станет известным писателем, автором прославленной «Славянской грамматики». И Азбука Ивана Фёдорова, которую будущий учёный изучал здесь, в острожской школе, стала его первой ступенькой на творческой дороге.

– Как хорошо! Как хорошо... – всё не отпускал руку печатника ректор Академии.

Наконец широким жестом указал печатнику на свободный стул.

- Проходи, пожалуйста, присаживайся.

Не ожидавший такого приёма, Иван Фёдоров только и вымолвил:

– Да что уж там... Да, право...

Усадив почётного гостя, Герасим Данилович протянул ему пару листов бумаги:

- Прочти, Иван. И скажи своё слово.
- Что это? близоруко сощурившись, поднёс листы ближе к глазам печатник.
- Скарга тень на плетень наводит... Ну, да ты прочти, вникни, а мы пока своё обсудим.

Учёные мужи зашуршали бумагами, негромко переговариваясь друг с другом.

Не любивший пристального внимания к своей особе, Иван Фёдоров сразу почувствовал себя легче, свободнее.

Скарга... Имя этого польского проповедника, ратующего за подчинение православия католической вере, ему хорошо знакомо. Сколько раз друзья из Львовского братства в своих яростных спорах возмущались его нападками на русскую церковь, сколько раз поминали его нелицеприятным, а то и откровенно грубым словом. Сам-то Иван Фёдоров сочинения Скарги не читал, недосуг ему было за налаживанием друкарни да печатанием книг. Всё собирался ознакомиться с его измышлениями, и вот пришло время.

ГЛАВА ХУН ТРАКТАТ ПРОПОВЕДНИКА СКАРГИ

Только когда от накопившейся усталости – всё-таки целый день водить пером весьма утомительно – стало сводить руку, и занемевшая спина запросила помощи, Пётр Скарга позволил себе перевести дух. Он удовлетворенно откинулся в массивном кресле, смежил отяжелевшие от долгого напряжения веки. Никогда не писал с таким рвением и воодушевлением. В свой трактат «О единстве церкви Божией и о греческом от этого отступлении», он вложил не только ум, знания, убеждения – всего себя, от крохотного волоса на голове до самых пят.

Что ж, господа хорошие... Я сказал своё слово! Убедительно, веско, доказательно. Попробуйте возразить. Найдёте, что?

Снисходительно улыбнувшись, Пётр Скарга вновь склонился над сочинением. Щепоткой мелкого песка посыпал свежую страницу. Взяв обеими руками листок, слегка дунул на него. Впитавшие в себя чернила песчинки слетели в сторону, миг – и нет ничего.

Вот так легко, непринужденно, – во всяком случае, казалось со стороны, – Пётр Скарга, проповедник церковного единства и унии между католиками и православными, расправлялся со своими оппонентами. Кого ниспровергал в пропасть, откуда бедолаге, пробовавшему было заикнуться против иезуита, уже было не выбраться, а кого по-отечески, как добрый отец возвращает заблудших овечек, он приобщал к католической вере. Это благодаря ему иезуиты на богословском диспуте в Полоцке одержали блестящую победу над кальвинистами, а также арианами, ярким представителем которых

был известный Симон Будный. А как он «перевернул» одного из лидеров литовских кальвинистов Николая Христофора Радзвилла Сиротку! Оставив своих собратьев по вере в полной растерянности, тот, вняв проповедям Скарги, вернулся в католическую церковь, да ещё немало прихожан за собой привёл.

Вот что значит крепкое, бьющее точно в цель слово! Не зря он впитывал ораторское искусство на философском факультете Краковского университета, не зря штудировал риторику, философию, другие, казалось бы, даже ненужные древние науки. Его товарищи в тавернах весело вино хлебали да девок охаживали, он же в библиотеках над книгами дотемна просиживал. Сколько книг перечитал – и не счесть. Да не лишь бы лишь бы, а вникая в то, что писали старцы и сохранилось через века, понимая: всё очень важно и ему весьма пригодится.

Вспомнив об этом, Скарга удовлетворенно потер руки. Застывшая было за время долгого сидения за письменным столом кровь теплой волной побежала по жилочкам. Чтобы окончательно прогнать скованность, Скарга, сцепив пальцы, вывернул их в обратную сторону, потянулся вперёд – до хруста в косточках, приятного напряжения в сдвинувшихся лопатках.

Он порывисто поднялся с кресла. Не с той лёгкостью, как в молодые годы, – как-никак, пятый десяток пошёл, но с бодрецом, свойственным всем активным людям. А в молодости энергия у него вообще била так, что и перехлесты бывали. Холерик, такой уж уродился, философски оправдался сам перед собой Пётр, что поделаешь. К тому же детство выдалось не сахар. Не в бедности, не в нищете, всё же быть младшеньким в небогатой шляхетской семье, где, кроме него, две сестры и три брата – это что-то значит. Когда же в восемь лет потерял отца, а в двенадцать – мать, совсем туго стало. Без помощи старших братьев он бы ничего не добился.

Пётр Скарга не любил вспоминать эти годы. Будь его воля – вычеркнул бы не только из памяти – из всей своей жизни, чтоб никто об этом не знал. Но нет-нет, да и слышал он в свой адрес снисходительный шепоток богатых шляхтичей: «Ну кто такой Скарга? Да, говорит складно, красиво. А какие у него корни? Какого-то безвестного рода-племени, всё равно, что крестьянский сын. Как он может с нами, знатными, шляхтичами, равняться, поучать, наставлять?

Пётр Скарга нервно прошагал по мягкому, устилавшему весь пол ковру, к стене, на которой висел его родовой герб. Словно желая убедиться в достоверности, проповедник провёл рукой по строгим линиям, кожей чувствуя не только лёгкую шероховатость, но и силу, значение геральдического знака.

Вот прямое доказательство его знатного рода. Что вам ещё надо?

Но знатные шляхтичи не зря тычут в герб Скарги как в слабинку. Знак этот он получил от короля Жигимонта третьего, уже будучи известным проповедником. А до этого кем был?

Шляхтичи держали камень за пазухой оттого, что он, Скарга, был ярым противником их многочисленных привилегий, резко критиковал за анархизм и распущенность. Не мог смириться с тем, как они жировали сверх меры, угнетали своих крестьян, не считались ни с чем. Но ведь надо перед Богом и королем ответ держать, умерить свои замашки и устремления. Чтобы государство было сильным, централизованным, нужна абсолютная власть короля. Нужна жесткость, а то и жестокость в борьбе с инакомыслием.

Другие проповедники стелили мягко, ровно, а Пётр Скарга рубил с плеча, не считаясь с авторитетами, чуть ли ни калёным железом жёг. Далеко не всем

это было по нутру. Но папа римский его поддерживал, и Скарга с каждым годом набирал вес.

Моё имя ещё так зазвучит, что сами придёте ко мне с распростёртыми объятиями, – скажете «спасибо, Скарга, за твою борьбу с еретиками», за твой весомый вклад в укреплении унии. А он, посмеиваясь, будет снисходительно принимать их речи, дары и, словно отпуская грехи, снисходительно молвить: «полноте, полно...»

Пётр Скарга подошёл к затухающему камину, ворохнул узорчатой кочергой подернутые серой пеленой розовеющие угли. Тотчас вскинулись, загуляли искры, некоторые даже на железный лист возле камина выскочили.

Он подбросил в камин пару полешек. Присев на низенькую скамеечку, задумчиво глядел, как дрова долго, словно нехотя, тлели, дымились, как тихонько занялось сначала с одного бока, как огонь всё сильнее охватывал сухие поленья, как, словно осмелев, начал яростно пожирать их, потрескивать, неся жар и тепло во все стороны.

Своим новым трактатом «О единстве церкви Божьей» он разворошит сознание многих, протягивая руки к камину и приятно ощущая идущее тепло, рассуждал Пётр Скарга. Главное – обратить как можно больше православных в католическую веру и тем самым укрепить недавно возникшее путем слияния Польшы и Литвы новое государство. В Риме ждут результата, очень надеются на него. И он не может, не имеет права подвести своих покровителей.

Огонь в камине пылал уже вовсю. Красные блики пламени ложились на твердое, надменного римского профиля лицо проповедника с резкими, чеканившими его носогубными складками.

Да, это уже не спор, плотно сжал он жёсткие губы. Это похлеще словесных дебатов, бескровных

диспутов. А как иначе? Не время слюньтяйничать и медлить, надо действовать. Действовать!

Дураки те, кто надеется только на силу меча и пушек. Оружие надо использовать только в крайнем случае. Да и насколько это эффективно? Сколько примеров, когда побеждённые, казалось, обескровленные уже донельзя народы вскидывались на борьбу со своими завоевателями и те спешно уносили, в лучшем случае, ноги. А то и погибель на временно покорённых землях находили. Нет, надо действовать ловчее, хитрее, тоньше. Слово! Вот оружие всех времен и народов! Кто обретёт его в свою пользу, тот и веру установит, и власть. Словом можно и убить, и воскресить. Действие Слова, если его умело употребить, дойдёт до сердца, проникнет в самую душу. А кто владеет душами, тот владеет территориями, всеми богатствами на ней.

Пётр Скарга, не отрывая взора от пылающего камина, мысленно перебирал каждую строчку своего сочинения. Всё ли он предусмотрел в трактате, всё ли учел? Самим названием «О единстве церкви Божией и о греческом от этого отступлении» он чётко обозначил свою позицию: не может быть разделения церквей на католическую и православную, вторая должна непременно подчиниться первой. Почему? Да потому что католическая вера стоит на порядок выше, чище, благороднее. Взять безбрачие католического священства – это неотступное правило, при котором все помыслы необремененного семейством служителя церкви устремлены к Богу. А у православных брак – с неизменными разборками с женой, соплями мал мала меньше детишек, воплями – норма. Ни к чему хорошему это не приводит.

В этом месте надо усилить, стукнуло в голову.

Пётр Скарга вернулся за письменный стол. Обмакнул перо в чернильницу, застрочил на бумаге: «Брак сделал в Руси то, что священники омужичились...»

Да, надо прямо-таки ткнуть носом русичей, пусть утираются. Ну, как опустившиеся священники могут вести за собой паству? Куда? А раз так, то бразды церковного управления русичи должны передать католическому Риму.

Уния, то есть соединение церквей, – благо для русского народа. Но как доказать это православным? Как убедить их, чтобы не спугнуть иноверцев? Беспрекословного подчинения они не потерпят, гордости у них много. Надо, уступая в малом, выиграть в другом. Пусть, например, оставят себе свои обряды служения в церкви, Бог с ними, это мелочи.

Брызги чернил вновь полетели из-под пера проповедника. Будто и не было многочасового сидения за столом, нет ничего на белом свете, а есть только эта мысль, которую надо развить, припечатать так, чтобы нельзя вытравить даже калёным железом.

Выплеснув на бумагу набежавшие мысли, Скарга вновь задумался. Всё же не это главное. А что же?

Язык! Родной язык православных – вот что мешает «вящей славе» унии, безраздельному господству католиков. Да, начинать надо именно с языка! Ведь язык – это не просто словеса, не просто речь со своими особенностями, говором, местечковыми диалектами. Это – сам образ мышления, основа национального сознания и духовнности. «Пока я мыслю, я существую», говорил великий Декарт. Отнять у народа язык – значит лишить его культуры, чувства собственного достоинства. Если исподволь, незаметно, насадить на Руси свой, со своими оборотами, особенностями речи язык – и направление мысли православных изменится.

Да, сделать это непросто. Но он, Скарга, возьмется за архисложную задачу, подтвердит репутацию блестящего проповедника. И он знает, с чего надо начать!

Сначала надо сначала внедрить в сознание славян неверие в свой язык, посеять сомнение в его ценности и значимости. Неверие перерастёт в отрицание и преклонение перед другим языком, якобы, более чистым и праведным.

«Ещё хуже то, – застрочил он, – что греки передали славянам свою веру на славянском языке, а не на греческом. Какой же язык славянский? Способен ли он передать богословские и научные понятия? Всему свету известно, что наука преподается лишь на латинском языке, как прежде преподавалась на греческом. Не было в мире ни академий, ни коллегий, где бы науки, например, философию или богословие, излагали на славянском языке...»

Скарга отложил перо, самодовольно потер руки.

Как я врезал?! Так-не так, пусть русские попробуют отмыться. Кто пограмотнее – уразумеет, что тут понапраслина возведена. Большинство же не углубляются, схватывают лишь то, что на поверхности. Глядишь, число католиков и вырастет.

Так... Что бы ещё написать значимое, такое, что сразу ударит по мозгам? А разовью-ка я мысль о том, что славянским народам ввиду их забитости остается только переводить свои тексты на польский язык. Что, якобы, в их книгах нелепости и ошибки бесконечно возникают, словно слепой водит слепого.

И вновь скользит по бумаге перо, рождая новые умозаключения, сногсшибающие выводы.

«Со славянского языка нигде и никто учёным быть не может, – твердит в упоении Скарга, – уже теперь почти никто его досконально не понимает...»

Родив своеобразную теорию, Скарга уже настолько проникся ею, что, кажется, она и не требует доказательств. Это – как аксиома, которую остальные должны принимать на веру, потому что она единственно правильная и непоколебимая.

Пётр Скарга воодушевлен. Его учение пойдёт по городам и весям, станет проникать в сознание тысяч, десятков тысяч прихожан православных храмов. Люди станут чесать затылки, задумываться: «Во-он оно что! А мы и не знали...»

Скарга представил, как он стоит в православном храме с устремленными на него взорами – гордый, сильный, представляя другую нацию, другую веру. В белой одежде, взмахивая широкими рукавами, громогласно сея слова, он, возвышаясь над толпой, – как истинный Бог, за которым пойдут, должны пойти люди. Ведь это так ясно, так убедительно!

«Ибо нет на свете нации, которая на нём, как в книгах написано, говорила, а своих правил и грамматик с толкованием для языка этого не имеется и быть не может».

Скарга остановился, в раздумье почесал узкую, клинышком сходящую книзу бородку.

Не слишком ли я здесь хватил? Может, урезать? Больно уж того ...

А-а-а, махнул он рукой, глядишь, и пройдёт...

Надо только смелее, наглее, не останавливаясь, идти вперёд. Только вперёд! Папа Римский поддержит, ободрит: «Давай, гни нашу линию, иезуит, не робей!»

Мысленно воодушевлённый поддержкой папы Римского и убедительностью, как ему казалось, сво-их слов, он вновь склоняется над бумагой. Завершить надо на победной ноте – сильно, ярко, так, чтобы сомневающиеся вздрогнули, очнулись, словно от тяжёлого сна, и обратились к католической вере

«...Итак, чего ждать тебе, западнорусский народ? – кинул он призыв. – Брось греков и москалей, от них не будет добра, и обратись к Риму! И как это обращение будет полезно гражданскому союзу и государственной силе Польши... Что же мешает соединению с

нами? Полуязыческая варварская Москва, которая держит тебя в схизме (то есть в греческой вере)? Но неужели не отвергнешься от этой погибшей своей сестры?..»

Хор-рошо! Хорошо!

Поставив жирную точку, Пётр Скарга вскочил с места, достал из инкрустированного шкафчика бутылку доброго вина, привезенного из последней поездки в Рим. Глянул на свет – вино заискрилось, загорелось таинственным рубиновым светом. Наполнив полный бокал, он сделал небольшой глоток, прислушиваясь к утончённому – чуть терпкому, с оттенками миндаля, аромату, наслаждаясь от всей души.

Вот ведь умеют итальянцы, поляки, кого в Европе ни возьми, делать и вино изысканное, и мебель отменного качества, посуду, что ни возьми, – причмокнул Скарга. – Научные трактаты тоже... – не преминул похвалить он свой опус. Всё у него в сочинении «О единстве церкви...» научно обосновано, разложено по полочкам, бьёт не в бровь, а в глаз!

Он уже видел, зрил, как под действием его убеждений тянутся из лона православных к католической вере люди, как отказываются они от православных убеждений, становясь истинными сынами и дочерями новой паствы.

Так и будет!

Сделав большой глоток, Скарга покрутил в руках пустой, с лёгким розоватым налётом на стенках, бокал.

Куда они от нас денутся!

То ли вино оказало на Скаргу своё действо, то ли нахлынувшие мысли потребовали некого своеобразного завершения своего «убийственного», как он окрестил для себя, трактата, но в голову ему пришла интересная мысль.

Проповедник мигом очутился за столом и споро, размашисто, поверх названия «О единстве церк-

ви Божией под одним пастырем», настрочил: «Князю пану Острожскому от Петра Скарги».

Да! Пусть всемилостивейший князь примет сего «троянского коня», да и задумается, туда ли он идёт сам и ведёт за собой славян.

Несколько отстранившись от стола, Скарга полюбовался на своё творение.

А мы ещё вот так...

Макнув перо, он после слов «Князю пану Острожскому», добавил: «Ко мне милостивому...».

Прищурившись, как бы со стороны оценивая произведённый при подношении князю эффект, Пётр Скарга сладко потёр руки и, несмотря на то, что в кабинете был один, залился негромким довольным смехом.

* * *

Чем больше Иван Фёдоров вчитывался в послание Скарги «О единстве церкви Божией под одним пастырем», озадаченно почесывая жёсткую, с лёгким налётом щетины щеку и возмущённо качая головой, – надо же такое написать! – тем сильнее росло в нём негодование, смешивающееся с накатывающей откуда-то несвойственной ему волны откровенной ненависти.

«Ах, паршивец... Паразит...» – останавливаясь на отдельных строчках и перечитывая их заново, ерзал он на стуле.

М-да-а-а... Сей, стелющий дорожку в сторону католической веры проповедник во много раз опасней иных недоброжелателей. Он размахивает своей теорией, как знаменем. А если учесть, что католик вещает ярко, выразительно, впечатывая в сознание каждое слово, немудрено, что немало православных может сбить с пути истинного.

Но сколько в его словах наглости, вероломства и неприкрытого обмана!

- ...Что скажешь, Иван? вывел его из раздумий голос Смотрицкого.
 - Ну... отложил листы в сторону Иван Фёдоров.
- Не знаешь сразу, что и ответить? пришёл ему на помощь ректор. Вот и мы в Академии ломаем голову. Как дать достойный отпор Скарге?

Он взял в руки трактат.

- «Брось греков и москалей, западнорусский народ, обратись к Риму...» громко прочёл он вслух. Вот ведь что проповедует!
- Цель Скарги не просто отворотить украинцев от Руси, а и посеять меж народами недоверие и рознь, хмуро бросил сидевший за столом напротив Василий Суражский, автор многих полемических сочинений.
- Вот и напиши в ответ свой трактат, разбей наголову утверждения Скарги, предложил Смотрицкий.
- Написать-то я напишу... Только как до людей довести, чтобы многие знали?
- Хорошо бы отдельной книжицей напечатать, предложил Аннич.
- Да, хорошо бы. Можешь это сделать, Иван? обратился к печатнику ректор.
- Можно, конечно. Но когда? С меня князь особливо за Библию спрашивает. И Азбука, говорит, позарез для школы нужна, велит печатать немедля.

Воцарилось молчание.

– Похожие доводы, что высказывает Скарга, приводили ещё в далекой древности, – нарушил нависшую тишину Суражский. – «Если бы Богу было угодно, он бы с самого начала дал славянам письмена, чтобы они на своём языке Его прославляли», – процитировал он

слова, направленные против создателей славянской письменности святых Кирилла и Мефодия.

- Сколько им пришлось испытать гонений... задумчиво проговорил Андрей Рымша, известный сочинитель, «небо не раз прославивший в своих суждениях». У Кирилла, в миру Константина, за учёность именуемого Философом, лихоимцы пытали: «Как осмелился ты создать славянские письмена, если от Бога дано лишь три языка, на которых с помощью письмен можно Его славить: еврейский, греческий да латинский?».
- Слава Богу, нашёлся человек, который донёс для нас подвиг Кирилла и Мефодия, перекрестился Смотрицкий. Мы должны быть благодарны болгарскому черноризцу Храбру, который в десятом веке в своём « Сказании о письменах» поведал историю создания славянской письменности.
- А кто сейчас об этом знает? горестно усмехнулся Аннич.
- Слушайте, Скарга вот ещё что пишет, вновь обратился к трактату польского проповедника Смотрицкий, «Какой же язык славянский? Способен ли он передать богословские и научные понятия? Всему свету известно, что наука преподается лишь на латинском языке, как прежде преподавалась на греческом.»
- Какая ложь! вскочил с места Иван Фёдоров. Свой трактат Скарга написал спустя три года после того, как я напечатал Азбуку. Он не мог об этом не знать. Но утверждает: «Не было в мире ни академий, ни коллегий, где бы науки, например, философия или богословие, излагали на славянском языке...»
- Как против Кирилла и Мефодия враги славянской культуры семьсот лет назад козни строили, так и Скарга сейчас Азбуке Ивана Фёдорова палки в колеса вставляет, заметил Аннич.

- Вот бы поведать православным людям «Сказание о письменах» монаха Храбра... Чтобы все знали, что истоки славянской письменности заложены ещё в далекой древности, раздался чей-то голос.
 - Особенно детям полезно знать свою историю...
 - Верно!
 - Но как это сделать?

Перебивая друг друга, учёные мужи стали каждый выказывать своё, доказывать, потрясая листами бумаги, – раскрасневшиеся, взбудораженные, как расгалдевшие, донельзя расходившиеся школяры.

- Тише, уважаемые, тише, успокоительно повёл рукой Смотрицкий. Итак, подведём итоги. В ответ на трактат Скарги Суражский что-нибудь сочинит, он у нас по этой части мастер. Напишешь, Василий?
 - Да, да...
- Конечно, хотелось бы листами напечатать. И мысли насчёт «Сказания» о великих просветителях Кирилле и Мефодии хорошие. Я только «за»! Но, видимо, не получается... развёл руками Смотрицкий.
- Всё! твёрдым голосом, в котором зазвучали явные нотки недовольства и даже некоторой обиды, закончил ректор. Что там у нас на очереди? Очередной список Библии? Давайте обсудим.

Все потянулись к своим бумагам и манускриптам.

глава хунн «и во веки веков...»

Ладил ли Иван Фёдоров старые московские литеры для Азбуки, лил ли новые для Библии, вырезал ли на доске изображение князя Острожского, из головы не выходила встреча с друзьями из Академии.

Насколько же основательно учёные мужи знают историю, вникают в неё до самой глубины... Особенно понравилось ему замечание про создателей славянской письменности Кирилла и Мефодия. Да, наши дети это должны знать!

Кто-кто, а детишки впечатлительно впитывают всё, что слышат и видят вокруг себя. Как музыкальный инструмент звучит красиво или с искажением звуков, так и восприимчивая детская душа «поёт» сообразно настройке. И какая же борьба идёт за умы, коль иезуиты не гнушаются ни обманом, ни подлогом. Скарга – лишь один из проповедников католической веры. А сколько таких по всей Руси! Вода, как известно, камень точит, что уж говорить о неискушенных детских душах. Вот иезуиты и начинают с детей.

Вечером, когда от навалившейся усталости словно тяжёлым камнем стало придавливать, Иван Фёдоров решил оставить наконец дела и прогуляться к реке. С неких пор это стало у него уже в привычку, даже настоятельной потребностью. Вначале он удивлялся сам себе: как это можно ходить просто так, без дела, прямо-таки неудобно, словно он бездельник какой. Никогда не позволял себе тратить время попусту, а вот теперь сбавил рабочий ход.

Он шёл по густотравью, вдыхая полной грудью множественные, сливавшиеся в единый ядрёный дух запахи. Крепко била в нос прогретая, казалось, насквозь земля, щекотали ноздри распустившаяся мать-и-мачеха, к ним примешивались горчинка раскинувшейся повсюду полыни, терпкость набиравшего силу скромного чабреца.

Коротко стрекотнув, из пожухлой травы в синеву неба взвился невесомый кузнечик. Выпустив чуткие усы-антенны и насторожив выпуклые стекляшки глаз, по-хозяйски уселся на прогнувшуюся под ним былинку. Кузнечик был тих и неярок, с коричневато-серым, делающей его неприметным в луговом раздолье окрасом. Он сливался со всем, что окружало его – напоенными травами, успокоённым небом, ярким, но уже остывающим, клонившемуся долу летним солнцем.

Ветер качнул возвышающуюся травинку. Кузнечик крепче схватился за родную опору, утвердился на своём посту. Казалось, ему и невдомёк, что могут быть напасти, подстерегать какое-нибудь нежданное нашествие. Греет солнце, кругом тишина и благодать...

Нисколько не потревожился кузнечик, и когда тень закрыла солнце, распростерлась прямо над ним. Согнутая лодочкой ладошка уже готова была прихлопнуть беспечного кузнеца, но в самый последний момент силы небесные отвели напасть в сторону.

– Лети, дружок, лети...

Иван Фёдоров, как в далеком детстве, разжал руку.

Пружинисто оттолкнувшись, кузнечик понёсся в спасительную траву.

Брёл ли Иван Фёдоров разноцветным лугом, стоял ли на обрыве реки, прислушиваясь, как журкочет, вихрясь белыми бурунами и вспениваясь, вода, бьёт сильная рыба, отчего во все стороны расходятся большие круги, – мысли о разговоре в Академии не оставляли его.

Кажется, и сейчас его жжёт взгляд ректора Смотрицкого – острый, пронзитеьный требовательный. Взгляд, который весьма недвусмысленен: «Надо, брат, надо!»

А он промолчал, ничего не сказал в ответ...

Все понимают: он, печатник, – человек подневольный, не смеет князя ослушаться. Как, впрочем, и остальные члены Академии. Но что ему остальные? Каждый отвечает за себя, и он должен был, обязан, если не сказать сразу, то хотя бы обнадежить тем, что основательно подумает. Но время идёт, а он так ничего и не предложил.

Верно заметил Аннич: Скарга ударил по его Азбуке, как бы отметая её, не замечая напрочь. А ведь боится её влияния иезуит! И выпуск новой Азбуки будет ему не по нутру, совсем не по нутру.

Не сегодня-завтра он примется её печатать. Детишки в Острожской школе уже заждались, все спрашивают, когда же будет Азбука. И князь торопит. Что ж, скоро будет, скоро!

Уже когда возвращался домой, измученный мыслями и переживаниями, слегка поводя плечами от вечерней зябкости, вдруг стукнуло его, прямо-таки ошарашило: а ведь можно кое-что из «Сказаний» черноризца Храбра взять, да и вставить в новую Азбуку! Упомянуть, как семьсот лет назад преследовали Кирилла и Мефодия, привести те самые строки, что цитировал на заседании Академии Суражский. Ему сразу стало так легко и радостно, что захотелось рвануть к Смотрицкому, поведать об этом. Да, тогда, в Академии, он не нашёлся, что сказать, но вот сейчас – узрел. Нашёл!

Дома в избе, шагая из угла в угол, машинально накручивая на палец жесткие кончики густой бороды, он понял, что привести в Азбуке некоторые цитаты «Сказаний» будет недостаточно. Вырвав из текста отдельные куски, не передашь всю полноту замысла автора. Надо в Азбуку вставить всё «Сказание»! Да, да! Отвести этому целый раздел. Вот тогда это будет ярко, зримо, запомнится ученикам на всю жизнь! Пусть знают, в каких муках рождалось русское Слово, ценят его и берегут.

Конечно, как и с греческим языком, найдутся сомневающиеся: «А зачем это?» «Ребёнку трудно будет понять...» Чушь! Узнав о Кирилле и Мефодии, дети проникнутся почитанием к великим людям, стоявшим у истока славянского Просвещения. А знание своих корней – это что ни на есть предмет национальной гордости.

Так и надо сделать!

И словно гора с плеч свалилась. Быстро заснув, Иван Фёдоров, как никогда, спал таким крепким и глубоким сном, что присуще только безгрешным праведникам да детям.

Июньское солнце встает рано. Хрипастые петухи ещё не откричали свои песни, а на горизонте, с каждой секундой становясь всё более зримым, всплывает алый диск. Пленяющее свежестью и утонченной нежностью, солнце похоже на живое существо, которое только-только зарождается и набирает силу.

Восход солнца, каждый раз окрашенный в особые тона, всегда наполнял Ивана Фёдорова, привыкшего вставать ни свет ни заря, особенной силой. А на этот раз ещё что-то другое, необъяснимо идущее изнутри, воодушевляло его, толкало вперёд. Каза-

лось, зажигается нечто новое, дающее в жизни яркий свет, раскрывающее глаза на необычайно важные вещи.

Его Азбука...

Он шёл к ней всю жизнь – сначала мечтая как о невероятном, что могут себе позволить себе лишь необычайно умные, словно не от мира сего, люди. Пообщавшись с учёными мужами, такими как Максим Грек, митрополит Макарий, набравшись мудрости древних книг, понял, что не Боги горшки обжигают.

Он уже видит, зрил свою новую Азбуку.

Иван Фёдоров представил, как упоенно будут читать детишки о великом деянии великих просветителей Кирилла и Мефодия, как удивленно уставится в Азбуку иезуит Скарга, и лицо Ивана, изрядно изборожденное усталыми морщинами, просветлилось.

Нет, не зря он бился в этой жизни. Вынужденный покинуть родную Русь, трясясь дальними дорогами, обретая новое пристанище, новых друзей, всё же не отступал от главного, на что его сподобил Господь – «рассевать семена духовные по всему миру...» И что может быть радостней, чем печать новых, полезных православному миру, великой Руси, всем людям – книг!

Перекрестившись, Иван Фёдоров склонился над наборным ящиком.

Его пальцы с загрубевшими подушечками от постоянного соприкосновения с острыми металлическими литерами брали буквицу за буквицей из ячеек, закладывали в верстатку. Скажи ему набрать с закрытыми глазами – нисколько не запнется, поскольку на ощупь знает каждую букву с её вырезами, закруглениями. Ведь сам вырезал, отливал их, добиваясь того, чтобы все были ладные и ровный держали строй.

А вот та самая «ж» – «живете», «жизнь», значит, – нащупал он растопыренную, похожую на жучка, буквицу. Когда-то его Ванятка игрался с ней, по полу возил...

Как не давалось мальчонке познание букв, как он сердился на него, даже к слону водил, дабы заинтересовать сына. А была бы Азбука – с картинками для каждой буквы, яркая, выразительная, глядишь, и легче пошла бы учёба.

Да... Не выполнил он тогда обещание, не подарил сыну Азбуку, как обещал, только сейчас смог её составить. Теперь уж детям его сгодится, кои скоро появятся. Сын недавно женился, так что внуков недолго осталось ждать.

Вот бы порадовалась за Ванятку, теперь уже взрослого сына, готовящегося стать отцом, его мать. Да и за него, Ивана Фёдорова, мужа своего, ставшего первым печатником на Руси, а потом и главным друкарем на Украине. Уверен, не испугалась бы трудностей, пошла бы с ним по дальним дорогам, разным странам, чего бы это ни стоило. И в полной мере познал бы ребёнок материнскую ласку, а он – заботу своей верной супруги.

Но человек предполагает, а Бог располагает...

Образ её, с годами ставший несколько расплывчатым, всё более отдалявшимся от него, тем не менее, не уходил, не терялся, вставал перед глазами каждый раз, когда ему приходилось в жизни туго и хотелось ощутить родное плечо, поговорить, – не поплакаться, но ища тепла, – тепла, которого зачастую так не хватало.

Глаша... Почему он выбрал именно её – немногословную, сдержанную в движениях, несколько строговатую, особенно когда сводила бровки и хмурила взгляд? Сколько было девок другого рода – ярких, рас-

сыпающихся весёлым смехом, говорливых, податливых. Нет, ему только Глашу подавай. Чувствовал, что за кажущейся неприступностью, как за каменной стеной, кроется нечто сокровенное, чистое, что не может и не хочет раздаривать каждому встречному-поперечному, тратить себя, а бережёт для такой же, схожей по доброте и цельности, натуры, которой откроётся она и одарит со всей щедростью.

Томясь внутри себя, ничем не выказывала свою симпатию, Глаша тоже определила для себя единственным его, Ваню. Как родственные души тянутся друг к другу, так и они чувствовали в каждом нечто, что сближало их, а потом и связало невидимой ниточкой, верилось, казалось, – навеки.

Ему почему-то чаще вспоминались не яркие моменты, а простые, будничные, – во всех деталях, до малейшей чёрточки, и она в этот миг представала передним как живая.

...Поздний вечер. За окном – непроглядная темень. А здесь, в избе, светло, как в божий день. И свет этот не от лампадок под образами, не от зажженной лучины. Ему хорошо оттого, что она рядом – сидит ли за столом, гремит ли горшками, просто что-то негромко говорит. Он и не представлял, что счастье может быть таким – тихим, домашним, неброским.

Вот она, закидывая за голову оголённые белые руки, потягиваясь, так, что, кажется, косточки захрустят, в изгибистом повороте к нему сквозь опущенные ресницы притомленно, сквозь зевоту, молвит: «Спать хочу-у-у...». И эта доверчивость, этот сладкий, во весь рот, зевок, растянутое сложенными в забавную трубочку губами «у-у-у...» вместе с кошачьей выгнутостью стана – всё такое милое и трогательное, что ему боязно словом ли, жестом спугнуть набежавшую сладость.

Ах, как много бы отдал он сейчас за это трогательное и беспомощное «спать хочу...» Да он бы со всей нежностью, что есть на белом свете, взял бы свою лебедушку на руки, нёс как пушиночку, бережно уложил бы в мягкую постельку: «спи, дорогая, спи...» Притушил бы все огоньки, ходил бы тихой мышкой, чтобы не пробудить родное существо. И даже весёлому сверчку, что негромко поигрывает на свирельке за печкой, наказал бы: «Тс-с-с... Глаша спит...»

Она любила, когда он гладит её волосы, просила иногда: «Погладь...». И он склонялся над ней - притихшей, замеревшей и доверчивой. Сначала ему непривычно было трогать грубоватыми от огня и металла руками мягкую шелковистость волос. Казалось, сделает что-то не так и обидит её. Но по довольному личику и умиротворённому посапыванию понимал, что ей приятно чувствовать сильные руки, просто ощущать его рядом. Когда же он, забравшись в гущу волос, кончиками пальцев тихонько нащупывал её милую головку, каждый раз удивляясь, до чего же она, как мячик, округлая и ровная, Глаша, не раскрывая глаз, лишь удовлетворенно мурлыкала. И он готов был также успокоенно урчать и жмурить глаза от удовольствия. В этот миг всё вокруг, и он сам, казалось, очищался от ненужного, лишнего, и оставалось лишь главное, самое важное.

Как получилось, что она вошла в его жизнь и настолько заполнила её собой, что стала неотьемлемой частью, его второй половинкой? Как он раньше жил, дышал без неё?

Задавая эти и множество других вопросов, он смотрел на неё и не мог насмотреться. А Глаша, ничего не ведая, спала. Спала как невинное дитя, уютно поджав под себя ноги, обозначив под одеялом

выступающие коленки и подложив под щеку мягкую ладошку. Сон приминал её мордашку, разрисовывал мелкими паутинками, делая весьма забавной. Он смотрел на неё в упор, всеми силами стараясь, чтобы она очнулась, раскрыла глаза и что-то сказала ему в ответ.

«Глаша... Родная жена... Ну, открой глазки, взгляни на меня. Не может быть, чтобы ты не чувствовала меня. Я же здесь, рядом. И всегда буду с тобой, что бы ни случилось. Слышишь?..»

Но Глаша, убаюканная его поглаживанием, в своём забывчивом сне витала где-то далеко-далеко.

«Что тебе снится, родная? – не оставлял он попыток пробиться к ней. – Есть ли мне место в твоих далеких снах? Не может быть, чтобы не было, ведь мы с тобой теперь вместе – навсегда!»

Эти горячие слова, казалось, долетели до Глаши. Лёгкая тень пробежала по её дремотному лицу. Округленький носик, поведя вбок, слегка сморщился, словно собирался чихнуть – а, может быть, что-то хотела сказать – что именно? – но передумала, и вновь погрузилась в безмятежное состояние.

А он тихо возликовал: пробился-таки к своей женушке, даже во сне тронул сердце Глаши!

Немного прожили они вместе. Ванятка только встал на ноги, второй уже ребёнок был на подходе. Но не суждено было его дорогой жене пожить на белом свете. И ребёнка не стало, и её. Двоих родных существ сразу лишился он тогда.

Казалось, как дальше жить? Свет был не мил, ничего не хотелось...

Пуще прежнего окунулся он в работу. И днём и ночью вырезал, выстругивал, лил металл. И это спасало.

«...Глаша, родная.. Видишь ли меня оттуда, с неба? Я уже стар, сед, и всё ближе тот час, когда мы с тобой

свидимся. Но пока ещё есть дела на земле. Нашему Ванятке Азбуку обещал, надо исполнить свой долг. Если не для него, то для его детей Азбука на пользу будет. Да и других книг, пока жив на белом свете, дай Бог, ещё напечатаю...»

« 1.Пръжде убо словъне не имъхж книгъ. нж чрътами и ръзами чътъхж и гатаахж погани сжще».

В свете разгорающегося дня тускло заблестели первые строчки набора.

Поправив в очередной раз налезшие на глаза длинные волосы, Иван Фёдоров перечитал текст.

Ведь прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен, но (читали) и гадали с помощью черт и резов...

Начало есть...

Рука снова потянулась к верстатке.

Буква за буквой, слово за словом, предложение за предложением, и постепенно вырисовывалась дошедшая из глубин веков история создания славянских письмен.

- II. Кръстивше же са, римсками и гръчьскыми писмены. нжждаахж са словънскы ръчь безь устроениа. нж како можеть са писати добръ гръчьскыми писмены. бъ. или живштъ. или зълш. или црковь. или чаание. или ширшта. или кдь. или жду. или юность. или жзыкъ. и инаа подобнаа симь. и тако бъшж многа лъта.
- II. Когда же крестились, то пытались записывать славянскую речь римскими и греческими письменами, без порядка. Но как можно хорошо написать греческими буквами: «Бог» или «живот», или «ѕъло», или

«црькы» или «чаание», или «широта», или «мдь» или «жд», или «юность», или «мзык» и иные подобные этим (слова)? И так было многие годы.

Иван Фёдоров привычно набирал текст, отрешившись от всего, что окружало его в этой жизни. Погрузившись в далёкие события восемьсот шестьдесят третьего года, он переживал за братьев Кирилла (в миру Константина Философа) и Мефодия так, словно сам был на их месте...

Вот он читает письмо князя Моравийского славянского государства Ростислава к императору Византии с необычайной просьбой: «Хоть люди наши язычество отвергли и держатся закона христианского, нет у нас такого учителя, чтобы нам на языке нашем изложил правую христианскую веру. Так пошли нам, владыка, такого мужа...»

И призвал к себе император Византии Константина Философа и сказал ему: «Философ! Путь в Моравию долог и тяжек. Я знаю, что ты слаб здоровьем и изнурён трудами, но подобает тебе туда идти, ибо дела этого никто другой совершить не может – только ты!»

На что был ответ Философа: «Я болен и утомлён телом, но с радостью приму на себя этот труд. Только есть ли у славян Азбука, пригодная для их Языка? Ведь излагать мысли, не имея букв, всё равно, что писать на воде». Император сказал: «Ни дед, ни отец мой не слыхали, чтобы у славян была своя письменность. Но моли господа, и Он даст тебе всё, что нужно».

Вернувшись домой, Константин Философ стал молиться. Услышал Бог его молитву, и надоумил его написать славянскими письменами слова Священного Писания «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...»

Узнав об этом, византийский император отправил князю Моравии письмо: «Бог, который хочет, чтобы каждый пришёл к пониманию истины, увидев веру твою, сотворил чудо, явив буквы для языка вашего, чтобы и вы были причислены к великим народам, что славят Бога на своём языке. Мы посылаем к тебе того, кому Бог объявил их – мужа честного и благоверного, книжника и философа. Прими же дар этот, что ценнее серебра и золота, драгоценных камней и всего преходящего богатства».

С великой честью принял князь Моравский Ростислав Константина Философа и его брата Мефодия. Братья перевели на славянский язык «весь церковный чин» и в церквах стали служить по-славянски.

III. По том же члколюбець бъ строжи и всъ. и не wставлъж члча рода безъ разума. нж вса къ разуму привода и спсению. помиловавь родъ члчь. посла имь стго кwстаантина философа нарицаемаго кирила. мжжа праведна и истинна. и сътвори имъ.л. писмена и осмъ. wва убw по чину гръчьскыхъ писменъ. wва же по словънстъи ръчи.

Ѿ пръваго же наченъ по гръчьску. шни убо алфа. а съ, азь. ш аза начать шбое. и мко же шни подобльше са жидовьскымь писменемь сътворишж, тако и съ гръчьскымъ. жидове бш пръвое писма имать алефь. еже са сказаеть учение съвръшажще. въводиму дѣтищу и глаще учи са. еже есть алефь. и гръци подобаще са тому алфа рѣшж. и сподоби са речение сказаниа жидовьска гръчьск жзыку. да речеть дѣтищу вь учениа мѣсто ищи алфа. боиши са речеть гръчьскомь жзыкомъ. тѣм бо подоба са стыи кирилъ створи пръвое писма, азь. нж яко и пръвому сжщу писмени азь. и ш ба дану роду словѣнскому на швръстие устъ. въ разумъ учащим

са б 8 квамъ. великомь раздвижениемь устъ възгласит са. а wна писмена маломъ раздвижениемь усть възгласат са и испов 4 дажт са.

III. Потом же Бог человеколюбец, который правит всем и не оставляет и человеческого рода без знания, но всех приводит к познанию и спасению, помиловал род славянский и послал им святого Константина Философа, названного (в пострижении) Кириллом, мужа праведного и истинного. И создал (он) для них тридцать письмен и восемь, одни по образцу греческих письмен, другие же в соответствии со славянской речью.

С первой (буквы) начал, как в греческой (азбуке): они ведь (начинают) с «альфы», а он с «аз». И так обе начинаются с «аз». И как те создали (азбуку), подражая еврейским письменам, так и он греческим. У евреев же первая буква «алеф», что значит «учение». И когда приводят ребёнка (для обучения), говорят [ему]: учись, а это – «алеф». И греки, подражая этому, сказали «альфа». И так был приспособлен оборот еврейской речи к греческому языку, так что ребёнку вместо «учения» говорят «ищи». «Ищи» ведь говорится погречески «Альфа». И это, следуя за ними, святой Кирилл создал первую букву «аз». Но потому что «аз» было первой буквой данной от Бога роду славянскому, чтобы открыть для знания учащих буквы уста, возглашается она широко раздвигая губы, а другие буквы возглашаются и произносятся с малым раздвиганием губ.

IV. Се же сжть писмена словъньскаа. сицеа подбаеть писати и глати. а́ б́ в́ ѓ.

IV. Это же – письмена славянские, и так их надлежит писать и выговаривать: а, б, в даже и до л. ... Из

Кладет Иван Фёдоров литеру за литерой в Азбуке, и явственно видит, как вскинулись противники создания славянской письменности, как набросились на Константина Философа и Мефодия, и разгорелась между ними нешуточная словесная битва.

V. Друзии же глать почто есть .ли. писмень створиль. а можеть са и меншимь того писати. ко же и гръци .кд. пишжть. и не въдать колицъмь пишжть гръци. есть бо 8бw .кд. писменъ. нж не наплънъжт са тъми книгы. нж приложили сжтъ двогласныхь .аі. и въ чисменех же .f § é. и .б. десатное. и .б. сътное. и събиражтъ са ихъ .ли. тъм же потому подобно и въ тъжде шбразъ створи стыи кирилъ .ли. писменъ.

V. Другие же говорят: «Зачем создал тридцать восемь письмен, можно и меньшим (числом письмен) писать, как греки двадцатью четырьмя (буквами) пишут». А не знают (точно), сколькими (знаками) пишут греки. Есть ведь у них двадцать четыре буквы, но письмо их не полно с этими буквами и добавили 11 [двоегласных] и цифры три – «шесть», «девяносто» и «девятьсот» и собирается их всех 30 и восемь. Подобно тому и по тому образцу создал святой Кирилл 30 письмен и восемь.

VI. Друзии же глать чесому же сжть словънскы книгы. ни того бо есть бъ створилъ. ни то аггли. ни сжть ижде конни. како жидовьскы и римскы и ел-

Къ тъмь что глемь или что речемь къ та-на8чихшм са. мко всъ по раду быважть й ба. а не иногдож. нъсть бо бъ створилъ жидовьска жзыка пръжде. ни римска. ни еллиньска. нж сирскы. имже и адамъ гла. и ѿ адама до потопа. и ѿ потопа дондеже бъ раздъли жзыкы при стльпотвореніи мкоже пишеть. размъшеном же бывшемь жзыкшмъ. и коже са жзыци размъсишж. тако и нрави и обычае и устави. и закони. и хытрости. на жзыкы. египтъншм же землемърение. а персимъ и халдеимъ и асирешмъ. звъздочьтение. вльшвение. врачевание. чарованиа. и всъ хытрость члча. жидовом же стыж книгы. въ них же есть писано. ако бъ нбо створи и земла. и всъ ©же на неи. и члка. и всъ по раду како же пишеть. еллиншмъ граматикиа. риторикиа. философиж.

VI. Другие же говорят: зачем нужны славянские письмена? Ведь не создал их ни Бог, ни апостолы, и не существуют они искони, как еврейские и римские и греческие, что существуют изначально и угодны Богу. А другие судят, что письмена сотворил (сам) Бог. И сами не знают, что говорят, окаянные, будто бы Бог повелел, чтобы [книги] были лишь на трёх языках, как написано в Евангелии: «и была написана надпись по-еврейски, по-римски и погречески», а по-славянски там не было (написано), а потому и славянские письмена не от Бога.

Что поведаем или что скажем таким безумцам? Всё же скажем от святого Писания, как научились, что всё по порядку исходит от Бога, а не единожды. Вначале не создал Бог ни еврейского языка, ни римского, ни греческого, но сирийский, на котором говорил и Адам, (а потом) от Адама до потопа и от потопа (до того времени), когда Бог разделил языки при строительстве башни (Вавилонской), как написано (в Писании). И когда были разделены языки, то как разделены были языки, так же разделены были между разными народами нравы и обычаи, уставы и законы и знания: египтянам (досталось) землемерие, а персам, халдеям и ассирийцам – звездочетство, волхвование, врачевание, чары и всё знание человеческое, евреям же - святые книги, в которых написано, как Бог сотворил небо и землю, и всё, что на ней, и человека, и всё по порядку, как написано (в Писании), а грекам - грамматика, риторика, философия.

В конце концов признали-таки противники Константина Философа и Мефодия их правоту!

Мелькают руки печатника, буква теснится к букве, образуя мелкий убористый текст.

Иван Фёдоров вместе с создателями славянских письмен «отправляется» в великий Рим, чтобы выслушать там слова благодарности от самого папы Адриана: «А если кто станет порицать книги на языке вашем, да будет отлучен, пока не исправится».

Посвятив старшего из братьев Мефодия в чин епископа, он повелел в течение нескольких дней провести в Риме богослужение на славянском языке.

Благословенное время! Христианская церковь ещё не была разделена на католическую и православ-

ную, все крестились и молились одинаково. Но как же потом всё переменилось...

Заболел и скончался во время пребывания в Риме Константин Философ. Накануне своей смерти он принял постриг в монахи и взял себе другое имя – Кирилл. Мефодий один вернулся в моравские земли и продолжил там служение христианской вере.

VII. Нж пръжде сего еллини не имъхж своимъ жзыкомь писмен. нж финичьскыми писмены писахж свож си ръчь. и тако бъшж многа лъта. панамидь же послъжде пришедъ. наченъ ѿ алфы и виты. .sí. писменъ тъкмо еллиншмъ шбръте. пръложи же имъ кадьмъ милисіи писмена .f. тъм же многа лъта .eí. писмены писаахж. и потомъ симонидъ шбрътъ приложи двъ писмени. епихаріи же сказатель .f. писмена шбръте. и събра са ихъ .ќд. по мнозъх же лътъхъ дионисъ граматикъ .ś. двогласныхъ шбръте. потом же другыи .f. чисменитаа.

И тако мнози многыми лѣты. едва събрашж лий. писменъ потом же многомъ лѣтшмъ минжвшемъ. бжиемъ повелѣниемь шбрѣте са .б. мжжъ. иже прѣложишж ш жидовъскаа на гръчьскый жзыкъ. а словѣнскыж книгы. единъ стый кшстантинъ нарицаемый кирилъ. и писмена створи и книгы прѣложи. въ малѣхь лѣтѣхь. а шни мнози многы лѣты. .б. ихъ писмена устрой. а .б. прѣложение. тѣм же словѣнскаа писмена. стѣйши сжть и чьстнѣйша. стъ бш мжжъ створилъ в юсть. а гръчьскаа еллини погани.

VII. Но перед этим не было у греков (особых) письмен [для своего языка], но записывали свою речь финикийскими письменами. И так было много лет. Потом же пришёл Паламед и, начиная с «альфы» и «беты», нашёл для греков лишь шестнадцать букв.

Кадм из Милета прибавил к ним ещё три буквы. И так в течение многих лет писали девятнадцатью буквами. И потом Симонид нашёл и добавил две буквы, а Эпихарм толкователь нашёл (ещё) три буквы, и собралось их 24. Через много лет Дионисий Грамматик нашёл шесть двоегласных, а потом другой – пять, а иной (ещё) три цифры.

И так многие за много лет едва собрали 30 и 8 письмен. Потом же, когда прошли многие годы, по Божьему повелению нашлось 70 мужей, которые перевели (Писание) с еврейского языка на греческий. А для славян один святой Константин, (в пострижении) названный Кириллом, и письмена создал, и книги перевёл за немногие годы: а они – многие и за много лет: семь их создало письмена, а семьдесят – перевод. И потому (ещё) славянские письмена более святы и [более достойны почитания], ибо создал их святой муж, а греческие – язычники эллины.

VIII. Аще ли кто речеть яко нѣсть устроилъ добрѣ. понеже съ постравжть и ещё. Ѿвѣтъ речемь симь. и гръчьскы такожде. многажди сжть постраяли. акилла и симмахь. и потомъ ини мнози. удобѣе бо есть послѣжде потворити неже пръвое створити.

VIII. Если же кто скажет, что дело его несовершенно, ибо и теперь (его) ещё доделывают, то на эти речи такой ответ: так и греческие (работы) много раз доделывали Аквила и Симмах и потом иные многие. Ибо легче после доделывать, чем сначала создать.

IX. Аще бо въпросиши книгьчим гръчьскым гла. кто вы есть писмена створилъ. или книгы прѣложилъ. или въ кое врѣмм. то рѣдціи ѿ нихъ вѣдать.

аще ли въпросиши словънскых букарх гла. кто вы писмена створилъ есть. или книгы пръложилъ. то вьси въдать. и швъщавше рекжть. стыи кшстантинъ философъ нарицаемыи кирилъ. тъ намь писмена створи и книгы пръложи. и меоодие братъ его. и аще въпросиши въ кое връма. то въдать и рекжть. яко въ връмена михаила цръ гръчьскаго. и бориса кназа блъгарскаго. и растица кназа морска. и коцелъ кназа блатенска. въ лъта же ш създаниа въсего мира. *sťšг.

IX. Ведь если спросишь книжников греческих, говоря: кто создал вам письмена или книги перевёл и в какое время, то мало кто среди них (это) знает. Если же спросишь славянских книжников, кто вам письмена создал или книги перевёл, то все знают и, отвечая, говорят: святой Константин Философ, названный Кириллом, он и письмена создал, и книги перевёл, и Мефодий, брат его. [Ведь ещё живы те, кто их видели – в Московском сп.]. И если спросишь, в какое время, то знают и скажут, что во времена Михаила, цесаря греческого, и Бориса, князя болгарского, и Ростислава, князя моравского, и Коцела, князя блатенского, в лето же от создания мира 63[6]3.

Неисповедимы пути Господни...

После того, как в Моравии произошёл переворот, Мефодия арестовали и предали суду. Возымевшие власть германские священники обвинили его в том, что он не имеет права проповедовать на их земле.

– Если бы я думал, что это ваша земля, то не ступил бы на неё ногой, а прошёл мимо. Но она принадлежит не вам, а Богу. Вы же, по своей жадности и зависти, препятствуете учению Божьему», – ответил Мефодий.

- Будет тебе худо! вскричали германские священники и набросились на него с кулаками.
- Можете делать со мной, что хотите. И более достойные люди, нежели я, принимали мученический венец за правду!» был ответ Мефодия.

Его бросили в темницу в Швабии, где он протомился два года. Случайно оказавшись в тех местах странствующий монах Лазарь узнал об этом и поведал римскому папе. Разгневанный на самоуправство германских священников, римский папа приказал освободить Мефодия. К тому времени тот уже был стар, но продолжил трудиться.

Призвав к себе на помощь двух учеников-скорописцев, Мефодий перевёл на славянский язык ещё немало книг. После этого он настолько ослабел, что не смог больше подняться с постели.

Умирая, Мефодий обратился к Богу со словами: «В руки твои, Господи, душу свою влагаю...»

...Вот уже набор и к концу подходит, осталось совсем немного.

Иван Фёдоров выуживает последние литеры, ставит их в наборную раму.

Х. Сжть же и ини штвъти. аже и инде речемъ. а нинъ нъсть връма. такъ разумъ братие бъ есть далъ словъншмъ. ему же слава и чьсть и дръжава и покланъние. нинъ и присно. и въ бесконечных въкы. Амин».

X. Есть же и другие ответы, как скажем в ином месте, а ныне нет времени. Такое знание, братья, дал Бог славянам, а Ему слава и честь и власть ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Всё! Азбука набрана!

Расправившись над столом, Иван Фёдоров, держась одной рукой за поясницу, другой вытер выступившие на лбу мелкие капельки пота.

Воссиявшее в полную силу солнце ярким светом наполнило комнату. Обрамленные медной рамой, поблескивали, словно переговаривались друг с другом, буквицы новой Азбуки. Небольшой, всего в осьмушку листа, но такой значимой для всего православного мира.

Иван Фёдоров, подняв усталую руку, обратился к образам. Размашисто перекрестившись, «прости, мя, грешного», он низко, до самого пола, поклонился святым угодникам.

«Благодарю, Господи, за ниспосланное свыше наущенье для книжицы моей, "ради младенческого наученья" именуемой..».

И ныне, и присно... И во веки веков...

18 июня 1578 года, спустя четыре года после выхода во Львове первой Азбуки, Иваном Фёдоровым в Остроге была напечатана вторая Азбука, дополненная параллельными греко-славянскими текстами и Сказанием, «како составил святой Кирилл Философ Азбуку по языку словенскому и книги переведе от греческого».

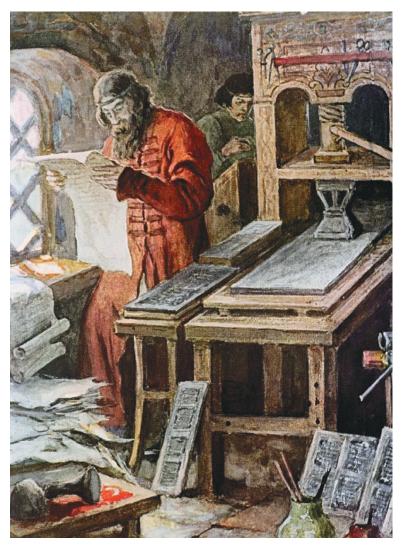
Р.S. Азбука Ивана Фёдорова...

Сия скромная, не имеющая названия книжечка, не сравнима с роскошными фолиантами. Но умаляет ли это её значение? Спрятавшийся под тенью деревьев родничок тоже неприметен и тих – не брызжет буйным фонтаном, не разливается стремительным потоком, не блещет зеркалом вод. С трудом пробившись сквозь толщу земли, очистившийся от

всего ненужного и наносного, тихо булькает он в своей колыбельке кристальной слезой, неся людям целительную силу матушки Земли.

Азбука Фёдорова сродни живительному родничку. Это не только средоточие языка наших предков, но и великий движитель, ведущий к осознанию своей национальной веры и силы.

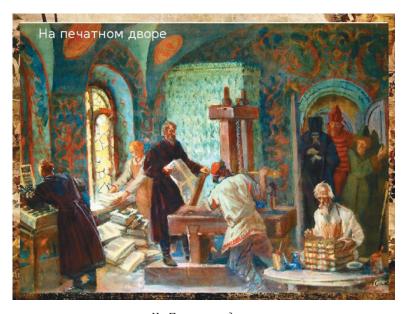
Мы безмерно благодарны за то Ивану Фёдорову. Низкий, земной ему поклон.

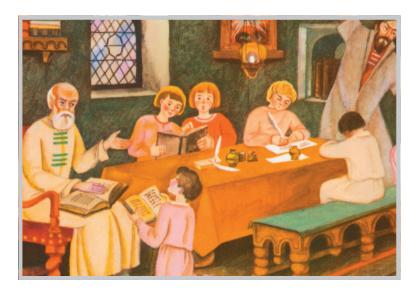
Фёдоров Иван Фёдорович (Московитин Иван Фёдорович), основатель книгопечатания на Руси и в Украине (ок. 1510–1583 гг.)

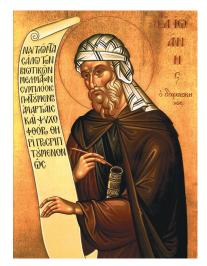
На Великом Торгу

На Печатном дворе

В древнерусской школе

Преподобный Иоанн Дамаскин. Византийский богослов, философ, поэт, один из отцов Восточной Церкви (кон. VII - ок. 777–780 [1])

Иван IV Васильевич (Иван IV Грозный) – великий князь Московский и Владимирский, первый русский царь (1530–1584 гг.)

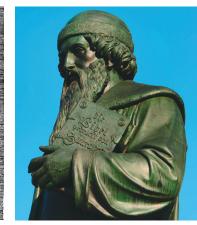
Максим Грек – писатель, переводчик, богослов, филолог (1470–1556 гг.)

Макарий, митрополит Московский и всея Руси (1482–1563 гг.)

Альдус Мануций, итальянский типограф, издатель (1449(1452)–1515 гг.)

Иоганн Гутенберг, изобретатель печатного станка, Германия (1400–1468 гг.)

Князь Острожский К. К., западнорусский магнат Речи Посполитой, (1526–1608 гг.)

Гетман Ходкевич Г.А., западнорусский магнат, государственный деятель и военачальник Великого княжества Литовского

Новгородские берестяные грамоты, XIII век

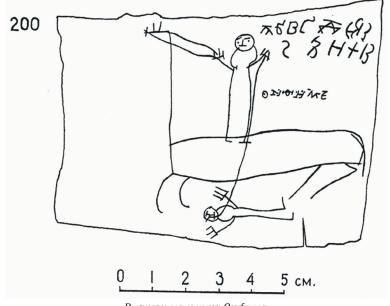

Рисунок мальчика Онфима

Скарга Пётр – католический теолог, писатель, деятель контрреформации в Речи Посполитой (1536–1617 гг.)

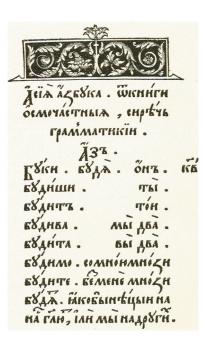

Славянские просветители святые братья Кирилл (Константин Философ) и Мефодий

АЗБУКА 1574 г., Львов

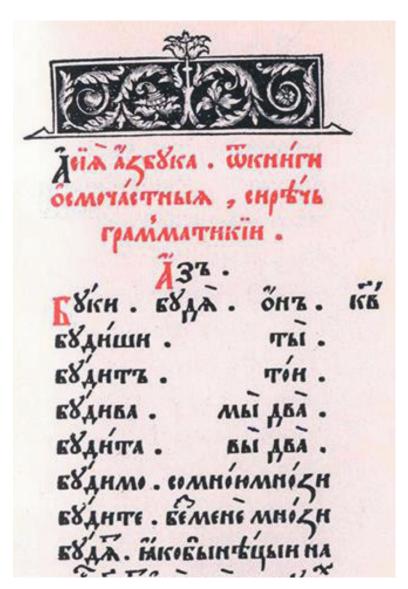

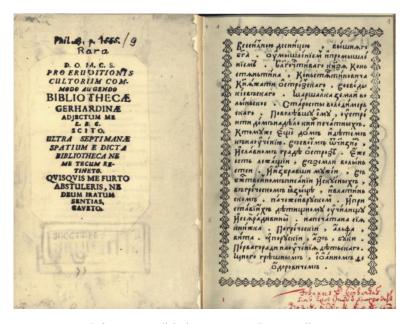
АЗБУКА 1578 г. г., Острог

На развороте представлен азбучный стих-текст, каждая строчка которого начинается с очередной буквы алфавита

Книга открывается 45 буквами алфавита, созданного славянскими просветителями святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием

В Острожской Азбуке, как и во Львовской, – 45 ненумерованных листов

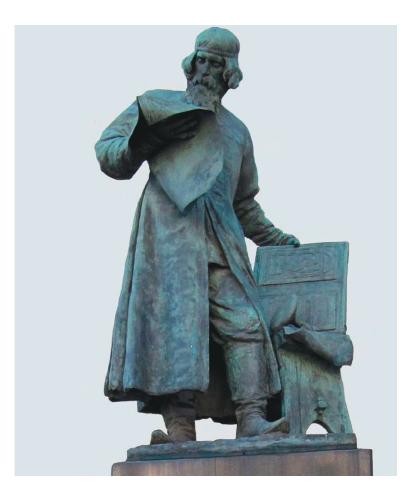
«Начало учения детям, хотящим разуметь писание»

кимижеться пнеатидобрась до урскы мынименемь съчворишж дакон PARAMETER STANDARD TO THE STAN

Знак Ивана Фёдорова

Страница трактата черноризца Храбра «О письменах»

Памятник Ивану Фёдорову от благодарных потомков в Москве

ОГЛАВЛЕНИЕ

Любовь к свету. С. В. Морозова	5
Глава І. Муки от «аз» и «буки»	
Глава II. «Розга ум вострит»	22
Глава Ш. На Великом торгу	33
Глава IV. Митрополит Макарий	45
Глава V. Часовник	53
Глава VI. От Иоанна Дамаскина до Максима Грека.	59
Глава VII. Отъезд из Москвы	70
Глава VIII. В Заблудово	79
Глава IX. Три части Азбуки	90
«Поклон от Онфима Даниле»	90
«Сиречь грамматикии»	96
«Не сотвори насилия убогому»	100
Глава Х. Львов. В поисках денег	102
Глава XI. Встреча с иезуитом	123
Глава XII. Сначала – Азбука!	135
Глава XIII. "Низкий тебе поклон»	143
Глава XIV. Князь Острожский	
Глава XV. Малиновый звон	163
Глава XVI. В Острожской академии	172
Глава XVII. Трактат проповедника Скарги	180
Глава XVIII. «И во веки веков»	193
Фотоиллюстрации	215

Дмитрий ЖУКОВ

СОТВОРЕНИЕ АЗБУКИ

Художественно-документальный роман

Редактор А. Д. Балашов Корректор Т. В. Зиновьева Компьютерная вёрстка – Г. И. Лиджеев Оформление – Н. Г. Абушинова Ответственная за выпуск – Н. И. Базанова

Подписано в печать 28.10.2024 Формат $84x108\,^{1}/_{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Cambria» Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,18 Тираж 500 экз.

ИП Орлова Полина Георгиевна Издательство «Восточный экспресс»

Отпечатано в 000 «Планета+» 305048. г. Курск, ул. Косухина, 9/1 Тел. (4712) 52-78-69 www.planetakursk.ru